

история/география/этнография

Иноземцы на русской службе

Валерий Ярхо

И НОЗЕМЦЫ на русской службе

Военные, дипломаты, архитекторы,
лекари, актеры, авантюристы...

Валерий Ярхо

ЛомоносовЪ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Валерий Яrho

Иноземцы на русской службе

Военные, дипломаты,
архитекторы, лекари, актеры,
авантюристы...

Издательство «Ломоносовъ»
Москва • 2015

УДК 94(47).04
ББК 63.3(2)44-45
Я78

*Серия Византизм
Vizantizmus & Kalli*

Составитель серии Владислав Петров

Иллюстрации Ирины Тибиловой

ISBN 978-5-91678-257-8

© В. Ярхо, 2015
© ООО «Издательство «Ломоносовъ», 2015

1. Итальянская эпоха в Московии

Сказать в точности, когда именно на русской службе стали появляться иноземцы, не возьмется никто — эти даты теряются в древности, а главная сложность заключается в том, кого, собственно, считать иноземцами? Тверь, Рязань, Владимир, Киев, Новгород, Чернигов, Галич — это все были отдельные государства, хотя население в них большей частью изъяснялось на русском языке. В XIII веке приехавший во Владимир житель Рязани тоже был иностранцем. Считать ли иноземцами татарских богатырей, с семьями и свитами «выезжавших из Орды», чтобы стать подданными московских великих князей, а потом и царей московских? Полагать ли иностранцами тех, кто, прибыв из Польши и Литвы, Швеции или немецких земель, перешел в православие и принял подданство одного из русских княжеств? Если обратиться к документам, у подавляющего большинства дворянских родов в самом начале родословных списков стоит: «Предок их такой-то по прозвищу сякой-то, выехал на службу русскому великому князю из тех-то и тех-то земель, получив себе в вотчину земли там-то и там-то».

В центре столицы Московского княжества, от самых стен Кремля, тянулся большой квартал, застроенный домами, лавками и складами, принадлежавшими «суроужским гостям». Так звали в Москве греческих, армянских и генуэзских купцов из крымских городов Сурожа (Судак) и Кафы (Феодосия), где сходились многие морские и сухопутные пути караванной торговли. Впервые они появились в Москве в свите знатного ордынского татарина Ирынчая и повели большой торг дорогими шелковыми тканями, предметами роскоши и разными другими «заморскими товарами». Поколение за поколением клиентами и деловыми партнерами обжившихся в Москве «суроужских гостей» были знатнейшие витязи княжеской дружины, дьяки и люди церкви. Многие суроужане были лично представлены великим князьям — через этих коммерсантов порой совершались дипломатические и финансовые дела Московского царства. Было время, когда побережье Крыма принадлежало генуэзцам и банк Сен-Джорджо, созданный цехом генуэзских менял, выкупил там земли. С тех пор, несмотря на неоднократную смену политических ситуаций в Крыму, сохранялись старые связи суроужан с генуэзскими банкирами, политиками и финансистами Венеции, торговыми партнерами в Милане и во Флоренции, в Каире и Дамаске, Константинополе, Багдаде и других местах.

С одним из караванов «суроужан» прибыл в Москву человек, носивший совершенно непроизносимое для русского человека имя Джан Батиста делла Вольпе. Родом он был из итальянского города Виченцы, дворянин по рождению, художник по таланту и искатель приключений по душевному складу — сын своего века, один из тех авантюристов, которые, рискуя потерять голову, отправлялись в дальние странствия. Покинув Виченцу в 1455 году синьор Джан Батиста отправился на восток, добрался до Золотой Орды и какое-то время обретался там с не вполне ясными намерениями. Среди татар он не прижился и почел за благо перебраться в Москву, где итальянскому скитальцу понравилось гораздо больше.

В ту пору Московским княжеством железной рукой правил великий князь Иван III, от одного грозного взора которого иные, послабее духом, падали без чувств. Этому правителю позарез нужны были мастера-искусники, и синьор делла Вольпе, учившийся художеству и знавший ремесло литейщи-

ка, в прямом смысле слова «пришелся ко двору» — к монетному двору великого князя. Условием для поступления на службу к московскому князю было принятие православия, но синьор Джан Батиста был не из тех, кто, видя прямые выгоды, затруднялся бы перед умозрительными препятствиями. Переменив веру, виченцкий дворянин стал зваться Иваном Фрязином и, принятый на княжескую службу, получил под свое управление монетный двор.

Зажив богато и в большом почете, новоявленный москвич через представителей итальянских торговых фирм, живших в квартале «суроужских гостей», поддерживал связь со своими родственниками в Италии, а в 1468 году к нему в гости пожаловали старшие братья — Карло делла Вольпе и Николо Джисларди с сыном Антонио. Братья представили хозяину дома своего спутника, грека Георгия, слугу кардинала Виссариона, и просили помочь ему в одном деликатном дельце, ради которого тот был послан в далекий край. Посланец кардинала должен был подготовить почву переговоров о возможной женитьбе великого князя Ивана на греческой принцессе Зое, или Зинаиде, дочери морейского господаря Фомы, родного брата последнего византийского императора Константина XII.

К тому моменту, когда к Ивану Фрязину нагрянули гости из Рима, великий князь уже год как вдовствовал, потеряв супругу при весьма трагических и отчасти загадочных обстоятельствах. Их брак был заключен еще в детстве, в те тяжелые времена, когда отец княжича Ивана, великий князь Московский Василий Темный, был коварно захвачен в плен своим заклятым врагом князем Дмитрием Шемякой, который ослепил его и заставил принести клятву отречения от московского престола в свою пользу. После отречения князь был отправлен в Углич, откуда бежал в Белозерский монастырь, где получил из рук высшего русского священства освобождение от данных Шемяке клятв и вознамерился вернуть себе утраченный престол.

Чтобы обезопасить себя от посягательства врагов, Василий Темный с семейством какое-то время жил во владениях своего союзника, великого князя Тверского Бориса Александровича, и для закрепления отношений с ним обручил своего семилетнего сына с его дочерью Марией, которой в ту пору

было пять лет. Когда политический реванш Василия Темного состоялся, двенадцатилетний Иван Васильевич венчался с десятилетней Марией Борисовной, а шесть лет спустя у них родился первенец, крещенный Иваном. Еще через шесть лет, в 1462 году, князь Иван Васильевич унаследовал от отца венец московского князя и стал править.

После Пасхи 1467 года Иван Васильевич отправился по делам в Коломну, где его и застало известие о кончине княгини. После смерти тело Марии Борисовны необыкновенно раздулось, и знающие люди твердили, что это указывает на отравления ядом, а расследование установило, что беда произошла вскоре после того, как входяя в терем княгини Наталья Полуектова, жена дьяка Алексея, носила пояс княгини какой-то знахарке. От большой беды заподозренных в злодействе спасли прежние заслуги самого дьяка, приведшего в 1463 году «под руку князя» город Ярославль, а более того то, что сыскные ярыги так и не смогли отыскать ворожею, которой дьякова женка носила пояс. Гнев князя разрешился лишь высылкой Полуектовых из Москвы и запретом являться на глаза.

Хлопотавший о сватовстве византийской принцессы Зои Палеолог кардинал Виссарион был уроженцем Трапезунда, по рождению православным греком из простолудинов. Благодаря исключительно выдающимся способностям он еще совсем молодым человеком сумел добиться больших успехов, став знаменитым «знатоком книжной науки» и одним из лучших духовных полемистов. Именно его выбрали для участия в дебатах с католиками при обсуждении вопроса о заключении унии — объединения двух христианских конфессий под эгидой римских понтификов. Перед поездкой в Феррару, где должны были состояться прения, для придания большей солидности статусу Виссариона, его возвели в сан никейского архиепископа. На знания и ум молодого богослова возлагались большие надежды, но в Италии с никейским архиепископом произошла печальная для противников унии трансформация — неожиданно для всех Виссарион признал правоту католиков и перешел в стан сторонников объединения. Сам он утверждал, что поступил так, убедившись в правоте оппонентов, а также желая объединить христиан против

турок, грозивших Византии, но для православных греков это звучало неубедительно, и для них Виссарион стал предателем. Пойдя избранным им путем, Виссарион стал участником заключения флорентийской унии, принял сан католического кардинала и поселился в Риме, но при всем при том продолжал считать себя греческим патриотом. Он выступал в качестве римского поверенного в греческих делах, и принял на себя заботу о членах августейшего семейства после падения Константинополя и захвата Византийской империи турками.

Принцесса Зоя вместе со своей семьей бежала на остров Корфу, а оттуда в Рим, где отец ее, опираясь на поддержку кардинала Виссариона, пытался получить от папы Пия II помощь для борьбы против турок. Девочке было двенадцать лет, когда он скоропостижно умер и заботу о ней и братьях — Андрее и Мануиле — кардинал принял на себя. Согласно воле покойного отца, дети Фомы Палеолога воспитывались в лоне католической церкви, одевались, соблюдали обычаи, посещали храмы наравне с природными латинянами. Наставник принцев и принцессы кардинал Виссарион постарался дать им лучшее образование, добился выделения денег на содержание небольшого двора. В те дни Зоя в официальных документах называлась «возлюбленной дочерью римской церкви, питомицей апостольского престола».

Когда пришла пора задуматься об устройстве судьбы принцессы, забот у кардинала прибавилось — несмотря на высокое происхождение и статус воспитанницы папы, Зоя Палеолог не считалась «выгодной партией». Попытка выдать ее за кипрского короля Якова II не увенчалась успехом — король не заинтересовался этим предложением. Совсем уже было дело решено, когда с подачи кардинала византийские принцы сговорились о браке сестры с богатым и знатным итальянским князем Параччиолой, но по какой-то причине и этот сговор распался.

Меж тем время шло, Зое уже исполнилось 24 года — в те времена, когда замуж шли между четырнадцатью и семнадцатью, такие «перестарки» обычно принимали монашеский постриг. Но тут пришло известие о вдовстве московского великого князя, да вдобавок обнаружилась некоторая связь с его двором через московскую диаспору итальянцев.

Не теряя времени, кардинал отправил в Москву своего слугу Георгия, чтобы начать новое сватовство, третье уже по счету.

Саму Зою не очень и спрашивали о ее желаниях — она была во всем послушна Виссариону, а тот сказал, что так будет лучше для всех. Из Рима великий князь Иван виделся надежным и сильным союзником в борьбе с турками, а кроме того, там лелеяли надежду склонить его к принятию унии. О том, какое значение придавали этому возможному брачному союзу в Ватикане, говорит факт отнесения на счет папы всех издержек Георгия и родственников Джана Батисты делла Вольпе в их путешествии до Москвы.

Приманка была, что и говорить, весьма соблазнительна: женитьба московского князя на чистокровной византийской принцессе превращала его в родственника византийских императоров, а рожденные ими дети становились продолжателями династии константинопольских правителей. Предложение кардинала Виссариона было принято вполне благожелательно, и едва об этом стало известно в Риме, как немедленно последовало продолжение: в феврале 1469 года в Москву прибыло посольство придворного принцессы Зои — знатного грека Юрия Траханиота, которого сопровождал племянник Ивана Фрязина, синьор Антонио Джисларди. Они вели уже официальные переговоры о заключении брака, и дело не обошлось без изрядной доли лукавства — скрыв от князя то, что Зоя-Зинаида воспитывалась как католичка, Юрий Траханиот передал великому князю грамоту от кардинала Виссариона, в которой она именовалась Софьей, исконной православной христианкой из византийского императорского дома. Не афишируя две неудачные попытки устройства брака принцессы, Виссарион писал, что ее руки просил король французов и герцог Миланский, но византийская патрицианка, не желая перехода в «латинство», намерена идти только за православного. Не подозревая об истинном положении вещей, в пользу брачного союза с племянницей византийского императора высказались призванный великим князем в советники московский митрополит Филипп и одобрявшая невесту матушка Ивана Васильевича, вдовствующая великая княгиня Мария Ярославовна. Не нашлось противников женитьбы князя на греческой принцессе

ни среди «старшей дружины», ни среди бояр. Посему решено было «делу быть», и уже в марте того же 1469 года послы Виссариона отправились в обратный путь. Вместе с ними ехал и Джан Батиста делла Вольпе, он же великокняжеский «монетчик» Иван Фрязин, которому поручили «посольскую должность править», ведя в Риме переговоры о сватовстве.

Во время визита на историческую родину синьор Джан Батиста во всем блеске проявил талант незаурядного интригана. Он выдавал себя за знатного княжеского вельможу, принимая дары и почести, и щедро сулил покровительство всякому, кто пожелает вести дела с московским двором.

Сменивший умершего Пия II римский папа Павел II был уроженцем Венеции, а потому очень близко к сердцу принимал усиливавшиеся притязания турецких султанов, грозивших интересам его родины. Ловкач делла Вольпе быстро подобрал ключики к его сердцу: при папском дворе он назвался католиком, скрыв то, что в Москве переменял веру, много говорил о возможности принятии унии московским князем и его участия в военных делах против турок. Результатом подобных усилий Ивана Фрязина стало приглашение в Рим московского посольства для сватовства.

На возвратном пути синьор Джан Батиста заехал в Венецию, где был встречен с большим почетом, и посулил сенату республики провести в Золотую Орду дипломатического агента, который должен был договориться с ханом о выставлении против турок войска в 200 тысяч всадников. Отправляясь в дальнейший путь, он включил в свиту своего племянника Антонио Джисларди, состоявшего на дипломатической службе Венецианской республики, и секретаря венецианского сената Жана Батисту Травизиана, скрыв его истинный статус и назвав другим своим племянником, который едет по торговым делам.

В Москву посольство Ивана Фрязина вернулось в 1471 году, доставив князю Ивану рисованный на доске портрет принцессы Зои-Софии и подробный отчет о переговорах. К моменту возвращения посольства в Москве стало известно, что умер папа Павел II, но точно не знали, кто занял ватиканский престол после него. Во всяком случае, со свадьбой решили не тянуть, и Ивану Фрязину приказано было опять собираться в путь — 16 января 1472 года он снова вы-

ехал в Рим во главе посольского каравана. Из-за такой спешки при подготовке княжеской свадьбы переправить венецианца Травизиана в Орду он не успел, и тот остался в Москве вместе с Антонио Джисларди, чтобы дожидаться возвращения делла Вольпе с княжеской невестой.

К концу мая 1472 года делла Вольпе добрался до Рима, где выяснилось, что грамота, которой его снабдили в Москве, по недостатку верных сведений была написана на имя папы Калликста, а понтификом стал Сикст IV. Тем не менее русский посол был принят, предстал перед тайной консисторией и, несмотря на изъян верительной грамоты, смог достойно объясниться. Тут очень пригодились дорогие подарки, поднесенные папе, — синьор делла Вольпе вручил его святейшему шубу из драгоценных северных мехов и в добавок к тому семьдесят соболей, что произвело самое благоприятное впечатление на понтифика. Разрешение на брак Зои Палеолог и русского князя Ивана было дано, дело пошло по накатанной стезе, причем княжескому послу пришлось символически заменить персону своего господина во время обряда обручения с невестой. пышная церемония состоялась 1 июня в базилике Св. апостолов Петра и Павла, куда Зою-Софию сопровождала пышная свита.

Папа Сикст 24 июня 1472 года принял Зою в ватиканских садах, и во время этой прощальной аудиенции поднес ей щедрые подарки, а сверх того пожаловал в приданое шесть тысяч дукатов. В тот же день она навсегда покинула Рим. С нею в Москву ехал папский легат, епископ Антон Бонумбре, которому было поручено склонить московских правителей и церковных иерархов к принятию унии.

Огромный караван княжеской невесты проследовал от Рима к Флоренции, оттуда в Сиену, далее в Болонью, Виченцу, на Нюрнберг, и всюду на его пути местные власти устраивали триумфальные шествия и праздники, длившиеся по нескольку дней. По немецким землям они проехали до Любека, где сели на корабли, которые доставили их в Ревель, а оттуда в Дерпт.

К границе русских земель караван принцессы Палеолог приблизился 11 октября 1472 года. Едва ступив на русскую землю, принцесса иначе как Софьей не звалась. Она демон-

стративно подчеркивало свое православие и весьма резко одернула епископа Бонумбре, выказавшего пренебрежение православным иконам. В Пскове встречали ее торжественно и радостно, но там путешественники не задержались, отправившись в Новгород, а оттуда в Москву, куда прибыли 12 ноября.

Сразу же по приезде принцесса Софья отправилась в Успенский собор, который тогда перестраивался, и отслужила молебен. Из храма она прошла в кремлевский терем матери жениха, вдовствующей великой княгини Марии Ярославны, и там впервые увидела своего суженого. Через несколько часов после первой встречи коломенский протопоп Осия повенчал их в деревянном шатре, устроенном внутри недостроенного собора. Еще неделю спустя, 18 ноября, в далекой Равенне скончался кардинал Виссарион, и тем самым оборвалась последняя связь супруги великого князя с римской юностью. Началась новая жизнь — гонимая принцесса-сирота Зоя стала Софьей Фоминичной, великой княгиней Московской.

Миссия епископа Бонумбре успеха не имела — основательно подготовившись к прениям о вопросах веры, Митрополит Московский Филипп выставил против епископа московского книжника Никиту Поповича, который так прижал оппонента своими аргументами, что тот вынужден был спастись, заявив, что у него нет под руками нужных книг, после чего свернул дискуссию. Проведя в Москве одиннадцать недель, епископ не добился никаких значимых результатов, кроме очень общих уверений благорасположения.

Единственным его дипломатическим успехом можно было считать удар, который епископ Антоний нанес по позициям венецианцев. Сам Антонио Бонумбре по рождению был генуэзцем, носил сан епископа острова Корсика, принадлежавшего Генуэзской республике, которая остро конкурировала с венецианцами в морской торговле. Это противостояние распространялось и на Причерноморье — позиции генуэзцев были традиционно сильны в крымской Кафе, но в Тане, как называли Азов, верх брали венецианцы. Узнав еще в Риме о миссии Травезиана, генуэзец Бонумбре сообщил ближайшему окружению великого князя, что в москов-

ском доме монетного мастера Ивана Фрязина живет тайный венецианский посол, едущий в Орду, который выдает себя за купца. Отношения Москвы с Ордой тогда были напряженными, а потому, заподозрив измену и тайные козни, Иван Васильевич распорядился схватить Ивана Фрязина, Жана Батисту Травезиана и Антонио Джисларди. Дом Фрязина отдали на разграбление, а его самого отправили в Коломну, где заключили в темницу. Посла Травезиана посадили до выяснения всех обстоятельств под замок, а Антонио Джисларди спешно отправили в Венецию, дабы он привез объяснения от венецианского сената.

Лишь когда младший Джисларди вернулся, привезя с собой грамоты сената, и оказалось, что Травезиан должен был добиваться подмоги от ордынского войска для войны с турками, что существенно ослабило бы давление татар на Русь, все причастные к этому делу были прощены. Секретарь венецианского сената отправился в Орду исполнять возложенное на него поручение, делла Вольпе вернули на службу, и он позже был отправлен во Псков, чтобы руководить там работами по починке крепостных стен, а его племянник-дипломат получил полное доверие московских властей.

Появление в Москве большего числа иноземцев, прибывших в свите великой княгини, отозвалось расширением связей с различными государствами Апеннинского полуострова, где в тот момент воспряли почти угасшие в средневековой Европе наука и искусства. Это время современные учебники называют «Ранним Возрождением», и ровно в тот год, когда Софья Фоминична Палеолог стала московской великой княгиней, в Италии делали первые самостоятельные шаги покончившие с ученичеством Леонардо да Винчи и Перуджино, папа Сикст начал сооружение знаменитой капеллы, которую назовут его именем, а достигшие богатства и политического могущества флорентийские олигархи Медичи активно спонсировали художников, скульпторов, искусников разного ремесла, превращая Флоренцию в сокровищницу мастерства и высших проявлений человеческих талантов.

У итальянцев и греков, прибывших в Москву в свите Софьи Палеолог, на родине осталось множество родственников и добрых знакомых; при их участии обмена посольствами

стали постоянными. По проторенной дипломатами дороге в Москву потянулись получавшие выгодные предложения итальянские мастера, художники и ученые, которые своими работами оказали огромное влияние на русскую культуру. В этом сказывалось одно из проявлений влияния новой жены московского князя, которая оказалась не только желанной супругой, но и весьма дельной советчицей в делах.

Одним из первых итальянских мастеров, приглашенных для работы в Москве с подачи Софьи Фоминичны, стал болонский инженер Аристотель Фьораванти, призванный, чтобы отстроить заново Успенский собор в Кремле — тот самый, в стенах которого для венчания великокняжеской четы соорудили деревянный шатер.

Реконструкция старого кремлевского храма, построенного при князе Иване Калите и изрядно обветшавшего, затеял еще митрополит Филипп. Подряд на строительство отдали известным русским зодчим Кривцову и Мышкину, но их поджидала страшная неудача — возведенные до сводов стены собора обрушились при весьма странных обстоятельствах. Согласно документам той поры, «бысть трус во граде Москве и церковь св. Богородицы, сделана бысть до верхних камор, падеша нощию и храми все потрясошася, яко земли поколебатися». Землетрясения хоть и не часты в Москве, но время от времени случаются, и «трус земли» имевший место в ночь на 20 мая 1474 года, обнаружил всю непрочность соборной постройки. Для получения независимого мнения о причинах обрушения в Москву пригласили мастеров из Пскова, и те, осмотрев руины, раскритиковали материалы: известь плохо «держала» и кирпич — «плинфа» византийского образца — оказался неважного качества. Предложение начать строительство заново те же псковские мастера вежливо отклонили, сказав, что не справятся.

Долго ломать голову над тем, откуда приглашать мастеров, не пришлось — сразу же за стенами Кремля в квартале «сурожских гостей» один за другим росли каменные дома крымских купцов. Первым во всей Москве возвел частный каменный дом сурожанин Федор Таракан, отстроивший свою усадьбу из камня и кирпича подле самого Кремля, прямо у Фроловских (Спасских) ворот крепости. Вслед за ним и другие «сурожские гости» стали возводить «каменное строение». Любопыт-

ная примета времени заключалась в том, что в этих хоромах владельцы не жили. «Каменные палаты», являясь символами зажиточности, использовались в качестве приемных залов, контор торговых фирм, хранилищ денег, документов, книг и прочего, что тогда считалось ценностью и стоило дорого, а для жительства по-прежнему ставились деревянные терема.

Пригласить мастеров-итальянцев поручили дьяку Семену Толбузину, энергичному чиновнику, знавшему иноземные обычаи и латинский язык. Он стал первым природным русским, отправленным послом в Италию, — прежде туда слали только итальянцев или греков. По мере укрепления связей с итальянцами в Кремле уже не путали имена римских пап и много лучше ориентировались в политической ситуации.

Посол Толбузин официально ехал в Венецию в ответ на посольство, которое в Москве принимали перед этим весной, а не афишируемой частью данного ему поручения являлось приглашение инженера и архитектора Аристотеля Фьораванти на русскую службу. Тонкость заключалось в том, что знаменитый инженер римскими властями подозревался в причастности к изготовлению фальшивых денег и в 1473 году его посадили в тюрьму, а покуда он обретался в римском узилище, коммуна (орган городского управления) родной Болоньи, пославшая его работать в Рим, успела отречься от него. Все прежние заслуги Фьораванти — а он немало строил, лил колокола и пушки, устраивал шлюзы, возводил фортификационные сооружения — предпочли забыть. Покрывшего себя позором подозрений инженера лишили должностей и содержания до окончания расследования, а если оно окажется верным, то навсегда. К человеку, находящемуся под следствием в Риме и уже осужденному в Болонье, посылать послом итальянца или грека, который должен был увезти его в далекую страну, было не совсем удобно. Иное дело, если исполнителем такого поручения был приезжий москвич — в случае осложнений с него и взятки гладки!

В те же дни Фьораванти «обрабатывал» посланец турецкого султана, звавшего мастера в Константинополь, но дьяк Толбузин «перебил цену». В Италию он явился не с пустыми руками — ему выдали 700 рублей из княжеской казны и наказали «рядить муроля (строителя стен) по 10 рублей на месяц». Это были очень большие деньги. Устоять перед таким

предложением человеку, на старости лет лишившемуся репутации, должностей и доходов, было невозможно.

С караваном посла Толбузина мастер Аристотель, которому шел шестидесятый год, его сын Андреа и ученик Пьетро отправились в Москву, куда добрались спустя три месяца, явившись прямо к Пасхе 1475 года. После праздников Фьораванти осмотрел развалины собора и также поругал известь и кирпич, после чего отправился искать подходящую глину. Вскоре он нашел то, что ему было нужно, в ближней окрестности города, подле Андроникова монастыря, где по указаниям синьора инженера стали устраивать завод для изготовления прочного кирпича стандартного размера. Белый камень для собора решено было брать в каменоломнях на реке Пахре, у села Верхнее Мячково.

Тем временем в Кремле началась разборка рухнувших стен собора — тут итальянцы применили «баран», окованное железом бревно, подвешенное на треноге. Дело пошло так быстро, что обломки не успевали вывозить. Великий князь требовал, чтобы собор в точности соответствовал канонам православного храма и был выстроен в стиле, близком национальному духу. Пока заготавливались кирпич, камень и известь, для того чтобы было понятнее, чего требуется от мастера, синьора Аристотеля отправили в ознакомительную поездку во Владимир, где от прежних времен остались каменный собор и несколько церквей, которые можно было принять за образцы. По возвращении из этого вояжа Фьораванти приступил к постройке, применив неизвестную в Москве новацию — вбитые в дно котлована дубовые сваи. Фундамент из белого камня заложили на глубине двух саженей (почти четыре с половиной метра). При строительстве сочетали кирпичную и каменную кладки, для связок использовали не деревянные, а металлические балки. Возводя стены, поднимали сразу и кирпичные столпы, на которые должен был опираться свод. При строительстве применяли подъемные машины, разборную опалубку и другие неизвестные прежде русским приемы и технические приспособления. Важным был секрет известкового раствора, которым скреплялась кладка, привезенный итальянцами, про него в летописи сказано так: «...известь же густо повелели мотыгами мешати, и яко наутро засохнет, то ножом неможно расколупати».

Работы шли хорошими темпами, и уже к 1477 году громадный собор был построен, но еще два года продолжалась внутренняя отделка храма, прежде чем 12 августа 1479 года митрополит Московский Геронтий торжественно освятил его.

Мастер Аристотель составил план «каменного строения», но сам уже ничего в Москве не возводил, занявшись работой по металлу. Он устроил для князя Пушечный двор; с пушками, пищальями и тюфьяками, отлитыми под его руководством, маэстро Аристотель принимал участие в походе 1482 года на Новгород, командуя всей княжеской артиллерией. В том же походе он построил прочный понтонный мост через Волхов, за что был обласкан и награжден. Инженер получал около фунта серебра в месяц, имел богатый дом и почет при дворе, однако, когда он пожелал искать счастья при дворе миланского герцога Сфорца, давно звавшего его на службу, это весьма рассердило московского князя. Впрочем, опала была недолгой — князь готовился к новым походам, опытный артиллерист и военный инженер ему был очень нужен. В свою очередь, и старый мастер умерил норы, согласившись служить князю и впредь. Он принимал участие в походе на Тверь в 1485 году, а позже, продолжая распоряжаться на Пушечном дворе, занимался чеканкой монеты. Постепенно имя Фьораванти пропало из русских документов и не всплывает в итальянских, что дает основания предположить, что умер он в Москве своей смертью в преклонных летах.

За время своего правления великий князь Иван сумел привести под свою руку множество окрестных владений. Княжество усилилось настолько, что подданство Золотой Орде, слабевшей с каждым годом, стало слишком тяготить московского князя. Женитьба на греческой принцессе только усилила амбиции Ивана — при определенной игре политических курсов если не он сам, то его дети вполне могли претендовать на византийский престол, если бы удалось отвоевать Константинополь у турок. Супруга князя всячески подогревала эти настроения и настраивала мужа против татар, начав с того, что добилась удаления их дворов из Кремля, присоветовала каждый раз, когда надо было принимать ордынских послов, сказываться больным и уклоняться от участия в церемонии.

После целого ряда демонстративно пренебрежительных акций в отношении Орды и хана Ахмата конфликт перерос в военное противостояние, которое вылилось в знаменитое «стояние» на берегах Угры осенью 1480 года. До самых морозов два войска, разделенные рекой, стояли друг против друга, собирая союзников и метая ядра через реку. Так и не решившись на переправу, хан Ахмат приказал покинуть русские пределы без боя. Ордынское войско отступило к устьям Дона, где встало на зимовку, но в начале января 1479 года на ставку Ахмата напал ногайский хан Ибак, разбил ордынцев, собственноручно заколол Ахмата и захватил богатую добычу. Эти события привели к распаду Золотой Орды на несколько государств, ни одно из которых не могло тягаться военной мощью с Московским княжеством.

Иван, видя возможность «взять под свою руку» земли ближних и дальних соседей, вовсе не желал упускать такой шанс расширить владения, а у тех, кому это грозило, элементарно не хватало сил для противодействия его намерениям. Тогда же слишком многое изменилось в укладе жизни московских «верховников». По наущению княгини при дворе Ивана Васильевича завели этикет, во всем стараясь подражать византийским императорам, насколько это было возможно, а к этому еще не привыкли многие знатные москвичи. Прежде дела княжества обсуждались со «старшей дружиной» — знатными воинами-ветеранами, приглашались «думу думать» бояре, но с появлением в Москве Софьи от этих старых обычаев не осталось и следа, а важнейшие решения князь стал принимать, «держа совет в опочивальне». Верхушка общества негласно разделилась на недовольных «гречанкой» и ее сторонников, в число которых помимо приезжих иноземцев входили и русские, в большинстве своем служилые люди, не очень родовитые и богатые, которые рассчитывали с помощью Софьи Фоминичны «пойти наверх».

Для партии Софьи черные времена наступили зимой 1483 года, когда во время свадебных гуляний по случаю женитьбы наследника князя Иоанна Васильевича, его сына от первого брака княжича Ивана Ивановича Молодого на Елене, дочери молдавского и волшского господаря Стефана IV, после одного из пиров в Кремле захворал и умер татарский князь

Карачук, наследник касимовского царевича Данияра, бывшего «в чести» у великого князя. Когда выяснилось, что придворный врач Ивана Васильевича, немецкий доктор Антон, на пиру «для смеху» подсыпал в кубок Карачука какого-то зелья, а когда тому стало худо, не смог спасти его, великий князь страшно разгневался! Смерть первой жены произвела на него очень сильное впечатление, а потому идиотская шуточка немца-доктора, обернувшаяся столь печальными последствиями, пробудила в князе сущего изверга. Изначально он распорядился выдать Антона на расправу касимовскому царевичу, но, узнав, что тот, взяв с доктора большой «окуп», отпустил его, распорядился схватить «шутника» снова и отвести его на двор Данияра, передав тому, что князь хочет смерти виновника. Видя, что спорить с князем не стоит, царевич велел своим людям прикончить лекаря — того вывели на москворецкий лед под мостом и там «зарезали как овцу».

В октябре 1483 года у князя Ивана Ивановича родился сын, при крещении нареченный Дмитрием. Великий князь, несказанно обрадованный рождением внука, по обычаю, собирался одарить невестку, решив поднести ей «сажень» — драгоценное ожерелье из фамильных драгоценностей великих князей Тверских, отданных за первой женой князя в качестве приданого. Но сколько ни искали это ожерелье в кремлевских скарбницах, нигде его не могли найти, а потом выяснили, что княгиня Софья самовольно передала его своей племяннице Марии Андреевне, которую выдали замуж за князя Верейского Василия Михайловича Удалого.

Свою дочь принц Андрей Фомич привез в 1480 году и вскоре уехал обратно в Рим, а приданое племяннице обеспечивала тетка. Тогда же выяснилось, что тверское сажень не единственная пропажа — княгиня тайно переправляла братьям значительные суммы денег и драгоценности, которые те проматывали. В Москве не было секретом, что Андрей Фомич, номинально обладавший правами на византийский престол, вел в Риме вызывающе разгульный образ жизни и совершенно погубил свою репутацию, женившись на знаменитой римской проститутке. Эти родственнички и так были великому князю что бельмо на глазу, а как выяснилось, что они еще и пользовались его сокровищами, гневу Ивана Васильевича не было предела. Зная его норы,

князь и княгиня Верейские не стали рисковать и, бросив все, ударились в бег, найдя убежище в Литве. Московский князь гневался на них еще очень долго и, заключая договоры с соседями, специально оговаривал, чтобы их не принимали в своих владениях. Был он недоволен и женой, но все же помиловал ее, хотя в их отношениях наступило некоторое охлаждение.

По прошествии семи лет Москву потряс новый скандал, разразившийся после смерти объявленного наследником княжеского титула Ивана Иванович Молодого. К концу 80-х годов он стал прихварывать, жалуясь на боли в ногах. Мачеха Софья, имевшая некоторые познания в медицине, пользовала его, и молодому князю делалось легче, но полного выздоровления не наступало, и тогда великая княгиня предложила привезти итальянского врача. Отправленные в 1488 году для набора мастеров разного профиля греки из свиты Софьи, братья Дмитрий и Мануил Ралевы, получили с гонцом приказ пригласить доктора и сговорились с венецианским врачом евреем Леоном, который приехал в Москву зимой 1490 года. После первичного осмотра лекарь Леон диагностировал «камчуг» — так тогда называли подагру и ревматизм. Немоги это болезненные и нудные, но совсем не смертельные и вполне поддающиеся лечению. Уверенный в том, что он справится, Леон твердо обещал вылечить княжича и принял за дело, применяя известные в то время средства. Он ставил пациенту банки — «жег ноги скляницами с горячей водой», давал какие-то лекарства внутрь... Но такое лечение княжичу никак не шло на пользу, а даже наоборот — ему становилось все хуже, и 7 марта 1490 года он умер, не дожив до 33 лет. Гибель пациента стоила жизни и его лекарю: справив сороковины по сыну, великий князь приказал казнить Леона Жидовина — 22 апреля того же года за Москвой-рекой, на Болвановке, палач отсек венецианскому врачу голову.

По Москве пополз глухой слух, что к смерти наследника причастна Софья, у которой сложилась устойчивая репутация главной покровительницы всех московских знахарок и чародеек, да и сама она, по уверению современников, умела варить зелья. Также все уже могли оценить наследствен-

ную склонность византийки к интригам, да и принцип «кому выгодно» указывал именно на нее.

К моменту смерти князя Ивана Ивановича княгиня Софья родила мужу десятерых детей — пять мальчиков и пять девочек. Две дочки умерли во младенчестве, но все мальчики были живы-здоровы, однако что их ждало в будущем? При живом сыне князя от первого брака, объявленном наследником и уже принимавшем участие во многих военных и государственных делах, перспективы детей, рожденных Софьей, были весьма невеселыми. С рождением сына у наследника, внука великого князя, возможность наследования княжеского престола отпрысками древа Палеологов становилась и вовсе призрачной.

Смерть молодого князя и сейчас выглядит более чем странной. Кто был медик, который его пользовал? Медицинская иерархия тогда подразделялась так: низший класс — «цирюльник»; средний — «хирург», он же «лекарь»; высший класс — «физик» или «врач». В Италии хирургов звали «маэстро» или «мистро», а доктора «мессере». В старых документах Леона Жидовина устойчиво титулуют «мистро» — он был хирургом, лекарем средней руки, а не врачом. Почему же наследнику великого князя не привезли «мессере»? Выбор был за Софьей Фоминичной. По канонам медицинской науки доктору Леону надлежало посоветоваться с местными врачами, у которых его пациент «наблюдался» прежде. Но дипломированных врачей в Москве не было, посоветоваться ему было не с кем, кроме той же великой княгини, которая проговорила лечить пасынка. Под ее влиянием мистро Леон стал лечить камчужную болезнь, а ведь описанные княгиней симптомы — ломота и онемение в ногах — могли быть не следствием подагры или ревматизма, а результатом отравления. Возможно также, что «камчужная хворь» была фоном, на котором не так были заметны симптомы действия яда долгого действия. Княжича могли подтравливать под предлогом лечения. Приехавший в Москву мистро Леон, не обладая должной квалификацией и не зная, как действуют местные яды, в простоте душевной, столкнувшись с внешне знакомыми симптомами банальной болезни ног, стал лечить, как его учили, в то время как яд убивал пациента. Может даже, его лечение и поспособствовало ускорению процессов: ле-

карства, которыми Леон потчевал княжича, могли усиливать действие яда. Одно безвредное лекарство, принятое совместно с другим, может вызвать негативную реакцию — любой аптекарь приведет множество примеров такого рода. Если что-то такое Леон и понял, то уже потом, когда все произошло, и это мало ему помогло.

Подозрения в отношении великой княгини оставались только подозрениями, а тем временем в Москву продолжали приезжать итальянцы. Марко Фрязин, в 1484 году снесший деревянные дворцы в Кремле, строил на их месте каменные палаты и Москворецкую стрельницу. Первую каменную башню Московского Кремля — Тайницкую — возводил уже известный нам своими дипломатическими похождениями племянник делла Вольпе, Антонио Джисларди. Он же автор Свибловой башни, которую окончили в 1488 году. В мае 1494 года приехал архитектор и инженер-строитель Алевиз, который для князя Ивана выстроил возле Благовещенского собора в Кремле каменную Грановитую палату и продолжил строительство каменных стен и башен. Под его руководством возводилась кремлевская стена от Тайницкой башни до Боровицких ворот, над которыми Алевиз устроил башню. Позже этот мастер выстроил первые четыре яруса знаменитой Ивановской колокольни. Но работал он и в городе, возведя более десятка каменных храмов, в том числе и церковь Св. Варвары в квартале «сурожских гостей», где также отстроил дворы торговых людей Василия Бобра, Вепря Юшкова и Урихвостова.

Тогда же при посредстве людей из свиты княгини Софьи Фоминичны был приглашен ученый муж — немецкий врач, математик, астролог и в прочих науках весьма сведущий человек Никола Бюлов, чье мастерство и знания потребовались для разрешения важнейшего государственного дела. Требовалось исчислить Пасхалию, то есть сроки наступления Пасхи, от которой велся отсчет годового цикла на несколько десятков лет вперед.

Трудность заключалась в том, что для составления Пасхалии требовалось проводить изрядные математические вычисления, а русским «книжникам» произвести их было сложно, поскольку в то время на Руси была принята своя система

счета. Наши предки до самого начала XVIII века вместо цифр употребляли буквенные символы, над которыми ставили значок «титло». В этой системе не было цифры «0», и арифметические действия производились по особым правилам.

Долгое время на Руси пользовались календарями и Пасхалиями, которые вычислялись в Византии, но после того, как в 1453 году великая империя пала под натиском завоевавших Константинополь турок, рассчитывать на помощь греческих математиков уже не приходилось. Срок действия таблиц последней Пасхалии, которая была рассчитана до 7000 года «от сотворения мира» (до 1492 года), истекал.

При дворе императора Священной Римской империи Максимилиана I Бюлов прославился как врач, после чего его пригласили в Рим, ко двору папы Иннокентия VIII. Там он познакомился с московским послом при папском дворе греком Дмитрием Ралевым, которому было поручено разрешение вопроса с новой Пасхалией. От имени великого князя Бюлову было предложено заняться этой работой, за исполнение которой московский князь сулил «мастеру» 1000 талеров, покрытие всех дорожных издержек и гарантию свободного выезда из страны по окончании дела. Склонный к поиску приключений, любивший путешествия, ученый муж согласился. В 1489 или 1490 году Бюлов прибыл в Любек, где присоединился к свите русского посла Георгия Траханиота, который был занят наймом немецких мастеров. Посольский караван отправился морем на Ревель, а оттуда сухим путем в Новгород, где ученый был принят архиепископом Геннадием (Гонзовым), который был главным инициатором составления новой Пасхалии.

В это время митрополит вел отчаянную борьбу с ересью «жидовствующих», как называли последователей учения, проникшего на Русь из Европы, через Литву, где сильна была община «караимов» — иудейской секты, возникшей еще во времена «вавилонского пленения». Учение караимов широко распространилось на всем Ближнем Востоке, проникло на Северный Кавказ, в Крым, а оттуда в Великое княжество Литовское, простиравшееся тогда от Балтики почти до самого Черного моря. Толчком к возрастанию популярности этого религиозного течения послужили «несовпадения» дат

объявлявшегося несколько раз конца света, из-за чего лидеры «жидовствующих» — а это были люди, как правило, получившие хорошее образование — стали ставить под сомнение всю христианскую хронологию.

Проповедь «жидовствующих» составляла жгучую смесь еврейской религиозной литературы, астрологии, нумерологии, кабалистики и прочих «тайных наук». На Руси первым новым соблазнительное учение восприняло новгородское духовенство, сумевшее сохранить свое обращение в глубокой тайне. Случилось это около 1470 года, когда в Новгород, по старинному обычаю этого независимого тогда государства, призвали на княжение литовского князя Михаила Олельковича Слуцкого. Сам Михаил Олелькович был православным, но считался подданным католического польского короля Казимира IV. Князя призвали по предложению новгородского архиепископа Ионы, сторонника независимости Новгородской республики от Москвы, но к моменту приезда Михаила Олельковича архиепископ умер, его место должен был занять один из претендентов, избравшихся жребием. Выбор был между ключником покойного, Пименом, которого поддерживали приверженцы союза с польским королем, и протодиаконом Феофилом, представителем партии сторонников союза с московским князем Иваном III. Жребий избрал Феофила, и призванный на княжение Михаил Олелькович оказался в крайне затруднительном положении, а потому, едва узнав о смерти своего брата в Киеве, уже в марте 1471 года, прокняжив всего несколько месяцев, навсегда покинул новгородскую землю. Однако за этот короткий срок случилось нечто очень важное для новгородцев, да и не только для них.

В ноябре 1470 года в свите князя Михаила из Киева в Новгород прибыло несколько купцов-евреев со своими товарами. После отъезда князя киевские гости остались в Новгороде. По обычаю той поры, городские храмы играли важную роль в торговле, являясь отчасти прообразами банков и страховых компаний. Русские города застраивались преимущественно деревянными домами, и только княжеские палаты — и то не везде — да немногие церкви возводили из камня. Подвалы каменных зданий использовали как надежные кладовые, в которых хранили самое ценное, рассчитывая уберечь от пожара и воров. В торговом городе Новгороде в амбары при

храмах «на ответственное хранение» сваливали привозимые купцами товары, в самих храмах хранили точные весы и меры, что являлось гарантией честных расчетов при заключении сделок. Наконец, среди церковного клира было больше грамотных, которые могли зафиксировать на письме условия при совершении торговых и заемных операций.

Таким образом, у приехавших из Киева еврейских купцов было множество поводов и возможностей познакомиться с новгородскими священниками, имея с ними чисто коммерческие дела, однако этим дело не ограничилось. Среди торговцев был некто Схария, по исповеданию принадлежавший к караимам. По разным свидетельствам, он был уроженцем Крыма, но в молодые годы переселился в Киев, где и обосновался весьма прочно.

История киевской еврейской общины началась еще в X веке; самым древним письменным документом, «имеющим киевское происхождение», является написанное на прекрасном иврите письмо киевского купца Якова бер-Ханнука, отысканное среди раритетов каирской «генизы» — хранилища свитков и книг с упоминанием Бога, обветшавших и вышедших из употребления, которые, однако, по иудейской традиции, нельзя уничтожать. Под письмом бер-Ханнука стояли подписи двенадцати человек, судя по именам — евреев киевской общины. В позднейших документах неоднократно упоминается Жидовский квартал и Жидовские ворота Киева; это говорит о том, что многочисленная иудейская община в городе была «исторически прописана» и занимала определенное место в общественной жизни. Киевские евреи славились своей «книжной ученостью», с ними не чурались водить знакомство аристократы лучших родов, а князья брали их на службу, поручая сборы податей, дипломатические миссии, а также лечение собственных персон и «предсказания будущности». Один из тех, кто был вхож в терема киевского князя и его ближних людей, был Схария.

Где и когда этот человек получил образование, точно не известно, но острый ум и недюжинные познания сделали его лидером киевской общины караимов. Схария прекрасно знал Ветхий и Новый Завет, изучал философские системы, занимался естественными науками и математикой, слыл незаурядным астрологом. Эти его увлечения пуше коммерче-

ских вопросов сблизил его с новгородскими «книжниками», большей частью группировавшимися вокруг книгохранилища Софийского собора. Доверенному кружку «книжников», сложившемуся вокруг него в Новгороде, Схария и открыл основы учения, которое проповедовал.

Семя проповеди Схарии упало в хорошо унавоженную почву. В Новгороде, как и во всяком другом торговом городе, где во множестве бывали люди из разных стран света, изъяснявшиеся на многих языках, к вопросам веры относились достаточно либерально. Новгородцы по своим делам часто бывали в городах Ганзейского союза, где знакомились с учениями многих сект, которые в преддверии ожидавшегося светопреставления в изобилии плодились по всему христианскому миру.

Как водится в таких случаях, наставник-ересиарх вел своих подопечных от этапа к этапу, убедив их сначала в отрицании монашества и церковной иерархии, посеял сомнение в святости мощей праведников, силе и важности крестного знамения, после чего от почитания святых икон ученики уже отказывались совсем легко. Следующим шагом стало признание ненужности самих храмов, отказ от таинств церкви вообще, а в особенности от причастия. Так они подошли к отрицанию троичности Божества, божественности Христа, воплощения Бога и бессмертия души. Во главу угла своей веры Схария положил Моисеевы заповеди во всей их ветхозаветной чистоте, признав их альфой и омегой религии.

Первым учеником Схарии стал новгородский поп Дионисий, который привел к наставнику своего товарища, иерея Алексея, и уже на пару с ним они «склонили к жидовству» Алексеева зятя Ивана Максимова, его отца и многих других знакомых и родственников: священников, дьяконов, причетников и клиросных певчих. Обратили в ересь и такую важную для новгородцев фигуру, как протопоп Софийского собора Гавриил. Положение тайных еретиков из числа новгородского священства было чрезвычайно выгодно. Отпавшие от церкви продолжали служить в храмах и пользоваться их доходами, а вместе с тем искали возможных сторонников секты среди прихожан, выбирая из них тех, кого считали достойными. Наученные Схарией обращенные из православных священников, выступая в роли вербовщиков секты,

действовали очень осторожно. Прежде чем открыть перед кем-либо суть своего учения, долго к нему присматривались. С людьми, твердыми в вере, они держались как истинные православные. Тем, кто обличал еретиков, поддакивали и сами поддерживали их гневные речи. Но если примечали в человеке слабость и сомнение, то не упускали случая взять его в оборот.

Переметнувшиеся на сторону караимов новгородские попы, «внешне блюдя благочестие», в быту «держась иудейского закона»: в среду и пятницу ели скоромное «и иные еретические дела творяху, их же не мощно описанию придати». В частности, они служили литургию, прежде плотно позавтракав, что является страшным кощунством, так как по завершении таинства евхаристии священник должен оставшееся в чаше причастие употребить сам, а это делается строго натощак. На людях праздновали христианскую Пасху, а тайно, в своем кругу, справляли еврейский праздник Пейсах и, соблюдая правила «Кашрута», не ели «хамец» — хлеб, выпеченный из перебродившего теста, употребляя вместо него мацу.

После первых успехов проповеди на помощь Схарии из Литвы под видом купцов приехали проповедники Иосиф Шмойло-Скаровой и Моисей Хануш. С их помощью число тайно обращенных значительно увеличилось. Веру «жидовствующих» переняло немало знатных прихожан лукавых попов, к ним присоединился кое-кто из городских чиновников. Таким образом, в руках «жидовствующих» оказались многие рычаги власти в Новгороде, серьезные денежные средства и обширные связи, простиравшиеся в Литву, Киев и Крым, где сильны были общины караимов.

Все эти события происходили на фоне острейшей политической борьбы двух новгородских политических группировок, одна из которых тяготела к Великому княжеству Литовскому, вторая к Великому княжеству Московскому. Члены секты «жидовствующих» относились к «промосковской» партии, поскольку победа «литовского лобби» привела бы к возможности унии с католической церковью, а стало быть, вероятным становился приход в новгородские пределы католической инквизиции, главной целью которой как раз и становились сектанты, проповедовавшие антихристианские

доктрины. Таким образом, часть новгородской светской и духовной элиты, входившая в круг «жидовствующих», стали своего рода «агентами влияния Москвы», когда в 1471 году великий князь Иван III объявил «общерусский крестовый поход на Новгород», собрав под свои знамена разные войска русских земель.

Вопреки всеобщим ожиданиям московский князь пошел на Новгород летом, хотя прежде москвичи всегда воевали с новгородцами зимой, когда морозы сковывали землю и делали проходимыми болота Новгородчины, в свое время остановившие нашествие монголов. Дерзкий замысел князя имел успех — то лето выдалось засушливым, и через болота оказалось легко пройти.

Сорокатысячное новгородское ополчение было разгромлено московскими воеводами на берегах реки Шелонь, в плену оказались многие знатные новгородцы. После еще нескольких боев сопротивление новгородцев было подавлено, в августе воюющие стороны подписали перемирие, фактически уничтожившее независимость Новгородской республики, которую понудили разорвать отношения с Литовским княжеством и выплатить московскому князю колоссальную контрибуцию размером в 15,5 тысячи рублей. Цена крестьянского двора в то время составляла два-три рубля. Новгород признал себя вотчиной московского князя, дав ему право суда над новгородцами.

Такое положение дел не могло удовлетворить новгородскую элиту, но она уже не могла опираться на военную силу, а потому ее поражение было предопределено. Великий князь Иван расправился со своими политическими оппонентами, а часть потенциально опасных людей — около пятидесяти семейств — вывез в московские пределы, распределив их на жительство по разным местам вокруг своей столицы.

Не исключено, что с этими переселенцами сведения о «жидовствующих», а может, и само учение проникли в среду москвичей. Не исключено, впрочем, что суть учения была известна в Москве и из других источников. «Жидовствующие» в Москве могли опираться на поддержку снохи великого князя Ивана, княгини Елены Стефановны, дочери молдавского господаря Стефана Великого. Мать великой княгини — Евдокия Олельковна — была родной сестрой тому самому князю Ми-

хаилу Олельковичу Слуцкому, в свите которого караим Схария прибыл когда-то в Великий Новгород. Учитывая близость Схарии к окружению дядюшки княгини Елены, уже совсем по-иному смотрится цепочка последовавших событий, отсчет которых ведется от 1480 года, когда великий князь Иван в очередной раз посетил Новгород. Князь встретился с прославленными новгородскими «книжниками» и почему-то из всех них остановил свой выбор именно на двух попах, которые встали во главе секты. Они исполняли роль «фронтальных фигур», в тени которых оставался Схария, взявший на себя роль «источника мудрости», консультанта руководителей секты.

Первый из «отпавших от православия» поп Дионисий по воле князя Ивана был зван служить в Москву, где его поставили протоиереем Архангельского собора в Кремле. Совершивший в ересь Дионисием поп Алексей, который, тайно проповедуя «Моисеев закон», себя звал Авраамом, а свою жену-попадью Саррой, получил место протоиерея в Успенском соборе и, пользуясь особой милостью великого князя, имел к нему свободный доступ во всякий час.

Не исключено, что поддержку в Москве новгородские «жидовствующие» получали и от большой диаспоры «сурожских гостей», игравшей важную роль в Московском княжестве; весьма вероятно, что среди «сурожан» были единоверцы «жидовствующих». Доказательства влияния «сурожан» на распространение учения в Москве нет, но и исключать его нельзя. «Сурожане» были вхожи в кремлевские терема и «допущены» ко многим тайнам, а потому и слово их, и дело в глазах князя и его ближайшего окружения стоили многого. Финансовым и политическим агентом князя в Крыму был «сурожанин» Хоза Кокос, еврей из Кафы, влиятельный купец и ловкий исполнитель дипломатических поручений. Сохранилась обширная переписка между князем Иваном и кафеетским купцом, в которой роль доверенного связного и курьера исполнял шурин Кокоса, тоже «сурожанин» Исуп, по торговым делам разъезжавший между Московским княжеством и Крымским ханством. Таким образом, обнаруживается сразу несколько линий крепких связей между крымской еврейской диаспорой и двором московского князя. Лишенные всяческих расовых и религиозных предубеждений, москов-

ские владыки относились к евреям так же, как и к остальным инородцам, охотно приглашая на службу тех из них, кто проявлял должные деловые качества и выказывал соответствующее желание.

Твердое положение новгородских проповедников в Москве и милость к ним князя позволили «жидовствующим», сохраняя тайну посвящения, вовлечь в ересь многих знатных лиц. Еще больше влияние еретиков усилилось, когда в 1484 году из дальнего дипломатического вояжа в Москву возвратился доверенный «делец» и первый из всех служилых людей князя Ивана, дьяк Федор Васильевич Курицын, ведавший внешней политикой княжества. Двумя годами ранее он был послан в Венгрию ко двору мадьярского короля Матьяша Хунгади для заключения военного союза против правителей Литвы и Польши, давних военных соперников короля и великого князя. Вояж затянулся на два года из-за того, что сначала посольству пришлось ехать в обход литовских владений, а по завершении переговоров в Венгрии дьяк решил дожидаться русского посольства, возвращавшегося из Италии.

Более года живя в мадьярской столице Буда, дьяк Федор Васильевич общался с разными учеными людьми; среди них оказались проповедники из числа «жидовствующих», обратившие Курицына в свою веру. В Москву он вернулся уже убежденным сторонником нового учения, привезя с собой «угрина Мартынку искушенного в звездознании», которого намеревался рекомендовать в качестве астролога великому князю Ивану.

Роль дьяка Курицына при московском дворе трудно переоценить — князь доверял ему всецело и безоговорочно. При его поддержке секта быстро разрослась. В ересь обратились брат Федора Курицына — Иван Васильевич по прозвищу Волк, архимандрит Симонова монастыря Зосима, служители придворной церкви Истома и Сверчок, а за ними вслед многие другие влиятельные фигуры. С учением был ознакомлен и сам великий князь Иван Васильевич, в чем он признался позже, каясь преподобному Иосифу. Сам московский государь, может, и не примкнул к «жидовствующим», но до поры не препятствовал им.

По мере роста секты «жидовствующих» в ее рядах оказалось много всякого народа, и если первое время еретики были

воздержанны и осторожны, то со временем кое-кто из них уверился в своей полнейшей безнаказанности, а новички так и вовсе уже были развращены, самоуверенны, а от того беспечны. Постепенно кое-что из того, что прежде держалось в строгой тайне, стало выходить наружу, и среди прочего архиепископу Новгородскому и Псковскому Геннадию стало известно, что Самсонко, сын попа Григория, да поп Ерсей с дьяконом Гридей, упившись допьяна, глумились над святыми иконами.

Архиепископ распорядился немедля «взять тех попов и дьякона за приставы и снарядить следствие». На допросе у новгородского наместника Юрия Захарьина провинившиеся члены клира кое-что рассказали о «жидовствующих» и их отношении к православным святыням. Попович Самсонко Григорьев первым назвал имена московских соборных протопопов Алексея и Дионисия, а также их высокого покровителя, дьяка Федора Васильевича Курицына, сообщив, что они являются членами секты. После этих признаний дело явно выходило уже за рамки компетенции архиепископа Геннадия, и он отправил в Москву грамоты митрополиту Геронтию и князю с изложением сути дела, спрашивая, как ему надлежит поступать с признавшими вину святотатцами. Тем временем за «взятых» Самсонку, Ерсея и Гридю поручились люди, считавшиеся в Новгороде вполне надежными, и владыко согласился арестованных отпустить, покуда из Москвы не придут указания на их счет.

Покуда ждали ответа, убоявшиеся наказаний попы и дьякон, предав своих поручителей, сбежали из Новгорода и сами поспешили в Москву, где рассчитывали получить защиту от впавших в ту же ересь, что и они, «важных персон» княжества. Разгневанный Геннадий снова писал в Москву князю и митрополиту, приложив к этой грамоте показания раскаявшегося попа Наума, решившего «оборотиться обратно» из ереси в православие. К этим показаниям приложена была и «тетрадь с исправленными на иудейский лад псалмами», также принесенная покающимся попом. Скорее всего, речь идет о махзоре — рукописном сборнике молитв и правил, по которым следовало справлять иудейские праздники.

Ответ от митрополита Геронтия все не приходил, а тем временем в самом Новгороде, видя беспомощность архиеписко-

па перед сектой, которой благоволили московские «сильные мира сего», обнаглевшие «жидовствующие» стали открыто глумиться над символами христианства. Делалось это в стиле, очень смахивающем на современный «акционизм»: к воронам привязывали кресты и они летали с ними над головами новгородцев с противными карканьем, символизируя монашество. «А те вороны и вороны садясь на всякую стервь и на калу волочат по ним привязанные кресты» — так описывал Геннадий выходки «жидовствующих» в письме Нифонту, епископу Суздальскому. Приводя подобные примеры, архиепископ высказывал убеждение в том, что дальнейшее промедление и попустительство могут привести к еще худшим последствиям, и просил владыку Нифонта поддержать его перед митрополитом Геронтием в борьбе с еретиками.

Причиной, заставившей новгородского архимандрита так ополчиться на проповедь «жидовствующих», со всей очевидностью послужила та легкость, с которой новая ересь поражала тех, кто прежде остальных должен был «радеть о православии». То, чему учил Схария, было «совсем ново», оригинально и ни на что не похоже, да к тому же прекрасно подкреплено «книжной наукой». Соблазн оказался слишком велик, а тенденции распространения ереси для настоящего православного человека были просто пугающими.

Понимал ли это митрополит Геронтий? Скорее всего, да, но, памятуя о том, как сильны противники, он соблюдал осторожность. Во всяком случае, покуда в Москве оставался Федор Васильевич Курицын, митрополит не предпринимал очевидных действий во вред «жидовствующим», но как только великий князь усла своего главного дипломата в Вену для важных переговоров, митрополит решился. Политично представив дело так, что к нему с настойчивыми просьбами обратились сразу несколько уважаемых иерархов, он постановил созвать собор для принятия решений о «жидовствующих». Присланные из Новгорода сведения полностью изобличали Самсонку Григорьева, Ерсея и Гридю, которых признали виновными и достойными отлучения от церкви. По законам же светским их приговорили к телесному наказанию — «били новгородских попов кнутием», пишет усердный летописец.

Затем еретиков отправили в Новгород, к архиепископу Геннадию, для духовного увещания. Вместе с тем митрополит распорядился начать следствие в отношении тех, кого архиепископ занес в представленные им списки «жидовствующих». И вскоре уже в распоряжении архиепископа Геннадия оказалось немало показаний. Главный идеолог «жидовствующих» Схария все еще жил в Новгороде, но с него взятки были гладки — иностранный купец, ведший большой торг, он был защищен всеми законами торговли. Духовная власть не могла предъявить ему претензий, так как Схария был иудей и, исповедуя свою веру, никаких законов православной церкви не нарушал. Ну, а то, что его слушали и ему следовали, так то вина тех, кто находил возможным, услышав, предать свою веру.

С теми из соvrащенных «жидовствующими», кто раскаялся, поступали довольно мягко — на них наложили епитимью, запретив входить в храмы во время службы, заставляя стоять у паперти, прислушиваясь к происходящему внутри. Упорствующих — а такие встречались — наместник наказывал по светскому закону, потчуг «кнутием». Такое положение дел в Новгороде продолжалось, покуда не прошел слух, что дьяк Курицын вернулся из венского вояжа. Как только об этом стало известно, многие еретики сбежали в Москву. Оказалось, что каялись они притворно.

И снова пошли в столицу грамоты с обвинениями, показаниями и прочими подробностями следствия. Но ответа на них не было. Сказывалась ли старая неприязнь Геронтия к Геннадию — а отношения у них были непростые, — либо позиции «жидовствующих» в Кремле стали как никогда крепки, но в конце концов архиепископ понял, что на помощь Москвы ему уповать не приходится. Покровители еретиков блокировали любые обвинения Геннадия и сами переходили в наступление. Сосланный архиепископом Геннадием в дальнюю пустынь чернец Захарий был возвращен в свой монастырь в Немчинове, откуда он в 1487 году отбыл в Москву, прижился там и рассылал в разные места грамоты, в которых называл Геннадия Гонзова еретиком.

О тогдашнем положении дел в Московском государстве говорит такой факт: после смерти Геронтия митрополитом в сен-

тябре 1490 года был поставлен архимандрит московского Симонова монастыря Зосима, сам уже давно ставший тайным «жидовствующим».

Возведение на кафедру Зосимы сопровождалось грубейшим попранием обычаев — митрополита должны были избрать епископы, но, опасаясь назревавшего скандала, великий князь по наущению покровителей незаконного претендента, не допустил приезда в Москву на выборы архиепископа Геннадия. Остальным, более покладистым, «выкрутили руки», понудив «выбрать уже выбранного», — Зосима поселился на митрополичьем дворе, прежде чем состоялось его утверждение на митрополичьей кафедре, в чем явно проявилась княжеская воля.

Архиепископ Геннадий, однако, не думал сдаваться. Не имея успеха в Москве, он пришел к выводу, что нужно сокрушить учение караимской секты, обличив его в религиозной полемике. Тут-то и пригодился прибывший в Новгород Никола Бюлов. Немецкий ученый довольно скоро исполнил ту работу, ради которой приехал; при этом им был найден математический ключ, который давал возможность составления «вечной пасхалии»: выяснилось, что по истечении периода в 532 года числа Пасхи повторяются в том же порядке, в каком они шли в предыдущем периоде.

Но кроме того, Бюлов, легко овладевший русским языком, и ряд других книжников по просьбе архиепископа Геннадия отыскивали и перевели полемические книги: «Магистра Николая Делира, чина меньших феологии последователя, прекраснейшие стязания, иудейское безверие в православной вере похуляюще»; «Обличение Самоила Евреина на богоотметные жидове, обличительно пророческих речьми глав 25» и «Иаков жидовин, вера и противление крестившихся иудей во Африкии и Карфагене», специально предназначавшихся для обличения ереси «жидовствующих».

Кроме иноземцев архиепископ Геннадий привлек к сложной и кропотливой работе русского переводчика Дмитрия Герасимова, знавшего латинский и немецкий языки. По заданию архиепископа Герасимов два года провел в Венеции и Риме, подбирая нужные полемические материалы. Он близко сошелся с папским книгохранителем Яковом и по-

лучал от него ценные книги, переводы с которых посылал в Новгород.

Одновременно с накоплением материалов против еретиков архиепископ вел активную переписку с другими епископами митрополии и, заручившись их поддержкой, стал добиваться созыва собора «против жидовствующих». Не дожидаясь собора, кое-кто из «жидовствующих» загодя дал стрекача: в Литву бежали московский княжий писец Иван Черный да Игнат Зубов.

Впрочем, остальные строгого наказания избежали; их спасла ловкость митрополита Зосимы, который обернул дело так, что от Бога все присутствующие поставлены не казнить, а обращаться к покаянию. В конечном итоге решено было отправить в Новгород протопопу Гавриилу, пасквилянта чернеца Захария, первого из совратившихся попа Дионисия; товарищ Дионисия поп Алексей, которого он привел к Схарии, умер года за два до собора. Вместе с главными персонажами собор выслал в Новгород несколько второстепенных сектантов.

Торжествуя победу над давним противником, архиепископ Геннадий распорядился встретить обоз с еретиками за четырнадцать верст от города. Здесь всех осужденных переодели в вывернутые наизнанку одежды, усадили на коней лицом к хвосту, а на головы им водрузили разрисованные пляшущими бесами берестяные островерхие шлемы с мочальными кистями и надписью «се есть сатанинское воинство». В этом нашли отражение консультации архиепископа с посланником германского императора Фридриха III Георгом фон Турна и монахом-доминиканцем Вениамином относительно практики испанской инквизиции. Как мы видим, кое-что — а именно расписные колпаки — сочли возможным перенять.

Снаряженных подобным образом еретиков провезли по улицам Новгорода, после чего колпаки сожгли прямо на головах и разослали их в заточение по разным местам. Несмотря на то что никого из обвиненных в ереси не казнили, действие, устроенное архиепископом, произвело сильнейшее впечатление.

Но для московских «жидовствующих» тогда мало что изменилось. По крайней мере, политическая карьера дважды

уличенных в приверженности к еретической секте братьев Курицыных совершенно не пострадала, а уж они, находясь «на самом верху», умели защитить и остальных «жидовствующих».

Секрет неуязвимости братьев Курицыных крылся в близости к князю Ивану, который привык доверять им. Они уверяли князя, что да, была ересь, ее разоблачили и уличили на соборе, но всех виновных выслали к архиепископу Геннадию и строго наказали, а в Москве еретиков теперь нет, а есть только книжники, увлекающиеся науками индивидуумы, которые кажутся невеждам подозрительными в части вопросов исповедания. Убеждать они умели, а старший из братьев, Федор Курицын, кроме административных и политических способностей был еще и наделен писательским талантом. Он один из первых написал книгу о знаменитом персонаже — валашском господаре Владе III Цепеше, известном под прозвищем Дракула, которое ему перешло от отца. Дьяк Курицын, выезжая в Венгрию и иные места по дипломатическим делам, самого графа Цепеша живым не застал — тот погиб в бою с турками под Бухарестом в 1476 году. Тем не менее восемью годами позже дьяк сочинил занимательнейшую повесть «Сказание о воеводе Дракуле». Кроме того, как и многие книжники своего времени, Курицын был незаурядным астрологом; он говорил князю, верившему в астрологию, что церковь вот и это занятие осуждает, но ведь как же оно интересно и сколько в нем пользы! Ведь хорошо же государю и его верным слугам знать все наперед, чтобы выбрать правильное решение! Ну а кому-то это может казаться ересью, вот и ропшут. Но стоит ли обращать на это внимание? Ведь многое из того, что открыто высшими силами избранным, остальным людишкам совершенно недоступно и не нужно им того знать, а потому и слушать их ропот не стоит. Короны вон тоже мычат, когда их доят, что же, теперь и молока не пить?

Наконец наступил тот самый роковой 1492 год, на который был «назначен» конец света. Этого так ждали и так боялись, что не пахали поля, и от того пришел великий голод. Но это всем казалось пустяком — по сравнению с тем, что конец света не наступил. Еретики торжествовали, твердя откры-

то уже не только об ошибочности христианской хронологии, а о ложности учения вообще: «...в домех, на путех, и на торжище иноци и мирския, все сомневались и о вере пытали».

Зело возрадовавшись происходящему, «жидовствующие» совсем распустились, и первым показал пример митрополит-еретик Зосима, который вел себя по меньшей мере странно. По поручению князя он принимал участие в составлении Пасхалии и сам исчислил даты празднования на двадцать лет вперед, писал поучения и назидания... Но тогда же он приказал убрать из своих палат иконы и кресты, распорядившись сначала свалить их «в нечистом месте», а потом и вовсе приказал сжечь. На митрополичьем дворе поселились гульба и пьянство, а сам Зосима показал себя еще и содомитом. Напившись, он говорил страшные для православного человека вещи: мол-де, Христос сам себя назвал Богом, а Пресвятая Дева не Богородица. Объявлял ложью Евангелия, апостольские и святоотеческие писания. Вопросал: «Что есть Царство Небесное? Что такое второе пришествие? Что значит воскресение из мертвых?» И сам же отвечал: «Ничего этого нет! Умер, так, значит, и умер, по то место и быть!»

В это время архиепископ Геннадий обрел серьезного союзника в лице Иосифа, игумена Волоцкого монастыря. Грамоты, обличавшие еретиков, за подписью Иосифа Волоцкого игнорировать было не так-то просто; в одной из них сказано было, что православные, видя, что их правитель отпал от Бога, не только могут, но и должны, ополчившись на ересь, восстать, «ибо таковой царь не Божий слуга, но диавол, и не царь есть, но мучитель». Отлично понявший намек князь не стал будить лихо, а потому судьба Зосимы была предрешена. Впрочем, никто не хотел скандала — по официальной версии Зосима попросился на покой сам «за многие немощи». Его поселили в Троице-Сергиевой лавре, где он прожил до самой смерти.

На кафедру был возведен бывший игумен Троице-Сергиевой лавры Симон, и это назначение изменило расстановку сил в Кремле. Борьба с еретичеством постепенно стала смешаться в сферу политического противостояния. Великий князь старел, вопрос о наследнике становился все более актуальным, и потому в кремлевских теремах сразу несколько

интриг переплелись в тугой узел, петля которого едва не задушила великую княгиню Софью и ее чад до смерти.

В 1497 году по распоряжению великого князя на большую государственную печать нанесли новый, унаследованный от Византии символ — двуглавого орла, хотя права на эту символику у русского князя были весьма спорными. Родственники в который уже раз подвели Софью Фоминичну! Брат Андрей, прогуляв последнее, впал в нищету — до Москвы дошли сведения, что его видели на римских улицах в лохмотьях. Чтобы поправить свои дела, он продал права на византийский престол французскому королю Карлу VIII, собиравшемуся в новый крестовый поход на турок. Правда, поход на Константинополь не состоялся, а король Карл умер в 1498 году, но Андрей Палеолог, избидевшись на московскую родню, не желавшую поддерживать его материально, в духовном завещании, составленном незадолго до смерти в 1502 году, отдал эти права еще раз — теперь Фердинанду Испанскому и его супруге Изабелле Кастильской.

Тем временем в Москве борьба двух придворных кланов привела к раскрытию в декабре 1497 года заговора. Якобы дьяки и дети боярские — Федор Стромилов, Владимир Гусев, князь Иван Палецкий, Афанасий Яропкин и иные с ними, подговаривают княжича Василия убить сводного брата Дмитрия и совершить переворот. Особо говорилось о великой княгине, которая приваживает московских знахарок, варит с ними зелья, чтобы погубить противников княжения Василия ядами. В случае неудачи заговорщики собирались захватить московскую казну и уйти на север, суля князю Василию в борьбе за московский престол поддержку белозерских монастырей и «верхних людей» Вологды и Новгорода.

В подтверждение этих слов кремлевская стража захватила нескольких московских баб, идущих к великой княгине Софье, — и при них действительно нашли какие-то «зелья». Так и выстроилось все: странная смерть княжеского сына-наследника Ивана, увлечение княгини зельями, арест знахарок... Каждое лыко многолетних наговоров и нашептываний встало в свою строку. Жenu князь удалил от себя и стал жить «в бережении от нее», заговорщиков казнили, а знахарок утопили в Москве-реке.

В четвертый день февраля 1498 года князь венчал внука своего Дмитрия Ивановича на великое княжение, возложив на него в Успенском соборе символы власти — мономахов венец и бармы. Казалось, что уж теперь «греческой партии» пришел конец. Но у Софьи Фоминичны нашлись верные союзники в лице Иосифа Волоцкого и Геннадия Гонзова. Неизвестно, сколь ревностна в вере была Софья Фоминична в действительности, но противоположная партия буквально заталкивала ее в стан борцов с «жидовствующими»! Победа над сектой означала победу над политическими противниками, а потому именно люди Софьи Фоминичны — греки Юрий и Дмитрий Траханиоты — помогли борцам с ересью подготовиться к дискуссии, присылая из Италии нужные книги, а также ученых и богословов, слово которых много значило для князя Ивана Васильевича.

Это противостояние, где переплетались интересы политики и религии, заслуживает отдельного рассказа, а для нашего исследования важно, что доказанная связь княгини Елены и князя Дмитрия Ивановича с сектой, отрицавшей христианские догматы, послужила приговором. Не мог князь, претендовавший на наследие византийских императоров, допустить, чтобы власть после него перешла в руки «жидовствующего» внука!

Сначала зимой 1499 года были взяты под стражу князь Семен Иванович Ряполовский и его тесть Иван Юрьевич Патрикеев с двумя сыновьями, обвинявшиеся в заговоре против великой княгини. Князя Ряполовского обезглавили на льду Москвы-реки 5 февраля того же года, а его сродников Патрикеевых понудили принять монашеский постриг. Тогда же из-под стражи был освобожден князь Василий Иванович, а Софья Фоминична вернулась к супругу. Придворная партия и круг «жидовствующих» с каждым днем теряли людей и влияние, а увенчалось это полным разгромом противников «гречанки»: 11 апреля 1502 года вышло распоряжение великого князя не помянуть князя Дмитрия в ектинях; его и княгиню Елену Стефановну взяли под стражу. Спустя три дня — 14 апреля — регалии великого княжения были торжественно возложены на князя Василия Ивановича.

После столь значительных политических изменений в расстановке политических сил высшая власть, словно про-

зрев, обрушилась на еретиков со всей возможной силой и жестокостью. Теперь инициатором их преследования выступил сам великий князь Иван. По его настойчивому желанию в 1504 году был созван «собор на жидовствующих», но сам князь от участия в его работе уклонился, препоручив ведущую роль объявленному наследником великому князю Василию Ивановичу.

Постановлением собора, как уличенные в лютой ереси, были приговорены к сожжению в срубах дьяк Иван-Волк Курицын, Иван Максимов и Дмитрий Пустоселов. Еще одного еретика — Некраса Рукавова — по урезанию языка отправили в Новгород и уже там сожгли вместе с юрьевским архимандритом Кассианом, его братом Иваном Самочерновым, Никитой Рукавовым и некоторыми другими. Часть новгородских «жидовствующих» успела скрыться в Литве, где в 1503 году, готовясь к очередной войне с Московским княжеством, сильно нуждавшийся в деньгах Александр Ягеллон отменил свой указ об изгнании евреев, изданный за семь лет до этого. Евреям разрешили вернуться и жить во владениях князя, где пожелают, открывать синагоги, иметь свои кладбища. За эти милости иудеи должны были платить большой налог и, кроме того, содержать на свой счет отряд из тысячи всадников. Бежавшие в Литву «жидовствующие», формально приняв иудаизм, стали членами литовской общины, утратив в словосочетании «русские евреи» прилагательное «русские», став просто евреями, или, как их называли теперь, «литваками».

Годом позже после казней «жидовствующих» в Москве и Новгороде в своей темнице от тяжелой болезни скончалась покровительствовавшая еретикам великая княгиня Елена Стефановна Волшанка. Ее сын Дмитрий Иванович, которого постоянно держали под контролем, после смерти деда, князя Ивана, наследовавший княжеский венец Василий Иванович приказал заточить в темницу, где и держал его до самой смерти, последовавшей 14 февраля 1509 года.

Борьба с ересью «жидовствующих» кардинально изменила отношение православных к евреям. Если прежние правители никогда не были антисемитами, то наследовавший престол внук великого князя Ивана, первый русский царь Иван Васильевич по прозвищу Грозный, проявил себя как

отчаянный юдофоб. Он запретил евреям въезд в свои владения и строго следил за исполнением этого правила. Когда в 1550 году польский король Сигизмунд-Август попытался вступить за диаспору, прося разрешения евреям привозить товары и вести коммерческие дела в русских городах, напомнив о том, что отец и дед Грозного разрешали купцам-иудеям вести дела, так же как и мусульманам и христианам, московский царь ответил ему резко. Он тоже привел пример из недавней истории: «Жида людей от христианства отводили (намек на проповедь “жидовствующих”) и отравныя зелья в наше государство привозили (память о неудаче “мистро Леона” при лечении великого князя Ивана Молодого). И ты бы, брат наш, вперед о жидах нам не писал!»

Имея перед глазами образец Московского Кремля, возведенного отцом, великий князь Василий III пожелал возвести цепь аналогичных твердынь на границах Московского княжества. Этот тип крепостей характерен для Ломбардии, столицей которой является славный град Милан, откуда на службу русским князьям приехало немало мастеров и разного рода умельцев. В 1508 году были начаты работы в Нижнем Новгороде, где под руководством архитектора Пьетро Франческо к 1515 году была возведена мощная крепость с тринадцатью боевыми башнями. В 1521 году было закончено строительство кремля в Туле, а четырьмя годами позже начались работы в Коломне. Как предполагают, строительством коломенской крепости распоряжалась команда итальянских мастеров, которыми руководил опытный зодчий Алевиз Фрязин, которого звали Алевиз Новый, так как до его приезда в Москве работал миланский архитектор Алевиз де Каризано, прибывший сюда еще в 1494 году.

Алевиз Новый отправился в Московию десятью годами позже своего миланского тезки и коллеги в составе очередной группы итальянских мастеров, которая сопровождала русским послам, возвращающимся из Италии. Они добрались морским путем до Крыма, где их некоторое время удерживал хан Менгли-Гирей, предложивший поработать на строительстве Бахчисарайского дворца. В июне 1503 года хан писал Ивану III: «Нонеча слава Богу, на свои руки взял есми Дмитрия Ларева да Митрофана Федорова Карачарова; и мастера твои иуня месяца к нам приехав и челом ударили. Мастеры

фряские и с женами и с детьми и с девками к нам пришли». Помянутые в ханском послании «Ларев» и «Карачаров» — это послы князя Ивана III, Дмитрий Ралев и Митрофан Федорович Карачаров, посланные в 1499 году в Венецию «о княжьих потребах». Там они нанесли «серебряных, пушечных и сенных дел мастеров», в числе которых был и архитектор Алевиз. Посол при ханском дворе боярин и воевода Алексей Григорьевич Заболоцкий в своем донесении уточнял дату прибытия посольского каравана с итальянскими мастерами — до ханской столицы они добрались «за две недели до Петрова Заговенья», то есть не позже первых дней июня. В Бахчисарае посольство задержалось до сентября 1504 года, и за этот в принципе короткий срок — всего за год — архитектор Алевиз успел выстроить для хана прекрасный Бахчисарайский дворец. Отпустив после настоятельных просьб ожидавшихся в Москве мастеров, хан, на тот момент московский союзник, премного довольный работой Алевиза, так писал о нем «брату своему князю Ивану»: «Меня брата твоего ярлык взяв, пошел Алевиз мастер, вельми доброй мастер, не как иные мастера, вельми великий мастер... То как меня почтишь и мое брата своего слово почтишь, того фрязина Алевиза пожалуешь, ты ведаешь». Архитектор вполне оправдал столь лестную аттестацию.

Сразу по приезде в Москву он взялся за дело, что называется, «засучив рукава». Всего за четыре строительных сезона — с 1505 по 1508 год — он возвел Архангельский собор, второй по величине в Московском Кремле. Одновременно в 1508 году Алевиз окончил строительство церкви Рождества Иоанна Предтечи у Боровицких ворот. В том же году он устраивает пруды в Кремле и сооружает ров шириной 34 метра, глубиной 10 метров, выложенный белым камнем, который проходил вдоль кремлевской стены по Красной площади, замыкая водяное кольцо вокруг столичной цитадели. С 1514 по 1519 год Алевиз построил в Москве одиннадцать церквей, в числе которых собор митрополита Петра в Высоко-Петровском монастыре, а еще несколько храмов в Александровской слободе.

Окончательно «взяв за себя» рязанские земли, великий князь Василий получил и новую заботу — непосредственную границу со Степью, от которой прежде Москву прикрыва-

ла Рязанщина, теперь сама ставшая частью Московии. Необходимо стало укреплять свое новое владение и заново обустроить пограничье, которому постоянно грозил набег из Крыма и Степи, а потому под руководством Алевиза Нового одновременно строились крепости в Коломне и Зарайске.

Коломенская крепость прикрывала перекресток дорог — там сходились пути от Рязани к Москве и от Каширы на Владимир. Кроме того, Коломна являлась опорным пунктом обороны окских бродов и речного торгового пути по Москве-реке, недалеко от города впадавшей в Оку, по которой можно было идти к Волге и дальше до Каспия, выходя к главным путям торговли с восточными странами.

Материалы для этих построек заготавливали прямо на месте. В Коломне известь выжигали в ямах, используя известняк, добываемый на осыпях крутого берега Оки, возле села Протопопова. Там же ломали камень, из которого тесали строительные блоки. Коломна славилась исстари «скудельниками» — горшечниками, которые знали, что делать с глиной, а потому без особых проблем удалось наладить выпуск очень качественного кирпича.

Сохранились описания этапов строительства крепостей, весьма похожих на коломенскую, которые обычно строили на месте прежних деревянных укреплений — «острогов», «детинцев», «кременцов». По мере разборки деревянных стен на освободившемся месте рыли глубокие рвы-котлованы, в дно которых плотно забивали дубовые сваи, а пространство между ними заполняли утрамбованной землей; в эту землю забивали новые сваи, а поверх них укладывали толстые продольные и поперечные врубленные друг в друга бревна. Клетки между бревнами заполняли землей и щебнем. В местах, где грунт был твердый, булыжник укладывали прямо на дно траншеи, скрепляя его известковым раствором. Закладывали фундамент из тесаного белого камня, на котором возводили стены.

Для придания стене «вязкости», чтобы лучше противостоять огню осадной артиллерии, ее строили слоями: между двух кирпичных кладок оставляли пустоту, которую, по мере возведения кирпичной основы, закладывали бутовым камнем и заливали известковым раствором, приготовленным по ре-

цептам итальянцев; этот раствор быстро «схватывал» камень, придавая конструкции прочность монолита. Стены выводили под углом, чтобы ядра теряли пробивную силу из-за рикошетирования. Фундамент башен выложили из больших каменных блоков, а стены возвели целиком кирпичные — они «держали» огонь пушек за счет толщины и особенностей конструкции.

Предположительно уже в ходе работ к мастерам присоединился еще один итальянский инженер, некий Пьетро Франческо Аннибале или, как его звали русские, «Петрок Фрязин», носивший звание «архитектона» — то есть «старшего архитектора». Кроме него «архитектонами» в русских документах значились Пьетро Антонио Солари (умер в 1493 году) и Алевиз Новый. Остальных мастеров-строителей (включая Аристотеля Фьораванти) звали «муролями», «палатными мастерами», «каменными (и плотницкими) старостами».

Архитектоны были сведущи в самых разных областях. Кроме умения делать чертежи и рисунки будущих сооружений они должны были составлять сметы и руководить работами. Для этого им необходимо было изучать строительную механику, знать химию и физику. На них лежали заготовка строительного материала и выбор строительной площадки, а значит, архитектор должен был знать геологию, минералогию и «всякое землемерие», как тогда называли геодезические работы. В добавление к этому «обязательному набору архитектона» Пьетро Аннибале был еще классным артиллеристом и военным инженером. При строительстве крепости в Коломне был использован элемент «бастионной системы» — Грановитая башня была полностью вынесена за пределы стены, благодаря чему расширились секторы обстрела вдоль стены и рва. Многогранник укрепления с артиллерийской батареей на верхней площадке с тыла имел прямоугольный каземат для хранения огневых припасов. Отличие Грановитой башни от классических бастионов и бастий заключалось в том, что они строились открытыми, а она имела несколько крытых ярусов.

Начавшиеся в 1525 году работы двигались очень споро, несмотря на то что шли фактически в зоне боевых действий. В 1527 году на Русь пожаловал со своим войском крымский хан Ислям-Гирей I, которого встретили под Коломной, в два-

дцати верстах от Оки. Простояв пять дней лагерем и узнав от разведчиков, что татары далее Зарайска не пошли, князь Василий приказал идти к окским бродам. Перейдя реку с войском, князь напал на крымчаков на берегах реки Осетр и погнал их прочь.

Война не только не мешала строительству новой крепости, а может быть, даже и подхлестнула ретивость строителей, управившихся с делом всего за шесть лет — в 1531 году готовая крепость по своему обводу имела десять четырехугольных башен-«бойниц», каждая высотой по одиннадцать саженей (почти 24 метра), да три «кольцевые» башни с двойными стенами, внутри которых имелись лестницы, ведущие в казематы и к боевым площадкам, защищенным кирпичными зубцами с раздвоенными вершинами типа «ласточкин хвост»; в зубцах были сделаны бойницы. Эти башни выступали за линию крепостной стены, что позволяло обстреливать с трех сторон разом противника, штурмующего стены.

Особо сильно укреплены были воротные башни. Спасская с главными проездными воротами была в высоту 13 саженей (28 метров), внутри она разделялась на четыре яруса. Над воротами имелась площадка для пушек. На стены прямо из башни можно было выйти по двум каменным лестницам. Проезды в Спасской башне с каждой стороны закрывали металлические ворота и решетки, которые при помощи механизма поднимались и опускались по специальным пазам. На самом верху башни была звонница с колоколом, звон которого поднимал гарнизон по тревоге. Со стороны Посада и слобод крепость окружал глубокий ров, через который у проездных ворот были перекинuty деревянные мосты. На Ивановской проездной башне была укреплена «закладная доска» со следующей надписью: «Город Коломна в первых начат строением в 7033 году мая в 25 день повелением благоверного государя и великого князя Василия Иоанновича, самодержца всея России, а совершен в 7038 году августа в 15 день». В данном случае слово «город» означает «крепость».

Очень похоже на то, что коломенский и зарайский кремли стали «лебединой песнью» мастера Алевиза. В 1531 году, в год завершения строительства крепостей в Коломне и Зарайске, в Москве на «Алевизовом дворе» — пороховом заво-

де, созданном тезкой Алевиза Нового — Алевизом Старым, по неизвестной причине произошел взрыв всего запаса порохового пороха, погубивший более двух сотен человек и искалечивший множество народу. Считается, что Алевиз Новый погиб во время этой катастрофы, — после 1531 года ни о нем, ни о его семье в русских документах не упоминается.

А вот Петрок Фрязин по завершении работ был премного обласкан и награжден. Новый год тогда на Руси праздновали 1 сентября, проводя торжественный обряд «новолетия», включавший в себя и торжественные церковные службы, и пиры, и всякие дворцовые церемонии. На новолетие 1535 года архитектору Петроку Малому Фрязину от имени своего малолетнего сына Ивана Васильевича (будущего Ивана Грозного), коему шел шестой годок, вдовствующая великая княгиня Елена (вдова великого князя Василия III Елена Глинская), пожаловала деревню Свиблово близ Москвы, а также деревню Константиновичи у Коломны.

Среди прочих специалистов, приглашенных на службу при Василии III, был и наш старый знакомый Никола Бюлов, которому предложили занять место личного медика при особе великого князя. Вскоре после казней еретиков и смерти архиепископа Геннадия мастер, богато одаренный князем Иваном, уехал в Рим, где нашел службу при дворе папы Юлия II, слывшего знатоком и покровителем астрологии. Там его и отыскивали русские послы.

Никола Бюлов снова отправился в Москву, где жил в богатстве и почете, пользовался полным доверием князя Василия и считался при дворе важной персоной; при этом, однако, он утратил свободу, потому что из Москвы его уже больше не отпускали. В 1519 году послы императора Максимилиана, приехавшие в Москву для переговоров о мире между Василием III и польским королем, просили отпустить магистра Никола, «зане уже пришел во старость, чтоб ему кости свои донести до своего родства», но это не возымело действия. Впрочем, сам магистр, как кажется, не очень тяготился тем, что не имеет возможности покинуть Московию. Во всяком случае, жил он, будучи погружен в дела, и не оставлял своих научных изысканий.

В 1520 году знаменитый астролог Иоганн Штоффлер выпустил астрологический «Альманах», содержащий прогноз глобальной катастрофы: в феврале 1524 года Сатурн, Юпитер и Марс соединятся в созвездии Рыб и произойдет всемирный потоп, который уничтожит все живое! Будучи последователем воззрений Штоффлера, Никола Бюлов поспешил поделиться этими откровениями со своими русскими знакомыми; так, в 1521 году он писал во Псков дьяку Мисюрю Мунехину, состоявшему при московском наместнике, извещая его о грядущей кончине мира.

Адресата для своего послания мастер Никола выбрал не случайно — прежде назначения во Псков дьяк Мисюрь, которого называли еще Михаилом Григорьевичем, долго путешествовал по Востоку, жил в Иерусалиме, Каире, бывал в Константинополе и Венеции. По возвращении из длительного вояжа Михаил Григорьевич стал казначеем великого князя, а после завоевания в 1510 году Пскова поехал туда и, номинально состоя в подчинении менявшихся наместников, фактически управлял провинцией по своему разумению. Это был один из самых образованных людей своего времени, и как раз следствием его европейского образования стало практически неизбежное тогда увлечение астрологией, которая владела умами большинства людей, учившихся хоть чему-нибудь.

Получив от Бюлова известие о грядущей катастрофе, Мунехин обратился с вопросами по этому поводу к русским духовным авторитетам и получил от них горячую отповедь. Знаменитый автор идеи Москвы как «Третьего Рима» — последнего вселенского оплота православия, старец Спасо-Елеазарова монастыря Филофей, и ученый богослов Максим Грек совместно ополчились на «писания Николы Немчина», с которым спорили еще в те времена, когда тот, живя в Новгороде, пытался проповедовать близость католицизма и православия. Тогда же от них доставалось Бюлову за астрологические упражнения и смущение ими умов новгородцев.

Спор этот разрешился удивительно просто — наступил 1524 год, который в посрамление Иоанна Штоффлера оказался на удивление засушливым; потоп не состоялся. Впрочем, этот казус никак не сказался на репутации Бюлова, который по-прежнему считался отличным врачом и астро-

логом. Но с другой стороны, ему не поручили важнейшую работу по исправлению духовных книг, что в ином случае вполне могло бы случиться.

Правителям Московии катастрофически не хватало грамотных людей для управления, а Московской православной митрополии для обучения священства и ведения проповеди среди паствы. Тех же, кто мог качественно переводить сложные богословские тексты, носившие следы нескольких древних языков и напичканные массой редких слов и специальных терминов, во всем государстве насчитывались единицы, а проверять их работу было совсем некому. Постепенно в многократно переписывавшихся книгах скопилась масса неточностей и толкований, которые противоречили даже самому учению церкви. Возникла насущная необходимость исправить книги, в этом вопросе сходились все единодушно, и тогда по старой привычке решили обратиться к афонским монахам.

Летом 1515 года из крымского города Кафы в Стамбул выехало русское посольство во главе с ближним боярином московского князя Василием Андреевичем Коробовым, которому поручено было передать султану Селиму письмо и вести переговоры о том, чтобы султан удерживал крымского хана Менгли-Гирея от союза с Литвой. Кроме того, Коробов должен был договориться о свободной торговле для русских купцов в Азове и крымской Кафе. Уже в Стамбуле от посольства отделился сопровождавший посла московский купец Василий Копыл-Спячий, ведший большой торг в Крыму, и с небольшой свитой направился на Афон. Купцу было не впервой исполнять важные дипломатические миссии, и именно ему поручили вести переговоры с выборным органом управления монашеской республикой — Священной Эпистасией — о присылке в Москву «умного мужа», способного исправить греческие богослужебные книги на русский язык. «Милостыня», присланная московским князем с купцом, была щедрой, а почтительная просьба, признававшая богословский авторитет афонских старцев, делала им честь, а потому решено ее было удовлетворить. Возглавлявший Священную Эпистасию протоэпистат Симеон изначально наметил послать в Москву известного переводчика книг — почтенно-

го старца Савву, но тот ехать отказался, сославшись на преклонные годы и телесные немощи. Тогда исполнить миссию предложили библиотекарю Ватопедского монастыря Максиму, принявшему постриг за семь лет до того.

Хотя Максим и не знал русского языка, но, как писали честные отцы в своем послании великому князю Василию, «к учению тот Максим зело способен и русскому языку борзо навькнет». В помощь ему отрядили еще несколько ученых монахов из Ватопедского и Пантелеимоновского монастырей.

Отправлявшемуся в дальний путь Максиму в то время было сорок лет. В миру он звался Михаилом Триволисом и прежде, чем постричься, немало побродил по свету, являя собой классический тип бродячего студента, ищущего знаний. Уроженец Арты, города области Эпир, Михаил был отпрыском древнего рода греческих аристократов. Богатство семьи позволило ему окончить школу на острове Корфу, где в двадцать лет он баллотировался в совет, управлявший островом, однако выбран не был. Пережив разочарование в политической борьбе, молодой человек отправился в Италию, желая изучать древние языки, философию и богословие. Он слушал лекции в лучших школах того времени, переходя из Флоренции в Болонью, оттуда в Падую, Феррару и Милан. Ему повезло с наставниками, среди которых были такие легендарные фигуры эпохи Возрождения, как типографщик Альдо Мануций и греческий грамматик Константин Ласкарис.

В 1502 году, перейдя в католицизм, Михаил Триволис принял постриг во флорентийском монастыре Святого Марка, настоятелем которого всего несколько лет назад был его кумир Савонарола. Но в католическом монастыре он не прижился и в 1505 году вернулся в Грецию, чтобы на Афоне, приняв покаяние, снова вернуться в лоно православия. Он стал послушником в Ватопедском монастыре и через три года принял постриг с именем Максима. В монастыре имелась богатая библиотека, Максим погрузился в ее изучение и вскоре прослыл одним из самых ученых братьев между афонскими монахами.

Когда решено было, что в Москву ехать надлежит именно Максиму, он принял это с должным смирением. Ему пред-

стояла большая научная работа, его знания были востребованы, за ним приехало специальное посольство правителя громадной страны.

Сопровождаемые Василием Копылом и его людьми афонские монахи отправились в Стамбул, где примкнули к основному составу русского посольства. На обратном пути к посольскому каравану пристало посольство Вселенского патриарха во главе с митрополитом Григорием, также направлявшееся в Москву. Переплыв Черное море, люди московского князя, афонские монахи и посольство патриарха добрались до Крыма, где была сделана долгая остановка, затянувшаяся почти на год. Только в начале марта 1518 года они добрались до Москвы, где Максима и его спутников встретили с большим почетом.

Путешественников разместили в кремлевском Чудовом монастыре, дав им содержание от щедрот великого князя. Когда же дело дошло до той работы, ради которой их призывали с Афона, в помощь грекам отрядили нескольких русских толмачей и писарей. В числе русских работников был Дмитрий Герасимов, что некогда работал по заданиям новгородского архиепископа Геннадия Гонзова. Затем Герасимов долго служил при Посольском дворе великого князя, ездил с посольскими миссиями в Данию, Швецию, Пруссию, Норвегию, к императору Священной Римской империи Максимилиану.

Другой опытный толмач, отряженный в помощь Максиму, которого на Москве прозвали Греком, был Влас Игнатов, также служивший сначала у архиепископа Гонзова, а потом на Посольском дворе. Сохранилось даже свидетельство о способе их работы, взятое из письма Дмитрия Герасимова, отправленного во Псков Мисюрю Мунехину. Переводами занимались в кельях кремлевского Чудова монастыря, где обосновался Максим, к которому приходили его русские сотрудники разных рангов. Покуда ватопедский библиотекарь не освоил русский язык, общаться им приходилось на латыни, и дело у них было налажено, по словам Герасимова, следующим образом: «...Мы с Власом у него сидим переменяясь: он рассказывает по-латыньски, а мы рассказываем по-русски писарем». Таким способом были переведены «Толковая

Псалтирь», «Толковый Апостол», беседы Иоанна Златоуста о Евангелии; работа была исполнена так хорошо, что заслужила одобрение духовенства, а все причастные к делу были особо награждены князем.

Полагая, что на этом его миссия была окончена, Максим собрался на Афон, но не тут-то было. Великому князю были нужны такие высокообразованные люди, а потому он поступил с Греком так же, как с немцем Бюловым — не отпустил монаха. Свита, прибывшая с Максимом, отбыла восвояси, а сам он остался в Москве, чтобы заниматься переводами и составить опись большой великокняжеской библиотеки. Впрочем, Максим, захваченный масштабом поставленных перед ним задач, не роптал. Ему поручили поправить богослужебные книги: Триод, Часослов, праздничную Минею, Апостол. Сверяясь с греческими подлинниками, Максим нашел в русских книгах множество ошибок и даже исправил некоторые, но так как сам слабо знал славянский язык, то, исправляя одно, напутал в другом, что сильно отразилось на его судьбе.

Прибыв в Москву, греческий монах-книжник оказался в эпицентре политических интриг и духовной дискуссии, развернувшейся между двумя большими группами русского православного духовенства. Соперники были достойны друг друга по образованности и благочестию, но на многие вещи смотрели по-разному. Группа священников и монахов из монастырей Вологодчины и Белозерских, называвшиеся «заволжскими старцами», объединилась вокруг известного подвижника Нила Сорского; с другой стороны были называвшиеся «иосифлянами» поклонники идей основателя и игумена Волоколамского монастыря Иосифа Волоцкого (Санина), умершего в 1515 году. Последователи идей Иосифа Волоцкого отождествляли церковь и государство, подчиняя духовную иерархию светской власти и требуя взамен защиты прав и привилегий церкви, в том числе права монастырей владеть людьми, населяющими их земельные и иные угодья.

Среди оппонентов «иосифлян» было немало авторитетных священников, происходивших из хороших московских семей. Ученик «заволжской школы» Вассиан, по прозвищу Косой, в миру был князем Василием Ивановичем Пат-

рикеевым и монашеский клобук надел, когда на старую боярскую партию пала опала князя Ивана III. Князь почел за благо в 1499 году принять постриг в Кирилло-Белозерском монастыре и посвятил себя книжным занятиям. Лидер «заволжцев» Нил Сорский был постриженником того же Кирилло-Белозерского монастыря и основал недалеко от него пустынь, в которую удалился, ища возможности устройства обители по собственному пониманию. Бывший князь Патрикеев, ставший в монашестве Вассианом, сделался учеником старца Нила и развил его идеи. Он вступил в полемику с самим Иосифом Волоцким и даже высказал несогласие с казнями «жидовствующих».

Слава благочестивого полемиста дошла до княжеских теремов в Кремле, и князь Василий Иванович, которому Вассиан Косой доводился дальним родственником, приблизил его к себе, ибо нуждался в мудром и нелицемерном советнике. В Москве Вассиан Косой жил попеременно то в Симонове, то в Чудовом монастыре; здесь он продолжил полемику с «иосифлянами», а кроме того, познакомился с жившим в Чудовом монастыре Максимом Греком, чьи аскетические воззрения, сформировавшиеся под влиянием речей Савонаролы, были близки к позиции «заволжских старцев». Насмотревшись на московскую жизнь, где «нестроения быта», мало соответствовавшего идеалам христианства, грубость, распутство и повсеместное лихоимство были смешаны с пышностью обрядов, Максим не скрывал недовольства. Он обличал невежество и суеверия, укоренившиеся в русском духовенстве, а учение «иосифлян» явно не одобрял. Среди прочего он выступил против канонизации игумена Пафнутия Боровского — учителя Иосифа Волоцкого, — говоря о нем: «Он держал села, и деньги в рост давал, и людей и слуг держал, и судил, и кнутами бил, как же ему чудотворцем быть?»

Тем временем великий князь Василий Иванович озаботился тем, что на пятом десятке лет у него нет сына-наследника. Виновной в этом, учинив целое следствие, объявили его жену Соломонию, урожденную Сабурову. Допрашивали ее брата Ивана Юрьевича, и тот сознался, что к сестре приводили знахарок, то какую-то Стефаниду-рязанку, то безноскую черницу, но все их заговоры пользы не принесли. Дело

ускорило то обстоятельство, что великий князь приметил девицу, затронувшую струны его души.

Боярыня Елена Глинская появилась в Москве, когда ей было четырнадцать лет; воспитывалась она в Италии и Германии. Девушка была хороша собой, образованна, повидала разные страны, говорила на нескольких языках, ее манера держаться была не свойственна обычным московским барышням. Род Глинских происходил от ордынского темника Мамаю, потомки которого ушли в Литву, получив там в удел литовский Глинск и произведя от него свою фамилию. Это был большой клан, игравший в свои политические игры. Во главе Глинских стоял боярин Михаил Львович — богатейший магнат, двенадцать лет проведенный в разъездах по разным странам и получивший диплом врача и титул рыцаря Священной Римской империи. Он служил в войске Альбрехта Саксонского и императора Максимилиана I. Бывал в Испании, где перешел из православия в католицизм. Вернувшись в Литву, боярин Михаил стал советником Александра Ягеллончика, великого князя Литовского и короля Польского.

Королевского маршала Михаила Глинского заподозрили в попытке узурпации власти, когда бездетный король стал болеть. Опасаясь репрессий, клан Глинских собрал свою армию и, заручившись поддержкой московского князя, войска которого вторглись в литовские пределы, вступил в войну на стороне москвитов. Однако война не принесла решительного успеха ни одной из сторон, и вскоре был заключен мир, а Глинским ничего не осталось, как, бросив свое имущество в Литве, перебраться в Москву и поступить на службу к Василию III. И вот тут во время торжественного богослужения в Успенском соборе великий князь обратил внимание на юную Елену. Отец девицы — Василий Глинский по прозвищу Слепой — к тому времени уже умер, и Елена жила в доме дяди Михаила, которому интерес князя к племяннице был очень на руку. Стареющий князь решил жениться на Елене, но для этого надо было избавиться от законной супруги.

Решение о разводе с Соломонией было воспринято неоднозначно даже многими приверженцами Василия Ивановича, а митрополит Московский Варлаам резко высказался

против такого шага. Слова митрополита задели князя, и Варлаама сместили с митрополичей кафедры, чтобы 27 февраля 1522 года возвести на нее Даниила, выходца их Рязани, получившего образование в Волоколамском монастыре.

Новый митрополит был исконный «иосифлянин», он не донимал великого князя своими «печалованиями» и все действия его оправдывал, даже если князь при этом нарушал клятвы. Так, в 1523 году заподозренному в измене князю Северскому Василию Ивановичу Шемячичу, опасавшемуся ехать в Москву по зову великого князя, были даны письменные гарантии безопасности, так называемые «опасные грамоты» великого князя и митрополита. Но через несколько дней по приезде в Москву Шемячича арестовали и заключили в темницу, где он и умер.

Про покладистого митрополита Даниила говорили: «Учительного слова от него нет никакого, не печалуетсЯ он ни о ком, а прежние святители сидели на своих местах в манатях и печаловались государю о всех людях». Тем не менее власть Даниила в делах церковных и государственных сделалась как никогда сильной, и митрополит получил возможность окончательной расправы со своими оппонентами — «заволжцы» стали «совсем неуютны» великому князю. На волне этих настроений, царивших при московском дворе, митрополит Даниил в 1524 году созвал собор русской церкви, а потом еще несколько, на которых Максим Грек, открыто выступивший против «иосифлян», предстал в качестве обвиняемого в ереси, допущенной им при исправлении книг.

Обвинения, предъявленные Максиму, были весомы — не следует забывать, что «иосифляне» были и сами изрядными книжниками. Они скрупулезно проработали все писания Максима, разобрали канонические и догматические утверждения, рассмотрели исправления, внесенные им в книги. Упорно высказываемая им мысль о неудовлетворительности славянских переводов богослужебных книг была признана ересью. Роковую роль сыграли описки писцов и собственное плохое знание Максимом русского языка — не сбылось предположение братии, отправлявшей его в Москву, что он сможет легко постигнуть этот язык. Например, среди откоро-

венно еретических утверждений Грека было такое, что сидение Христа одесную Отца есть лишь минувшее, а не предвечное. Вызвано оно было простым незнанием — Максим не понимал разницы между настоящим и прошедшим временем — «сидит» и «сидел».

Его проповедь аскетизма и монашеской нестяжательности была представлена как хуление русских подвижников, допуская владение монастырями вотчин. Да к тому же сам Максим в полемическом запале признал, что сомневается в автокефальности русской церкви.

Среди выдвинутых против Максима обвинений был и шпионаж в пользу турок — ему пеняли знакомство с турецким послом Скиндером, которому он якобы слал потаенные грамоты. В том же обвиняли и архимандрита Новоспасского монастыря Савву и людей из окружения Юрия Траханиота, долгие годы исполнявшего дипломатические поручения московского двора. К тому времени Траханиот умер, но его люди принадлежали к «греческой партии», которую подозревали в интригах, направленных против союза султана и великого князя. Обвинения в шпионаже Максим отверг, и у следствия не нашлось улик, чтобы подтвердить подозрения. Труднее было оправдаться, когда всплыли его связи с опальными боярами, в том числе и Беклемишевым по прозвищу Берсень, попавшим при Василии Ивановиче в опалу.

Боярин не одобрял женитьбу князя Ивана на принцессе Софье и появившиеся после той свадьбы порядки. Сыну Софьи он осмеливался перечить и пенять на «приверженность грекам» и «перемену обычаев». На допросе Максим показал, что слышал от Ивана Никитича Беклемишева, как тот говорил, де Софья «какова бы ни была, а к нашему нестроенью пришла», и тужил о том, что великий князь «старых не почитает» и «запершись, сам-третей все дела у постели решает». На очной ставке Беклемишев опровергал показания Максима, но потом все-таки признал свои слова. Именно эти, сделанные на очной ставке признания послужили причиной суда, на котором Ивана Берсенья-Беклемишева приговорили к смертной казни. Зимой 1525 года, по обычаю, его обезглавили на льду Москвы-реки.

Собор принял решение: сослать грека-еретика в Волоколамский монастырь и заключить его там в темницу «обращения ради и исправления» с полным запрещением что-либо сочинять и с кем бы то ни было переписываться. Так Максим попал в руки своих идейных противников «иосифлян». Ему запретили читать книги, за исключением тех, которые для него лично отобрал митрополит Даниил, натерпевшийся от Грека попреков в прежние дни. За узником строго следили, донося о каждой мелочи его жизни.

После разгрома оппозиции в среде духовенства судьба Соломонии была предрешена. Обвиненная в неплодности, она предстала перед судом Боярской думы, постановившей «неплодную смоковницу посечь и измести из винограда». На практике это вылилось в насильственное пострижение, которое организовал дворецкий князя Иван Юрьевич Пожогин по прозвищу Шигона, поверенный самых интимных тайн государя. Пострижение состоялось 25 ноября 1525 года в московском Богородице-Рождественском монастыре. Обряд совершал игумен Никольского монастыря Давид, которому пришлось потрудиться, поскольку Соломония сопротивлялась. С несчастной в конце концов управились, и стала она София, монахиня, которую спроводили в суздальский Покровский монастырь. А великий князь, развязавшись с женой, посватался к Елене Глинской и через два месяца после пострижения Соломонии женился сызнова. Венчал их митрополит Даниил, после чего его духовный авторитет сильно пошатнулся в глазах многих современников.

Под влиянием Елены князь Василий стал хаживать в «немецком» платье, регулярно бриться, а слухи об интимной жизни князя и новой княгини, просочившиеся из кремлевских теремов в город, того более шокировали народ. Болтали, будто князь настаивал, чтобы в супружеской спальне кроме него и жены еще присутствовал один из рынд, и непременно чтобы голый. И будто бы княгиня Елена была против этого, и не только из смущения, а еще из-за прагматического опасения того, как бы зачатых при подобных обстоятельствах детей не признали незаконным — при желании отцом княжичей можно было назвать рынду, выступавшего в качестве катализатора великокняжеских страстей.

Как бы там ни было, княгиня родила Василию двоих сыновей. Правда, князь Юрий родился немым дебилом, но зато другой княжий сынок, Иван, оказался телом крепок и умом боек.

Осенью 1529 года во время очередного московского визита посол Скиндер заболел и умер. Люди великого князя Василия, воспользовавшись удобным случаем, порылись в вещах покойного и нашли в них немало секретных документов, которые можно было бы назвать «компрометирующими материалами».

Прибывавшие в Москву послы Блистательной Порты были большей частью греками из хороших византийских родов, принявшими ислам, чтобы выразить покорность султану и получить достойную службу. В душе они сохраняли надежду на то, что со временем все вернется на круги своя, Стамбул снова станет Константинополем, и власть вернется к грекам. Послы султана прибывали с предложениями о подписании мира, союза между странами, но сами не больно желали этого союза, который закреплял бы поражение империи, делал бы власть турок еще прочнее. Неоднократно бывавший в Москве Скиндер играл в свою игру, всячески разжигая конфликт между двумя дворами, полагая, что противоборство Москвы и Стамбула будет на руку греческому делу. Посол сеял раздор между двумя странами и, надо сказать, в этом преуспел.

С Максимом Греком посол Скиндер был знаком до приезда в Москву, а так как они происходили из одного сословия и судьбы их семей были во многом схожи, то и политические взгляды этих знатных греков, их упования совпадали. Они часто встречались во время приездов посла и содержание сокровенных бесед от москвитов скрывали. Но кое-какие заметки на этот счет дьяки московского князя нашли в бумагах посла. К этому моменту, правда, политическая составляющая обвинений в сотрудничестве с послом Скиндером потеряла актуальность. Но «иосифляне» не могли простить Максиму очень опасных, хорошо мотивированных аргументов, разрушавших их позиции, и всячески старались очернить греческого книжника, находившегося в их полной власти.

В 1531 году состоялся собор, на суд которого снова был выведен усталый и измученный тяжким заключением Максим. Обвиняемый уже не пытался, как прежде, дискутировать с обвинителями, ссылаясь на книжную науку. Он лишь отрицал личную ответственность и злой умысел, валя все на ошибки переписчиков. Но под давлением упорных судей, приведших обличительные примеры, Максим вынужден был признать ошибки — «некие малые описи», — которые-де произошли не от ереси или его, Максимова лукавства, а случайно, по забывчивости, в спешке или даже из-за злоупотребления вином. Публичное саморазоблачение и унижение Максима не удовлетворили натерпевшегося от его обличений митрополита Даниила, и приговором собора Максима признали виновным в преднамеренной порче книг. Его отлучили от причащения Св. Тайн и в оковах отправили в тверской Отроч Успенский монастырь. В мае того же 1531 года пред соборным судом предстал и сподвижник Максима по борьбе с «иосифлянами» Вассиан Патрикеев по прозвищу Косой и был отправлен в Волоколамский монастырь, где прежде содержали Максима Грека. Вассиан вскоре умер, и, как свидетельствовал князь Курбский, якобы даже не своей смертью.

В сентябре 1533 года разболевшийся великий князь Василий Иванович призвал к себе врача Никола Бюлова и, напомнив ему о своих милостях, спросил его, есть ли надежда на выздоровление. По словам летописи, Бюлов не стал врать и ответил, что не видит никакого средства, кроме помощи Божией.

Приняв слова врача с твердостью духа, князь объявил присутствующим о неизлечимости болезни и стал готовиться к смерти.

Но даже после кончины великого князя Никола Бюлов не смог — а может быть, уже и не захотел — покинуть Москву. Пережив князя Василия Ивановича на пять лет, доктор, звездочет, математик и переводчик отошел держать ответ перед Господом в 1538 году, уже будучи древним старцем.

Вдова великого князя, княгиня Елена, ставшая регентшей при сыне Иване, когда ей было только 25 лет, вовсе не собиралась чахнуть во цвете лет. Обретя свободу от склонного к сексуальным извращениям старого мужа и всю полноту власти в Московском княжестве, она правила весьма

умело. Беря реванш за юность, отданную в жертву старому сладострастнику, княгиня осмелилась полюбить. Мамкой ее сына Ивана была Аграфена Челядининова, у которой был брат — князь Иван Федорович Телепнев-Оболенский, красавец и отчаянный рубака-воин, перед обаянием которого сердце вдовицы не устояло. Молодого князя возвели в звание конюшего боярина. Для влюбленной княгини он стал главным советчиком и фактически правил страной, отодвинув в тень не только Пожогина-Шигону, но и Михаила Львовича Глинского, дядю и наставника княгини, отводившего именно себе ту роль, которую играл при дворе Телепнев.

Бурный роман княгини и конюшего стал притчей во языцех, народ роптал, но любовники наслаждались полнотой жизни, легко губя врагов, ублажая себя пирами и прочими удовольствиями. Но продолжался этот праздник жизни недолго — Елена Васильевна пережила мужа всего лишь на пять лет; считается, что умерла она от яда. В останках вдовствующей великой княгини современные ученые нашли следы ртути — главного компонента ядов той поры, — количество ртути превышало норму в разы. Отравили ее, или сама она отравилась, неосторожно пользуясь мазями или притираниями, — про то нынче одному Богу ведомо.

Через неделю после смерти княгини Ивана Телепнева заточили в темницу, где он, закованный в цепи, умер от голода. Сестру его Аграфену сослали в Каргополь и постригли в монахини.

Сын князя Василия и княгини Елены Иван остался сиротой и выжил только чудом. Свое прозвище Грозный князь Иван получил совсем не случайно. Школа жизни преподала ему весьма болезненные, а оттого хорошо запоминающиеся уроки. Унаследовав от отца горячую греческую кровь, он рано «вкусил запретных плодов» и всю жизнь оставался сладострастником, проявляя при этом наклонность к садизму и мании преследования, основательно сдобренные комплексом неполноценности.

Заточенный в монастыре, Максим Грек жил еще довольно долго, даже в таких условиях продолжая работать, когда ему снова разрешили писать и читать. Его перу принадлежат десятки богословских и полемических сочинений, которые переиздавались несколько веков кряду. Он провел

более двадцати лет в Отрочьем монастыре, и все это время о его освобождении попеременно просили монахи афонских монастырей, патриархи Антиохийский и Константинопольский. Просил от лица собора и от себя лично патриарх Иерусалимский. Сам Максим подавал прошения царю и митрополиту Макарию, выдающемуся деятелю просвещения, просвещенному книжнику и иконописцу, который хоть и был близким родственником Иосифа Волоцкого, отлично понимал масштаб личности Максима и искренне скорбел о его положении; тем не менее и он был не в силах помочь и отвечал лишь утешением: «Узы твоя целуем, яко единого от святых, пособити же тебе не можем». Причина такого упорства московских правителей проглядывалась совершенно определенно — московские власти боялись огласки многих дел, которые хотели бы утаить. Своими рассказами о жизни Московии, виденной им изнутри, Максим, чье слово имело вес для православных патриархов и светских политиков, мог повлиять на процессы внешней политики, и так весьма не просто складывающиеся для московского двора. Именно высокий авторитет Максима пугал его московских оппонентов, решивших удерживать его во что бы то ни стало. В качестве уступки ходатайствовавшим за Максима ему лишь ослабили режим содержания, дозволив посещать церковь и причащаться Св. Тайн.

Его идеи были восприняты и нашли отражение в постановлениях Стоглавого собора, касавшихся исправления книг, призрения бедных, общественных пороков и любостыжания духовенства. Лишь в вопросах монастырских вотчин собор принял сторону «иосифлян». В 1553 году, после очередного ходатайства некоторых бояр и троицкого игумена Артемия, Максиму позволили поселиться в Троице-Сергиевой лавре. В том же году его навестил царь Иоанн Грозный, направлявшийся в Белозерский монастырь на богомолье, и Максим остался верен себе, посоветовав царю изменить планы и вместо богомолья заняться другим богоугодным делом — позаботиться о семьях воинов, павших при взятии Казани. Через год Максим Грек умер; к этому времени проблема исправления книг так и осталась нерешенной.

У итальянцев есть поговорка: «Время — честный человек, оно все расставляет по своим местам». С Максимом Греком

все вышло в точности по этой поговорке. Умер он в самый день своих именин, 21 января 1556 года, когда православные поминают святого Максима Исповедника; похоронили старца под северо-западной стеной Свято-Духовского храма Троицкой лавры. По прошествии веков все возводимые против Максима обвинения были сняты как несостоятельные — они принадлежали политике своего времени и канули вместе с ней. На Поместном соборе 1988 года — года тысячелетия крещения Руси, Максим Грек был прославлен в лике преподобных. Восемью годами позже были проведены археологические изыскания, в результате которых были найдены мощи старца; их поместили в раку, которая нынче находится в Успенском соборе Троице-Сергиевой лавры.

2. Английское присутствие

Проникновение сынов Туманного Альбиона в российские пределы произошло при обстоятельствах случайных. Англичане искали северный путь в Китай и Индию. В 1533 году экспедиция, возглавляемая сэром Ричардом Ченслером, обогнув Скандинавский полуостров, вошла в Белое море и, достигнув устья Северной Двины, вошла в один из ее четырех рукавов и встала на зимовку возле острова Ягра, неподалеку от Николо-Карельского монастыря. Монастырское начальство дало знать в Москву, где тогда «правил» Иван Васильевич, коему только-только исполнилось три годика. Из Москвы прислали гонца с приглашением англичанам прибыть для переговоров. Так Ричард Ченслер проторил дорожку в Московское государство; вслед за ним здесь побывало несколько английских дипломатов. Тем временем подросший Иван Васильевич женился и венчался на царство, взяв власть в свои руки столь крепко, что получил прозвище Грозный.

Согласно заключенным с английской короной договорам, на службу к русскому царю стали прибывать разные мастера, купцы и путешественники, которым Иван Васильевич так благоволил, что взревновавшие подданные даже прозва-

ли его «английским царем». И надо сказать, англичане немало ему послужили. Частенько именно англичанам поручались самые рискованные дипломатические миссии русской короны; первым послом русского царя, глубоко проникшим в Азию, был как раз англичанин, сэр Энтони Дженкинсон, добравшийся до Бухары.

Вернувшись в Москву через год с небольшим, Энтони Дженкинсон был допущен до государя и во всех подробностях рассказал ему о виденном и узнанном. По его рассказам выходило, что большинство повстречавшихся ему народов жизнь ведут полудикую, кочевую: «Не употребляют они хлеба, и денег совсем не знают — докладывал Дженкинсон, — торговлю ведут меновую, а более того, все, что им нужно, добывают грабежом и разбоем, что у них почитается за удалство». Совсем по-иному он отзывался о Бухаре, тамошнем правлении и жителях. Рассказал о существующих ремеслах, производимых плодах, о наличии в ходу денег: золотых, серебряных и медных. Рассказ о бухарцах произвел на царя самое благоприятное впечатление, и он выдал разрешение купцам из дальних ханств вести торговлю в Астрахани, на целые века ставшей местом торгога с купцами, гонявшими караваны через степь.

После похода Дженкинсона несколько раз прибывали послы от восточных владык; они даже значатся в числе гостей на пиру, данном московским государем по случаю завоевания русскими Сибири. Иван Васильевич, видимо сделавший какие-то свои выводы из донесений купцов и послов, предпочитал разговаривать с ними «с позиции силы». Астрахань — главная морская пристань народов, живущих вокруг Каспия, и арабских купцов, ведущих торг с Европой, — тем временем богатела и доставляла в царскую казну немалые средства, собранные в виде таможенных пошлин.

В том году, когда мистер Дженкинсон отправился в Среднюю Азию, войско Ивана Грозного пошло от Москвы на северо-запад и вошло в пределы Ливонского ордена. Кампания складывалась для русского войска чрезвычайно удачно — хорошо вооруженные и подготовленные русские войска, во главе которых стояли опытные и талантливые воеводы, численно превосходили те силы, которые мог выставить их глав-

ный противник. Ливонские рыцари уповали на мощь крепостей, за стенами которых они полагали отсидеться до зимы, но русские, имея сильную артиллерию, очень умело распорядились ею, разнося стены и башни старинных замков и крепостей. Не выдерживая натиска атакующих, в период с мая по октябрь 1558 года два десятка крепостей были взяты штурмом или капитулировали на предложенных условиях. В январе 1559 года русское войско сошло с орденским при городе Терзене и разгромило его наголову. В бою пали четыре сотни рыцарей, многие воины ордена попали в плен, еще больше разбежались кто куда. После этого сражения русские рати прокатились по Ливонии опустошительным рейдом и в феврале триумфально завершили этот поход, вернувшись в Московию с огромными обозами добычи и пригнав множество пленных.

В отношении ливонского полона были предприняты беспрецедентно жестокие правила: по повелению царя людей, приведенных из Ливонии, было запрещено менять и продавать кому-либо, кроме турецких купцов, которым дарована была привилегия выводить купленных ими пленников из русских земель и перепродавать их кому вздумается. Таким образом, над каждым, попавшим в неволю во время Ливонского похода, нависла угроза быть проданным в рабство на азиатских рынках. Столь жестокое обращение с пленниками было мстью памятливого на обиды Ивана Грозного, который дюжиной лет ранее — в 1547 году — послал саксонского уроженца Ганса Шлитта по разным европейским странам, чтобы наwerbовать себе на службу мастеров, военных и ученых. Поручение было исполнено — Шлитт нанял около трех сотен специалистов разного рода: врачей, аптекарей, переводчиков с разных языков, военных, оружейников и разных ремесленников. Они направлялись в Москву двумя путями — через Пруссию и Ливонию, но не желавшие усиления Руси страны Ганзейского союза добились запрета на их проезд. Самого Шлитта в Любеке взяли под арест, предъявив ему иск на большую сумму, из-за чего началась долгая изнурительная тяжба. Прибывших со Шлиттом 123 человека любекские власти изгнали из города, а мастер Ганц даже поплатился жизнью за свое желание добраться до Москвы: наперекор всем запретам он поехал через Ливонию на свой страх и риск, был

пойман орденскими людьми и отдан под суд, который приговорил его к смертной казни. Судьба нанятых мастеров и специалистов, которых задержали в Ливонии еще прежде ареста Шлитта в Любеке, была не столь печальна, но и их удерживали более пяти лет как пленников, а потом понудили служить ливонцам. И вот пришел черед платить по старым счетам!

Кроме пленных, захваченных на поле боя, из Ливонии вывозили горожан с их семействами; их разместили в четырех городах: Костроме, Владимире, Угличе и Кашине, где они дожидались решения своих судеб, кормясь кто ремеслом, кто торговлей. Но далеко не все смирились с участью простых пленников, ожидавших, когда за ними приедут турецкие покупатели, чтобы угнать как скотину в новую, еще более жуткую неволю. Некоторые ливонцы сумели поступить на русскую службу, и иные так преуспели, что сделали карьеру при московском дворе. Состоявшие на службе Ливонского ордена лифляндские дворяне Иоганн Таубе и Элерт Крузе, попав в плен в самом начале войны и прожив пару лет среди русских, вполне освоились и попросились на службу. Сначала их зачислили в Посольский приказ, но вскоре они изловчились попасть на глаза царю и понравиться ему. Недурно разбираясь в хитросплетениях политики прибалтийских стран, Крузе и Таубе консультировали Ивана Васильевича в вопросах политической интриги в Ливонии и прилегающих к ней землях. Эти бойкие господа среди прочего подали царю Ивану мысль о создании на бывших орденских землях вассального королевства и предложили две возможные кандидатуры в качестве правителя Ливонии: курляндского герцога Готгарда и правителя Эзеля принца Магнуса, брата датского короля. Они сами ездили в Прибалтику для переговоров с обоими возможными ливонскими королями и добились определенного успеха — принц Магнус очень даже заинтересовался этим предложением. Он принял все предложенные русской стороной условия; для закрепления этой сделки ему была обещана рука племянницы царя, княжны Евфимии Владимировны Старицкой, отец которой, Владимир Андреевич, доводился двоюродным братом Ивану Грозному.

Окрыленный мечтами о королевской короне сир Магнус с многочисленной свитой поспешил в Москву. Среди прочих

его сопровождал молодой ливонский дворянин Юрген Фаренсбах, судьба которого вполне сгодилась бы в качестве основы для написания целой серии приключенческих романов.

Совсем нескучная жизнь

Родился Юрген в 1550 году в имении Нельве, которым его семья владела с давних времен. Фаренсбахи происходили из древнего немецкого рода, который в числе других обосновался на землях Ливонии в XIV веке, признав себя вассалами епископа Ливонского ордена. Помимо Нельве Фаренсбахи владели еще двумя имениями, но богачами их в Ливонии не считали. Отец Юргена служил ордену, его супруга, урожденная Курсель, подарила ему одиннадцать детей, одних мальчиков. Но из всей этой оравы младенцев выжили только трое. Юрген пошел по дорожке, проторенной предками, став солдатом. Еще мальчиком его отправили в Швецию для обучения военному делу, и совсем еще юный Юрген Фаренсбах впервые основательно понюхал пороху, сражаясь в рядах ландскнехтов под знаменами германского императора Максимилиана II, задумавшего отбить у турок Венгрию.

Ландскнехты — наемные пехотинцы — были вооружены мечами и тяжелыми саблями, бердышами и пиками, аркебузами и колесными пистоями. В качестве ударной силы они были достойными конкурентами знаменитой швейцарской пехоты. Довольно яркой характеристикой ландскнехтов могут послужить несколько понятий, благодаря им широко разошедшихся по миру. Отдельные отряды ландскнехтов называли «компания» или «банда» — из-за обычая повязывать на рукава ленты одного цвета. Негативный смысл в слово «банда» был привнесен поведением «бандитов», которые грабеж почитали за геройство. Слово «мародер» корнями опять же уходит в среду и быт ландскнехтов — сомнительную честь первенства в том, от кого происходит слово, обозначающее грабежи на войне, заочно оспаривают два знаменитых командира ландскнехтов — немецкий генерал Иоганн Мероде и шведский полковник Вернер фон Мероде.

К тому моменту, когда первая для Фаренсбаха война окончилась, ему едва исполнилось шестнадцать лет. С окончани-

ем боевых действий в Венгрии наемники остались без работы, и юный воин в 1566 году отправился сначала в Голландию, а когда и там ничего не подвернулось, вернулся в Ливонию и нанялся «гофлейтом» — конным стрелком — в отряд, которым командовал шведский полковник Клаус Курсель, проходящийся Фаренсбаху, судя по фамилии, родней по материнской линии.

Никакой войны в то время не было, а так как в подобных случаях жалование наемникам платили нерегулярно, господин полковник и его офицеры, недовольные постоянными задержками выплат, решили поправить дело силой. Гофлейты Курселя в субботу 7 января 1570 года внезапно атаковали замок Ревеля, захватили врасплох гарнизон, состоявший из шведских ландскнехтов, а губернатора со всем его семейством объявили своими пленниками, пообещав, впрочем, их отпустить после выплаты жалования.

Но успех притупил их бдительность, чем шведы и воспользовались. На Страстной неделе они устроили так, что к услугам ландскнехтов оказалось море дармовой выпивки; они перепились и почти без сопротивления отдали замок обратно. Захваченных в плен Курселя, его брата Хенрика, ротмистра Юргена Укселя и других офицеров судили. 3 июня 1570 года Клауса Курселя и троих его наиболее рьяных соучастников казнили отсечением головы. Других оставили в живых, но долгие годы продержали в темницах. Лишь немногим удалось выкрутиться из этой передраги, и среди них был Юрген Фаренсбах. Ради этого они отдали все ценное, что у них было: оружие, драгоценности, одежды и все прочее. Оставшимся в одном исподнем гофлейтам позволили выбраться за стены крепости через выгребные ямы ретиральных мест замка.

В прямом смысле слова искупавшись в дерьме, Юрген спешно покинул Ревель и скрылся в одном из имений своей семьи. Но, отмывшись и осмотревшись вокруг, молодой человек сообразил, что засиживаться в поместье ему не с руки — если решат его искать, то, уж конечно, найдут. Он стал думать, куда податься, и тут очень кстати до него дошел слух о наборе людей в стражу принца Магнуса, направлявшегося в Москву.

В этом качестве он выехал из Ливонии совершенно беспрепятственно, но его новое безмятежное состояние про-

должалось недолго. По дороге в Москву свита Магнуса была замечена в грабежах русских горожан, и, когда 10 июня 1570 года принц достиг русской столицы, там уже было известно об этих печальных происшествиях. Дабы не омрачать своих прекрасных перспектив, Магнус не стал выгораживать тех, кого обвиняли в грабежах, и вместе с другими мародеерами Юрген Фаренсбах угодил в одну из московских тюрем.

Миссия принца Магнуса увенчалась полным успехом: его торжественно встретили, он дал клятву верности московскому царю и был объявлен ливонским королем. Состоялась помолвка Магнуса с Евфимией Старицкой, за которой Иван Васильевич посулил в приданое помимо всяких полагававшихся невесте вещей еще и пять бочек золота. Правда, этому браку не суждено было свершиться, так как уже в ноябре того же 1570 года княжна скоропостижно скончалась. Но для русского царя даже это не стало помехой на пути к намеченной цели — взамен умершей Евфимии Магнусу предложили руку ее младшей сестры Марии, и тот согласился. В конце концов, это был династический брак, и для ливонского короля не так уж и важно было, какая именно из племянниц русского царя станет его супругой. Было, правда, обстоятельство, перед которым пришлось пасовать сильным мира сего, — принц Магнус достиг тридцатилетия, а его новой невесте едва пошел одиннадцатый годок, из-за чего решили со свадьбой повременить. Их повенчали 12 апреля 1573 года в Великом Новгороде, причем двумя обрядами — православным и лютеранским, так как Марии запретили менять веру. На этой странной свадьбе главный ее устроитель царь Иван Васильевич очень веселился в своем особенном стиле: вместе с молодыми иноками он плясал под распев «Символ веры» св. Афанасия и, отбивая такты, своим знаменитым жезлом лупил гостей по головам.

Впрочем, всему этому еще только предстояло свершиться. Пока же объявленный ливонским королем датский принц Магнус отправился в Ливонию добывать мечом свой трон у шведов, а Фаренсбах и его товарищи, брошенные своим патроном на произвол судьбы, остались в московской темнице. Однако долго томиться в неволе не пришлось — освобождению поспособствовали события, угрожавшие Московскому царству полнейшим разорением.

Новый Батый

В 1569 году Великое княжество Литовское и Польское королевство заключили Люблинскую унию, объединившись в единое государство Речь Посполитую, дабы дать отпор русской экспансии в Прибалтике. Союзником Речи Посполитой стал крымский хан Девлет-Гирей, грезивший возвращением Казанского и Астраханского ханств под руку мусульманского владыки.

Момент для удара Девлет-Гирей выбрал очень удачно, когда большая часть русских войск находилась на ливонских рубежах. Да к тому ж внутри страны случился неурожай и, как следствие, голод. Скоро голод перешел в мор, и местами в опустелых селениях одичавшие псы во дворах рвали тела умерших хозяев домов, которых похоронить некому было. Затем навалилось дотоле невиданное моровое поветрие — окаянная бубонная чума. При первых признаках эпидемии ее попытались остановить, запретив людям переходить из мест, охваченных болезнью, туда, где ее еще не замечали: всюду на больших и малых дорогах, возле городских ворот и монастырей выставили вооруженную стражу, которая без долгих разговоров всякого «перехожего человека» убивала на месте. Но даже такие жестокости не смогли остановить распространение болезни. В одной только Москве каждый день умирало от 500 до тысячи человек. Умерших хоронили прямо во дворах их домов, потом, опасаясь возиться с трупами, стали бросать умерших в дома, которые поджигали. Тех, кто умирал прямо на улицах, свозили за город, где рыли большие ямы, в которые без гробов валили покойников, хороня по нескольку сот тел в одной братской могиле.

Страх перед ужасной болезнью, обуявший людей, затмевая рассудок, порождал невероятную лютость, что приводило к диким расправам над теми, в ком по какой-то причине не углядывали причину мора. Первой жертвой болезненного умоисступления стала невинная скотина — слон, подаренный царю Ивану персидским шахом Тахмаспом. Приведенный в Москву, этот слон был помещен возле Никольских ворот Китай-города, где на потеху публике было устроено подобие зверинца. При слоне состоял специальный служи-

тель — приведший его в Москву погонщик-индус, которого по незнанию считали арабом, — умевший обращаться с огромным существом необычайно ловко. До поры слон и его погонщик превосходно чувствовали себя в Москве — на содержание слона выделяли порядочные средства, а индус получал от казны хорошее жалованье. Но именно зажиточность восточного гостя навлекла на него первую беду, поманив соблазном московских разбойников, — компания кабацких игроков в кости ограбила дом слонового мастера и убила его жену. Сам погонщик выжил, но, как оказалось, нападение лихих людей было не самым страшным испытанием из тех, что припасла ему чужбина. Когда в Москве объявилась чума, кто-то усмотрел ее причину в слоне — якобы странная скотина занесла моровое поветрие. По приказу царя животное вместе с несчастным индусом — и без того уже ограбленным и потерявшим жену — выслали в Городецкий посад под Тверь, где слона поместили в сарае, обнесенном тыном из бревен. Но и там слону с погонщиком не было покоя — толки на их счет не прекращались, а потому царь Иван приказал убить слона и взять индуса в застенок. Однако, когда посланный с этим поручением опричник прибыл в посад, проводник уже помер, а слон разнес сарай и, проломив тын, сбежал. Но ушел он не далеко — по одному ему известным приметам он отыскал могилу погонщика и, улегшись на нее, предался безнадежной тоске, не делая никаких попыток защищать себя, когда опричник с окрестными крестьянами явились его казнить. Слона убили прямо на могиле индуса, а в качестве доказательства, что приказ исполнен, царю доставили бивни, выбитые из черепа уже мертвого животного.

Ссылка и казнь слона ничуть не улучшили ситуацию — чума не отступала. И тут в довершение всех бед над державой нависла новая беда — нашествие из Крыма. Не ввязываясь в бои, обойдя пограничные укрепления, так называемую «засечную линию», хан вторгся в русские пределы.

Опасаясь плена, царь покинул Москву и перебрался в Ростов Великий, а оттуда в Вологду. Столица русского государства осталась беззащитной, но войти в зачумленный город хан не пожелал, а приказал зажечь пригороды. Застроенный деревянными домами, город за несколько часов выгорел почти полностью — уцелели немногочисленные каменные дома

и церкви да Кремль. После этого «огненного разорения» население города уменьшилось в шесть раз — кто сгорел, а кто задохнулся от дыма. Среди жертв пожара оказались и присланные английской королевой львы, которые когда-то помещались по соседству со слонем, высланным из города, — царственные хищники задохнулись в своем рву. Возвращаясь в Крым, татары захватывали всех, кого могли, собрав колоссальный полон в 150 тысяч человек, — этих русских пленников продали в рабство.

Все это произвело на Ивана Грозного столь сильное впечатление, что ради заключения перемирия с ханом он пошел на унижение. Принимая ханских послов, вышел к ним облаченным в сермяжные одежды, изображал смирение и робость, сулил скрыть все русские укрепления на Северном Кавказе, предложил Девлет-Гирею возврат Астраханского ханства и даже готов был начать переговоры об оставлении русским войском Казани.

От полнейшего политического фиаско русское царство спасли только спесь и самоуверенность крымского хана — Девлет-Гирей отказался от мирного договора, дабы полностью подавить противника. Да и как ему было отказаться от соблазна стать новым Батыем, если все складывалось в его пользу: в Московии царили голод и разорение, свирепствовала эпидемия чумы, столица лежала в руинах, царь укрывался на северных окраинах державы?! Оставалось только раздавить остатки военной организации царства, что Девлет-Гирей и намеревался сделать, снаряжая сорокатысячное войско в поход. Да кроме того, Османская империя прислала подкрепление из нескольких тысяч воинов. Уверенный в неизбежной победе, хан Девлет-Гирей перед выступлением в поход объявил, что «едет в Москву на царство», и еще в Крыму приказал составить роспись русских городов и уездов, которыми он жаловал своих мурз и беев.

Понимая, что война с ханом может стать последней для него самого и всего государства, Иван Грозный, собирая войско, включал в него любые силы, полезные для встречи крымского супостата. Тут-то и вспомнили о ливонцах, заключенных в московской тюрьме, — им предложили отправиться на родину и привести оттуда как можно больше воинов. Так Юрген Фаренсбах снова обрел свободу, получил

много денег и удостоверительные грамоты от русского царя, в которых было обещание использовать ливонских воинов только против татар, а не против кого-либо еще.

Ливонская «банда» в Большом полку

Несмотря на то что Фаренсбаху было чуть больше двадцати, он уже немало помотался по свету и знал, как подойти к делу. Прежде всего он связался со старыми знакомыми из отряда Курселя, которым удалось спастись. Вслед за ними к Фаренсбаху со всех сторон потянулись прочие искатели военной удачи; так был сформирован большой отряд, капитаном которого Фаренсбах объявил себя. Он назначил старших офицеров, из полученных в Москве денег выдал авансы, закупил снаряжение, боеприпасы, фураж и продовольствие. В Москву Фаренсбах привел тысячу бойцов, с которыми его приняли на службу и отправили в Большой полк, где было собрано около восьми тысяч человек.

Всего же под команду князя Михаила Ивановича Воротынского, назначенного главным воеводой в том походе, было отдано около 20 000 воинов. Сам царь не очень верил в то, что такими силами Воротынский сможет остановить нашествие Девлет-Гирея, и покинул столицу.

Русское войско встало лагерем под Серпуховом, собирались встретить крымцев у переправ через Оку, но большой мастер обходного маневра Девлет-Гирей сумел обмануть Воротынского. Он отправил под Серпухов две тысячи воинов, а остальное войско вывел на окский берег выше Серпухова, перейдя реку у села Дракина, где был встречен полком воеводы Одоевского, в котором было 1200 воинов. После лютого и кровопролитного сражения полк Одоевского poleg полностью, а Девлет-Гирей переправил главные силы и пошел с ними на Москву.

Узнав о прорыве неприятельского войска, Воротынский оставил позицию под Серпуховом и устремился за Девлет-Гиреем, войско которого на марше растянулось на пятнадцать верст. Русские яростно «вцепились в хвост» крымского войска, начисто истребив тех, до кого смогли добраться. Обеспокоенный разгромом своего тыла, Девлет-Гирей при-

казал прервать марш на Москву и повернул обратно, в точности выполнив то, на что так рассчитывал воевода Воротынский.

Хан не мог рисковать, оставляя у себя в тылу хоть какую-то боеспособную военную силу русских. Нисколько не обольщаясь насчет дисциплины в собственном войске, Девлет-Гирей прекрасно понимал, что, как только они достигнут Москвы, объявленной конечной целью похода, ему никакими силами не удастся удержать воинов, которые небольшими отрядами расползутся по окрестностям для грабежа и захвата пленников. И тогда шедшим за ним по пятам русскими воеводам останется только истреблять ханское войско по частям. Так можно было потерять все. Поэтому решено было прежде, чем брать Москву, прикончить рати Воротынского в поле.

К тому моменту, когда войско Девлет-Гирея подошло к основной позиции Большого полка, русские, как говорит древний хронист, «поспели обдернуться обозом»: на холме возле Молоди полки Воротынского развернули укрепления передвижной крепости — «гуляй-города», имея перед собой реку Рожайку в качестве оборонительного рубежа. «Гуляй-город» собирался из толстых дубовых досок, перевозившихся в обозе, — при необходимости собранные из этих досок большие щиты устанавливали на телегах, сцепленных между собой крючьями и петлями, чтобы их нельзя было раскатить. В щитах устраивались бойницы, через которые вели огонь из пищалей и пушек малых калибров, а между телегами в нескольких местах оставляли проходы, чтобы можно было делать вылазки для контратак.

Не имея большого опыта осады укреплений, татарские отряды раз за разом мчались в кавалерийскую атаку на укрепленный холм, плевавший огнем и свинцом, и несли большие потери. Не подпуская врага к самым стенам, русские делали вылазки, рубясь с татарами по всему холму и в поле, а потом снова уходили под защиту своих обозных укреплений. В ходе этих схваток под стенами «гуляй-города» погиб ногайский Теребердей-мурза и многие другие знатные витязи.

Главный военный советник хана Дивей-мурза обещал покончить с Воротынским в ближайшие дни и на 31 июля 1572 года назначил большой штурм русского укрепления. Накануне этой атаки мурза с небольшой свитой выехал на раз-

ведку, пожелав лично высмотреть слабые места в русской обороне. Навстречу ему из русского стана выслали сотню бойцов, и татары спешно поворотили прочь, но в дело вмешался случай — аргамак Дивей-мурзы споткнулся и грянулся оземь, а всадник, на всем скаку вылетев из седла, сильно ушибся. Тут его и скрутил суздальский богатырь Темир Ала-лыккин, накануне сразивший ханского зятя Иль-мурзу. Но, пленив самого опытного ханского военачальника, русские не догадались о том, кого захватили, — хитрый татарин сказался простым воином. Только днем, когда при очередной вылазке удалось пленить татарского царевича Ширин-бека, все выяснилось: на допросе царевич отказался отвечать, говоря, что у русских уже есть пленник, который лучшего его знает планы шаха. Его спросили, кто же это, и он назвал имя Дивей-мурзы, а когда того привели, опознал его.

Признавшись в том, что он и есть Дивей-мурза, военачальник посетовал на то, что у хана нет времени просто заморить русских — татары знали, что в лагере скопилось много раненых, на исходе были припасы, и для прокормления людей уже начали выбраковывать лошадей из кавалерии. Исходя из этого, Девлет-Гирей рассчитывал дожать Воротынского измором, но тут татары взяли важного языка, показания которого совершенно переменяли их планы. Гонец вез в лагерь Воротынского грамоту, в которой говорилось, что на помощь Москве из Новгорода царь послал сорокатысячное войско.

Грамота эта была уловкой русских — никакого войска в Москву царь не посылал, но хан ей поверил и не рискнул дожидаться, когда голод сделает то, что не могут пока сделать сабли, стрелы и пули. Полагая, что в тылу у него движется рать вдвое большая, чем находится перед ним, хан послал своих воинов на штурм. После нескольких атак холм покрылся трупами, но хан приказывал атаковать снова и снова, и наконец его воины добрались до стен укрепления. Но, увлекшись азартом штурма, воображая, что победа совсем близка, хан упустил момент, когда уже под вечер по приказу воеводы Воротынского большая часть войска, оборонявшего «гуляй-город», скрытно вышла из укреплений, оставив в их стенах лишь сторожевой полк. Его сил хватало, чтобы создавать впечатление, будто обороняется весь гарнизон.

Пока татары пытались взять русские укрепления, полки Большой, Передовой и Правой руки ложиной обошли противника, дождались вылазки сторожевого полка и ударили Девлет-Гирею во фланг. Ошеломленные двойным натиском, измотанные многодневным бесплодным штурмом, ждавшие подхода значительных сил русских от Москвы, татары дрогнули — им показалось, что их атаквали те самые свежие русские рати, о которых шла речь в перехваченной грамоте! Испугавшись окружения, они побежали, бросив лагерь и обозы. Его преследовали, рубя нещадно, — разгром был полным! Под стенами укреплений на холме близ Молоди полегли семь тысяч турецких янычар, многие знатные татарские мурзы, сын и внук хана Девлет-Гирея, немалое число татар и ногайцев попали в плен.

Прорваться за Оку и уйти в Крым удалось менее чем десяти тысячам воинов — жалкий остаток грозного войска, с которым хан намеревался повторить Батыево нашествие на Русь. После такого военного краха Крымское ханство утратило почти все боеспособное население, и никаких разговоров о возвращении Астраханского и Казанского ханств впредь уже не велось.

В стане победителей награждали достойных: тем, у кого раны от пуль и сабель были спереди, увеличили поместья; впрочем, раненных в спину наказывали отъемом части имущества.

Что же до Юргена Фаренсбаха, то он после сражения при Молодях оставаться на русской службе не пожелал. Покинув страну, капитан ландскнехтов отправился в Вену, а оттуда в Данию, где прослужил семь лет, достигнув чина гофмаршала. Однако в 1581 году он опять оказался в пределах Московского царства, но теперь уже в качестве командира крупного отряда немецких наемников в войске польского короля Стефана Батория и весьма успешно воевал против русских.

Взятый в плен у Молоди Дивей-мурза был доставлен к Ивану Грозному в Новгород и во время беседы с царем попросился к нему на службу. Мурза несколько лет в большом почете прожил при русском дворе, сопровождая царя в военных походах, но, когда польско-литовское войско, в котором как раз и находился Фаренсбах, осадило Псков, переметнулся к Стефану Баторию. Судя по тому, что больше о Дивей-

мурзе никаких верных исторических сведений не осталось, можно предположить, что карьеры у польского короля он не сделал.

Датский адмирал русских каперов

Балтийское море в те времена представляло собой арену ожесточенной борьбы нескольких держав, бившихся за установление своего контроля на торговых путях, связывающих балтийские порты. Польские, литовские и шведские корсары перехватывали датские и ганзейские купеческие суда, шедшие в Ругодив (Нарву) и другие порты, принадлежавшие тогда русской короне. Одни только любекские купцы от этих налетов понесли убытка больше чем на 100 тысяч талеров. Но летом 1570 года — аккурат в те дни, когда Клаус Курсель, в чью авантюру ввязался Юрген Фаренсбах, лишился головы, а датский принц Магнус явился в Москву за ливонской короной, — в море на разбойный промысел вышел некий капитан Карстен Роде, объявивший себя «адмиралом каперов московского царя».

У Роде действительно имелось выправленное по всей форме каперское свидетельство, выданное в Александровской слободе; в нем Роде назывался «царским атаманом и военачальником». В свидетельстве говорилось: «...Корабельщику, немчину Карстену Роде со товарищи, преследовать огнем и мечом, в портах и в открытом море, на воде и на суше не только поляков и литовцев, но и всех тех, кто станет приводить к ним, либо выводить от них товары или припасы, или чтобы то ни было». Во все русские порты и крепости на Балтике разосланы были указы воеводам и другим служилым людям, в которых строго-настрога велено было: «Держать того немчина-корабельщика и его товарищей в большом бережении и чести, помогая им чем нужно. А буде, избави Бог, сам Роде или который из его людей попадет в неволю — того немедля выкупить, выменять или иным способом освободить».

Согласно договоренности сам Роде имел право на десять процентов добычи, но обязан был продавать суда и товары в русских портах. Пленных, которых можно было обменять, или за которых можно было получить выкуп, он также дол-

жен был «сдавать в портах дьякам и иным приказным людям». Экипаж капера права участвовать в дележе добычи не имел, но получал жалованье в размере шести талеров в месяц.

Господин Роде был уроженцем Дитмаршена — крестьянской республики, образовавшейся в Голштинии в XII веке и просуществовавшей до 1559 года. Купец и капитан собственного судна, он вел торговлю с Любеком, но потом занялся более выгодным промыслом, сделавшись морским разбойником, что было не редкостью в то время — многие владельцы судов, в зависимости от политической ситуации, по несколько раз меняли род занятий, переходя из купцов в пираты и обратно. До того как поступить на службу к московскому царю, Роде состоял капером датского короля Фредерика II. Как он попал в Москву, ничего не известно, но удивительного в этом нет ничего, если учесть, что связи между датским и русским дворами были давнишними и враг у обоих государств был общий — Швеция.

Свое судно Роде снаряжал во владениях принца Магнуса. После того как Роде предъявил каперское свидетельство, выданное ему в Александровской слободе, куда сам принц собирался ехать с посольством, ему помогали во всем. На русские деньги он приобрел пинку — трехмачтовое грузовое судно водоизмещением 40 тонн — и набрал команду. Пинка была вооружена тремя литыми чугунными пушками, десятью меньшими орудиями — «барсами», восемью пищалями и двумя боевыми кирками для пролома бортов.

Несмотря на то что пинка почти сразу же потекла и приходилось непрерывно вычерпывать из нее воду, вскоре «русские каперы» открыли свой боевой счет: возле острова Борнхольм они взяли на abordаж одномачтовый «буер», шедший с грузом соли и сельдей. Захваченный буер вооружили, и часть команды пинки перешла на него под началом Роде, саму же пинку он поручил команде одного из своих лейтенантов.

Сбыв добычу на Борнхольме, где в гавани суда Роде стояли бок о бок с датскими военными кораблями, «русские каперы» снова вышли в море уже на двух судах. Буер и пинка разошлись в разные стороны в поисках добычи, и, когда через восемь дней они снова встретились в порту Борнхольма, каждый из капитанов привел по захваченному судну. Пинка

захватила один буер с грузом ржи и дубовых досок, а буер под командой Роде конвоировал взятый на abordаж большой корабль водоизмещением в 160 тонн.

Здесь же на Борнхольме Роде купил восемь пушек, которыми вооружил захваченный им корабль, ставший флагманом его флотилии. Кроме того, он принял на службу десятков местных жителей и нескольких датчан. Власти острова, в то время бывшего местом стоянки многих пиратских судов, встречали гостей, подобных Роде, всегда очень радушно, а датский адмирал, командовавший флотилией базировавшейся на Борнхольме, считал «каперов царя Ивана» союзниками и снабжал их лоциями и картами. Тем более что добычу «русский адмирал», вопреки договору, предпочитал отправлять в Копенгаген.

Ближе к середине лета Роде, командуя тремя судами, имевшими в общей сложности 33 пушки, напал на купеческую флотилию из пяти судов, шедшую с грузом ржи из Гданьска. В этот раз легкой победы не было, купцы решили отбиваться. Разгорелось настоящее морское сражение, которое закончилось победой Роде; из пяти «торгашей» удалось спастись только одной пинке, да и то больше благодаря беспечности пиратов. Капитана этого судна взяли на каперский флагман, а на его корабль высадили трех молодцов Роде и решили, что дело сделано. Но во время перехода на шедшей замыкающей пинке вспыхнул бунт: купцы, лоцман и матросы напали на пиратов, перебили их и, пока на флагмане разбирались, что к чему, сумели уйти.

В июле флотилия Роде атаковала еще один купеческий караван, шедший из Гданьска с грузом ржи. В караване было семнадцать кораблей, и ни один из них не ушел. Когда в Гданьске узнали о происшедшем, городской совет решил организовать против Роде специальную экспедицию.

Польские корабли, выйдя из Гданьска, направились к Борнхольму. Когда остров показался на горизонте, навстречу польским кораблям вышел датский флот. Польский и датский адмиралы съехались в лодках для переговоров. Датский адмирал подтвердил, что суда Роде были в порту Борнхольма, но накануне ушли, взяв курс на Копенгаген. Польский адмирал заявил о данном ему приказе преследовать Роде, и датчанин предложил свои услуги в качестве «гаранта безопасно-

сти экспедиции в территориальных водах Дании». Он даже вызвался эскортировать польские суда «во избежание недоумений». Ведь поляки, хотя и не находились в состоянии войны с Данией, были союзниками шведов, а с ними датчане воевали. Всякое могло случиться, поэтому такая мера предосторожности вовсе не показалась полякам излишней.

Гданьские охотники за пиратами двинулись к Копенгагену, и датчане пошли следом. Но когда суда обеих флотилий оказались в непосредственной близости от копенгагенской гавани, датский адмирал внезапно приказал открыть огонь и буквально загнал поляков в порт датской столицы, где их суда, как принадлежащие государству — союзнику шведов, были немедленно арестованы, а команды объявлены пленными.

Несколько дней спустя сидевшие под арестом поляки в бессильной злобе наблюдали за тем, как совершенно открыто в порт вошли два корабля из числа принадлежавших Карстену Роде; они были нагружены товарами, привезенными на продажу. Оказалось, что маневр датчан адмирала был согласован с Роде — пока поляки «шли по его следу», он спокойно отсиживался в гавани Борнхольма, а узнав о крахе экспедиции, охотившейся за ним, прибыл в Копенгаген, чтобы продать добычу и насладиться унижением своих врагов.

К сентябрю 1570 года под командой Роде было уже шесть вооруженных судов с полностью укомплектованными экипажами. Дерзость Роде, стремительный рост его сил уже не на шутку беспокоили шведскую корону. Против «московитских пиратов» повели охоту, пытаясь загнать их в ловушку и уничтожить. Раз шведы настигли флотилию Роде и сумели даже потопить несколько его судов, но «русскому адмиралу» удалось прорваться к Копенгагену и укрыться в его порту, под защитой пушек короля Дании.

Неприятности у Роде начались с совершеннейшего пустяка, с событий, к нему никакого отношения не имевших. Как-то раз к берегу датского острова Горё, возле Готланда, пристал швертбот с десятком шведских пиратов, заплутавших в тумане. Шведы думали, что они высадились на шведской территории, на острове Оленд, и ошибку свою осознали лишь после того, как, предъявив местным властям каперское сви-

детельство, выданное шведской короной, в ответ услышали, что арестованы, так как находятся на датской территории. Посадив экипаж швертбота под замок, комендант острова Горё двух офицеров, командовавших шведами, отправил на Борнхольм, в распоряжение тамошнего наместника.

В это время на Борнхольме стояла пинка «Der Hase» («Заяц»), из флотилии Карстена Роде, капитаном на которой был Клаус Гоце. С этим судном вышло досадное недоразумение: когда корабль Гоце рыскал по морю, на него наткнулся корабль датского военного флота под командой капитана Иоахима Нифунда. Невзирая на «каперское свидетельство», выданное союзником датской короны русским царем, Нифунд высадил на борт «Зайца» часть своей команды, капитана Гоце и его людей запер в трюм и отконвоировал пинку на Борнхольм. Здесь борнхольмский наместник и адмирал датской флотилии «восстановили справедливость». Казалось, инцидент был исчерпан, но обозленный капитан Клаус Гоце, которого продержали в вонючем трюме почти две недели, решил жаловаться на Нифунда и собрался отправиться в Копенгаген. Этой okazji решили воспользоваться, чтобы отправить в столицу пленных.

Гоце распорядился принять на борт шведов, которых доставили закованными в кандалы. Их разместили на верхней палубе, и вскоре пинка вышла в море. Ночью, когда вся команда, кроме вахты, спала, шведы сумели снять цепи и напали на членов экипажа пинки, действуя тем, что подвернулось под руку. Плотничким топором они зарубили штурмана, рулевому проломили череп багром, а третьего вахтенного выбросили за борт, после чего бросились в капитанскую каюту, где спали Гоце и его лейтенант Шуце, ранили и связали обоих, а затем, вооружившись найденным в каюте оружием, загнали команду под палубу и задраили люки. Чтобы Гоце и Шуце не попытались повторить их номер, шведы забили клиньями дверь в каюту и вплотную к ней придвинули две заряженные пушки «барс».

Когда они пристали к берегу Померании, экипаж пинки именем герцога Штеттинского и Померанского был взят под арест. Решено было созвать международную комиссию для решения «вопроса Роде». В Померанию съехались представители Швеции, Франции, Польши, Дании, Саксонии, го-

рода Любека и некоторых других. В это же время начались переговоры между Данией и Швецией, на которых среди прочего был поднят и вопрос о пиратстве. Арест «русских пиратов», пользовавшихся покровительством датской короны и получивших вооружение от брата датского короля, давал лишний козырь в руки шведских дипломатов. Поэтому датчане поспешили заявить, что «московитским каперам» помогали лишь отдельные чиновники — такие, как, например, борнхольмский наместник Киттинг, коим двигали «свокорыстные интересы». Они клялись, что наместник будет наказан за своеволие, а против пиратов будет поведена самая беспощадная борьба.

И они не вралы — Карстен Роде уже находился в датской тюрьме, куда его поместили по приказу датского короля Фредерика. Такая поспешность объяснялась не столько политическими, сколько экономическими соображениями: Роде так развернулся, что начал захватывать корабли в датских водах, в проливах Зунда, чем отпугивал купцов, шедших в Копенгаген, и вредил торговым интересам датской короны. В октябре 1570 года, когда Роде в очередной раз укрылся в копенгагенской гавани от преследовавших его шведов, ему позволили сойти на берег, а потом в одном из кабаков по-тихому арестовали и спешно переправили в глубь страны. Роде поселили в замке Галль в приличном помещении, его хорошо кормили, но при этом исключили общение с внешним миром.

Такое отношение к узнику вполне объяснимо: с одной стороны, целый ряд стран требовал, чтобы с ним поступили, как подобает поступать с пиратом, но, с другой стороны, он был официальный воинский начальник русского царя, буйный нрав которого хорошо знали в Европе. Лавируя меж двух огней, король Фредерик содержал Роде в почетной неволе, но людей, захваченных на судах его флотилии в порту Копенгагена, выдал шведскому королю. В то же время он писал письма Ивану Грозному, в которых объяснял, что арестовал «капера вашего царского величества, поелику тот стал имать корабли в датских водах, в Копенгаген с товарами через Зунды идущие». На это московский царь писал, что он ничего такого своему «немчину-корабельщику» не поручал, а велел ему только нападать на корабли своих врагов: литовского ко-

роля Ягайлы и короля швейцарского. Царь предлагал отправить Роде к нему, чтобы «о всем здесь с него сыскав, о том тебе после отписал бы». Но Фредерик на это не пошел, и переписка продолжилась; а Роде все сидел и сидел.

Наконец летом 1573 года король Фредерик лично посетил замок Галль и распорядился перевести Роде в Копенгаген. В столице условия содержания арестанта были значительно смягчены — он мог жить на частной квартире на собственный счет, находясь под надзором властей и не имея права покинуть город. Более того, Фредерик объявил Роде, что он будет немедленно освобожден, если уплатит «компенсацию короне» — тысячу талеров. Деньги у Роде должны были водиться — по документам значится, что он успел захватить 22 корабля, перевозивших товары на сумму в полмиллиона ефимков, но «русский адмирал» уповал на заступничество царя Ивана и платить отказывался. Известно, что он пробыл в плену еще три года, о чем можно судить по письму к Фредерику от русского царя, присланному в Копенгаген в 1576 году, видимо, после того, как до Москвы дошла просьба Роде о помощи. Но, судя по всему, как в свое время Роде не спешил выполнять «пункты договора» с русским царем, так после его ареста Иван Грозный не очень усердствовал, добиваясь вызволения Роде из плена.

После 1576 года никаких сведений о Карстене Роде не имеется.

Что с ними стало дальше?

О судьбах остальных участников событий, описанных выше, известно несколько больше. Юрген Фаренсбах был в фаворе у польского короля Стефана Батория, который вернул ему все родовые поместья, конфискованные в казну, когда раскрылось участие Фаренсбаха в аванюре Курселя. В походах против московского войска опытный командир ландскнехтов так отличился, что получил в награду замок Каркус с окрестными землями в наследственное владение. Он успел еще повевать со шведами и умер 17 мая 1602 года.

На службе у польского короля оказались также Иоганн Таубе и Элерт Крузе, сбежавшие к Баторию после того, как

провалилась их затея с Ливонским королевством, — королю Магнусу так и не удалось утвердиться на престоле. Следуя их примеру, сам Магнус тоже попытался договориться с королем. Его тайные сношения с Баторием были обнаружены русскими, и в 1577 году войска по приказу Ивана Грозного взяли город Верден, в котором располагалась ставка «ливонского короля». Магнус попал в плен к своему бывшему союзнику и сюзерену, но славившийся мстительностью царь Иван отчего-то именно к датскому принцу проявил снисходительность. Трудно объяснить, что повлияло на решение царя Ивана, но принца, можно считать, лишь слегка пожурили. Правда, его понудили сложить с себя титул короля, что он сделал чрезвычайно легко. С той же легкостью он расставался с деньгами, замками и прочим имуществом. Принц был известный гуляка, имел несколько побочных детей, к которым проявлял несоразмерную щедрость, мало думая о будущем. Политические и военные неудачи, разгульная жизнь и неумеренное чадолюбие совершенно его разорили, и, когда он в 1583 году умер, его вдове и дочери не осталось ничего.

Но нищета, с которой столкнулась Мария Владимировна, выглядела только половиной беды; главной проблемой ее жизни была кровь Старицких, которая текла в ее жилах. Род князей Старицких велся от князя Ивана Калиты — значит, она могла претендовать на трон; из-за этого семья подверглась царской опале и истреблению.

Это обстоятельство превратило Марию Владимировну в фигуру политической игры, вокруг нее дивным кружком заплелись интриги сразу нескольких дворов, полагавших извлечь пользу, проведя на русский престол «свою царицу». Первый ход в этой игре сделал польский король Стефан Баторий, который, узнав о смерти Магнуса, послал его вдове письмо с соболезнованиями, в котором ей советовал довериться своему посланнику Станиславу Костке и ехать с ним в Ригу. На содержание Марии Владимировны и ее дочери польская казна выделила небольшую сумму денег.

Ситуация обострилась, когда в 1584 году умер царь Иван и на трон сел Федор Иванович, от которого вскоре в Ригу пожаловал посланец — английский посол Джером Горсей, который добился разрешения встретиться с Марией Владимировной. Оценив опытным взором положение, в котором

он застал вдовствующую королеву, Горсей сумел добиться ее благосклонности. Поговаривают даже, что между Марией Владимировной, коей в ту пору едва сравнялось 25 лет, и обольстительным мистером Джеромом вспыхнул страстный роман. Еще ей приписывали связь с королем Стефаном Баторием и другими знатными персонами Речи Посполитой. Точно же известно, что Горсей уговаривал ее вернуться в Москву, убеждая, что царь Федор Иванович будет содержать не в скудости, как она живет в Риге, а как подобает персоне ее происхождения и звания. Королева высказывала опасение, не заточат ли ее в монастырь? Но англичанин умел быть убедительным и уговорил-таки Марию Владимировну ехать на родину. Согласно версии Горсея, вдову Магнуса ловко выкрали из замка, провезли через всю Ливонию к побережью, посадили на английский корабль, который доставил ее к устью Невы, потом по рекам и тайным дорогам доставили в Новгород, а оттуда уже в Москву. Впрочем, у этой истории есть варианты, и каждый вправе выбирать более подходящий, но факт остается фактом — тайно покинув Ригу, Мария Владимировна оказалась в родном городе, из которого ее увезли совсем девчонкой, чтобы выдать замуж за ливонского короля. В этом городе грозный царь истребил ее семью, отравив ядом отца, мать, сестер и братьев. Теперь на троне сидел сын этого царя, который сулил ей полнейшее благоденствие.

Поначалу ее и впрямь приняли по-царски, но минуло лишь два года, как ситуация резко поменялась и произошло именно то, чего так боялась Мария: ее саму и дочь поместили в монастырь. Вернувшийся из Англии Горсей, узнав о такой перемене в судьбе той, которой он гарантировал процветание и неприкосновенность, в своих записках отмечал: «Очень угодил этой услугой русским, но сильно раскаиваюсь в содеянном».

В том, что случилось с Марией Владимировной, многие склонны винить царицу Ирину, жену царя Федора Ивановича, доведившуюся еще и сестрой Борису Годунову, фактически правившему страной от имени болезненного и слабавольного царя. Нельзя исключить и того, что Марию Владимировну изначально заманили в Москву, чтобы уечь в монастырь. Как бы то ни было, весной 1588 года она под именем Марфы была пострижена в инокини в Подсосенском

монастыре, расположенном неподалеку от Троице-Сергиевой лавры. В той же обители приняла постриг и ее дочь. Монастырь был невелик — в нем жили всего три десятка сестер.

Живя в монастыре, монахиня Марфа схоронила дочь и стала свидетельницей трагических событий Смутного времени; она находилась в Троице-Сергиевой лавре во время польской осады, продолжавшейся почти полтора года. После ухода от лавры поляков Марфа переехала в Москву и поселилась в Новодевичьем монастыре. Точная дата ее смерти неизвестна. Зато известно место, где она упокоилась, — бренные останки женщины, прожившей такую непростую, наполненную трагедиями и приключениями жизнь, были погребены рядом с могилой ее дочери в Успенском соборе Троице-Сергиевой лавры.

3. Аты-баты, шли солдаты

В январе 1574 года к занятому русскими замку Везенберг подошло большое войско, состоявшее из ливонских немцев и значительного числа наемников из разных концов Европы, среди которых было много шотландцев. Эти силы обложили замок и, подтянув артиллерию, приступили к осаде. После разрушения артиллерийским огнем одной из башен осаждающие пошли на приступ, но были отбиты, потеряв более тысячи человек убитыми. Эта неудача расстроила всю осаду. Житье в зимнем лагере было очень тяжелым, а потому вскоре между разноплеменными его обитателями возникла вражда, вылившаяся в открытое противостояние.

Все стороны конфликта обвиняли друг друга в трусости и нежелании рисковать при штурмах, переключивании тягот на соседей и нечестности при распределении припасов. Потихоньку градус отношений повышался, и 17 марта 1574 года между шотландцами и немцами вспыхнула ожесточенная перестрелка, после которой немцы атаковали шотландцев и в яростной рукопашной схватке многих поубивали. Спасаясь от резни, около сотни шотландских ландскнехтов побежали к стенам замка, прося русских принять их. Осажден-

ные впустили беглецов, добровольно к ним явившихся, но после того, как 25 марта осада была снята и поредевшее войско противника отступило, шотландцев объявили пленниками и отправили в Москву с рапортом, что взяты эти люди были с бою. Этот рапорт и определил отношение к присланным из Везенберга: их вместе с другими пленными поместили в особую московскую тюрьму, находившуюся в Китай-городе, возле Троицких ворот, которыми кончалась шедшая от Кремля Ильинская улица. Тюрьма эта была укреплена как замок, но по обычаю той поры узники должны были кормиться сами, а потому утром сторожа выпускали их партиями собирать подаяние на торжищах, кипевших на площадях и перекрестках Китай-города. Протаскавшись целый день по рынкам, пленники вечером являлись на ночлег в свое узилище, где сторожа их снова сковывали кандалами и запирали в темницах. Бежать им было некуда — все равно настигли бы.

Оказавшись с столь печальных обстоятельствах, выходцы из Туманного Альбиона узрели свой шанс на спасение в обращении за помощью к английскому послу Джерому Горсею, который был у русского царя в большой чести. Они не ошиблись в выборе ходатая по своему делу — Горсей взялся за них хлопотать и со своей задачей управился более чем удачно. Добившись аудиенции у Ивана Грозного, он уверил царя, что воины, прибывшие в Москву из-под Везенберга, добровольно перешли на русскую сторону, и сумел-таки убедить его в том, что их гораздо выгоднее употреблять в боевых делах против крымских татар, нежели поступить с ними как-то иначе. По распоряжению Ивана Васильевича шотландцев отделили от остальных пленных и поселили близ Москвы, на левом берегу Яузы, в месте, называвшемся Болвановка (в районе современной Таганки). Отряд экипировали за счет ливонских трофеев — кроме холодного оружия шотландцы получили мушкеты, аркебузы и пистолы со всем необходимым боевым припасом для них. Их снабдили одеждой, обувью, хорошо кормили, для лошадей отряда отпускали фураж. Командира шотландцы выбрали себе сами, выкликнув имя опытного офицера Джимми Лингета.

Глядя на шотландцев, и другие иноземцы из числа бывших в плену наемников изъявили желание послужить под стяга-

ми московского царя. Им тоже не отказали и, объявив их «помилованными», из каждой народности набрали отдельный отряд, вооружив его и снабдив так же, как шотландцев. В результате было сформировано двенадцать сотен наемного войска, вооруженного по европейскому образцу, и эту силу бросили против крымских татар.

Боевой дебют на русской службе у иноземцев вышел более чем удачным: закаленные в боях солдаты, не дрогнув перед конной лавой, которой славились татары, удерживая ровный строй, встретили массу атакующей конницы плотным огнем, который велся непрерывно, за счет смены шеренг стрелков. До рукопашной схватки дело не дошло — попавшие под ливень свинца татары поворотили коней и, давя друг друга, помчались прочь. Известие об этой победе очень обрадовало царя, и он распорядился наградить всех участников битвы. Им разрешили селиться в Москве, заводить семьи, женясь на женщинах из ливонского полона. Кроме того, по свидетельству того же Горсея, протестантам дозволили открыть свои кирхи и в Москву даже специально выписали несколько пасторов.

Поступившие на русскую службу иноземцы делились на «кормовых», то есть получавших жалованье деньгами, и «поместных» — тех, кого наделяли землей и доходами; но в «поместные» записывали только принятых на службу в кавалерию. Шотландские ландскнехты попали в разряд «кормовых»; выдача денег им производилась на одном из казенных дворов ежедневно. «Поместным» же отводили на Болвановке или в слободе Наливки участки земли размером 40 на 40 саженей; на этой земле они могли строить что придет в голову и содержать любое дело, вплоть до корчмы, что было особенной привилегией, дарованной иноземцам от русского царя. Своим подданным Иван Грозный торг горячительными напитками вести запрещал, да русские и сами не желали этим заниматься, считая подобный промысел «нечистым» и даже позорным для порядочного человека.

Кроме того, особо отличившихся награждали поместьями; в Поместный приказ отсылалась «память» о даровании такому-то стольких-то четвертей земли, но место не указывалось — иноземец сам подбирал имение, которое соглашались продать. Чаще всего со своими именными расставались

вдовы, которые, не имея возможности управляться с хозяйством, требовавшим мужских рук и строго догляда, предпочитали получить наличные, употребляемые «на прожиток». Именно таким образом иноземцы постепенно расселились в разных местах Москвы, ведя на своих дворах торг медом, пивом и вином, получая от этого хорошие доходы.

Как это часто бывает, чужое благополучие больно ранило сердца завистников. Видя, как вольготно и богато зажили недавние пленные, торговавшие да еще и получавшие казенное жалованье, многие москвичи, прозябавшие в нужде после эпидемии чумы, голода и пожаров, роптали и озлоблялись. К тому же еще против «иноземного засилья и иноверческой прелести» ополчилось православное духовенство, считавшее неуместным пребывание в столице и вообще на русской земле «еретических мольбищ, плодящих соблазны своими суевериями».

Но покуда иноземцам покровительствовал царь, причинять им вред никто не решался. Чиновники и судьи охотно принимали от новоявленных москвичей подношения, пировали с ними и, случалось, дружили. Тем более что чиновникам не возбранялось получать подношения. Судебная система Московского царства была устроена необыкновенно удобно для тех, кто имел хорошие средства и могущественных покровителей. Даже при вынесении окончательного решения суда тяжба не считалась оконченной. Если дело было сложно, запутанно и твердых свидетелей или поручителей по нему не было, судьи предлагали тяжущимся разрешить спор в «поле», то есть в судебном поединке, который, впрочем, не был русским изобретением. В Европе судебные поединки были в ходу на несколько сот лет раньше. Победитель в схватке объявлялся правым.

На Руси о «поле» впервые упоминают документы, относящиеся к XIII веку; в XV веке поединок стал частью официального судебного разбирательства, а еще через век, в XVI, был узаконен. Что любопытно, если истец и ответчик, «досудившись до поля», потом мирились, с них взималась «полевая пошлина». Когда сами участники процесса биться не хотели, но и помириться не желали, то вместо себя любой мог выставить бойца-«наймита». Как писал побывавший в XV веке в Москве итальянский путешественник Рафаэль Барберини,

«если один из тяжущихся, или оба они, из трусости, по старости, или иной причине не захотят биться сами, то ставят вместо себя других бойцов, которых всегда находится немало охотников, идти за условленную плату, биться на поле за других». Для уравнивания сил закон предписывал «биться бойцу с бойцом; или не бойцу с не бойцом, а бойцу с не бойцом не биться», то есть схватки между «любителями» и «профессионалами» не допускались.

По свидетельству немца Генриха Штадена, поступившего во времена Ивана Грозного на русскую службу и даже записанного в опричнину, в Москве, среди городской черни находилось немало профессиональных бойцов, нанимавшихся биться в судебных поединков вместо истцов и ответчиков. Но тот же автор подчеркивает, что эти бойцы, как и остальные люди, имели свои слабости и за хорошую мзду могли «обеспечить результат» — тот, кто хотел заведомо выиграть дело, решавшееся «полем», тайно подсылал к наймиту своего соперника посредника, и, если дельце удавалось, подкупленный боец, сражался только для виду и рано или поздно оказывался побежденным.

Но поединки не были единственной формой решения сложных дел, когда трудно было выявить правого и виноватого. «На крайний случай» существовала «жеребьевка» — опять же основанная на вере в волю высших сил, таким образом указывающих на того, за кем правда. Когда в царствование Ивана Грозного началось бурное развитие отношений с Англией и у английских и русских купцов стали возникать взаимные претензии, жребий в суде применялся не так уж и редко. Так, например, был решен спор москвича Ширия Костромитского и англичанина Генриха Лена, торговавшего под эгидой лондонской торговой компании. После долгих споров судья велел приставам написать на бумаге имена тяжущихся и закатать в два восковых шарика, которые бросили в шапку первого попавшегося человека. Затем из толпы был выхвачен человек, которому приказали достать из шапки один шарик. Судья извлек из него бумажку с именем Генриха Лена и сказал, обращаясь к англичанину: «Твое дело правое». Как записал в своем дневнике Лен: «Народ был весьма доволен таким судом».

«Дохтур Елисей»

В ближайшем окружении Ивана Васильевича служил доктор, которого в русских летописях запечатлели как «злого волхва Елисея» и винили чуть ли не во всех бедствиях русских людей.

Происходил «волхв» из Вестфалии и звался на родине Элизеусом Бомелиусом, а в России стал Елисеем Бомелием. В молодые годы он поучился в нескольких немецких университетах. В конце концов судьба привела его в Англию, где Бомелиус прибил к медицинскому факультету Кембриджского университета и после двух лет учения наконец-то получил диплом врача. Столь эффектно завершив образовательный цикл, он занялся своей карьерой, не замыкаясь на одной медицине. Самым выгодным делом мистеру Элизеусу показалась эксплуатация человеческих темных страстей, что давалось ему удивительно легко. Практикуя в Лондоне, Бомелиус называл себя ясновидящим магом, астрологом, алхимиком; он всегда умел создать вокруг себя шумиху, которую теперь называют «пиаром». За ним по улицам ходили толпы народу, внимавшие каждому вздоху своего кумира. Знатные персоны охотно открывали перед ним свои кошельки.

Слухи об удивительном человеке дошли до русского посла Андрея Григорьевича Совина, прибывшего в Лондон с грамотой от царя Ивана к королеве Елизавете для ведения переговоров по торговым делам. Шум вокруг имени Бомелиуса поднялся в очередной раз после того, как, посаженный в тюрьму по подозрению в торговле ядами, мистер Элизеус грозил из-за решетки неисчислимыми бедами, которые небеса обрушат на головы тех, кто допустит расправу над ним. Народ толпился у тюрьмы, надеясь услышать грозные пророчества, якобы сообщаемые Бомелиусу высшими силами.

Совин весьма заинтересовался этим человеком и, послав к нему в тюрьму своих людей, предложил ему ехать в Москву, посулив хорошее жалованье. Бомелиус, не видя для себя иных особых перспектив в Лондоне, дал согласие.хлопоты Совина перед английскими властями принесли свои плоды; летом 1570 года русский посол вывез Элизеуса Бомелиуса из Англии, и в том же году доктор явлен был пред ясны очи царя.

Когда летом 1571 года Девлет-Гирей первый раз приблизился к Москве, царь отсиделся в Вологде. Бомелиус, теперь Бомелий, был при нем. Надо отдать ему должное, «дохтур Елисей», как звали его при русском дворе, ловко сумел найти подход к грозному государю, отличавшемуся крайне переменчивым и вспыльчивым нравом. В немалой степени помогло ему то, что царь очень нуждался именно в таком «медико-магическом специалисте широкого профиля». «Дохтур Елисей» всюду сопровождал Ивана Васильевича, занимаясь не столько медициной, сколько мистическими упражнениями и политическими расследованиями. Царь доверял ему самые тайные дела, допускал к таким интимным секретам, как проверка девиц из лучших боярских родов на предмет их телесного здоровья, когда осенью 1571 года присматривал себе третью по счету супругу.

Выбор Ивана пал на дочь коломенского дворянина Собакина — Марфу Васильевну. Пройдя все положенные туры смотрин, Марфа Собакина была венчана с царем 28 октября 1571 года, но почти сразу после свадьбы заболела и через пятнадцать дней умерла. Производившему врачебный осмотр кандидаток в царские невесты Бомелию пришлось объясняться со своим патроном, отчего же это вдруг умерла Марфа Васильевна, которую недавно он осматривал и признал совершенно здоровой? Но «дохтур» ничуть не затруднился с объяснением, объявив смерть царицы отравлением. Это он утверждал как врач, а как «магик» открыл царю и имена заговорщиков, указав на родню двух первых жен Ивана Васильевича — Анастасии Романовой и кабардинской княжны Марии Темрюковны. Бомелий в своих утверждениях был весьма убедителен, что обернулось казнью двух десятков вельмож, в числе которых был и князь Михаил Темрюкович Черкасский — один из вождей опричнины и близкий царю человек. Было время, когда Иван Васильевич какое-то время даже жил в доме князя, в его усадьбе на берегу Неглинной. Но обвиненный «дохтуром Елисеем» князь не смог оправдаться, и по приказу Ивана Грозного его посадили на кол.

Вскоре после этой расправы Бомелий предложил царю новую технологию избавления от политических противников при помощи тайных убийств, пуская в ход яды, которые он обязывался создавать. И это свое обещание выученик Кем-

бриджа сдержал, дав возможность Ивану Грозному истреблять неугодных людей, не обременяя себя придумыванием каких-либо поводов, инсценировкой судов, кровавыми пытками для вытягивания обвинений. Судя по всему, Бомелий был незаурядный токсиколог: в своем доме он устроил лабораторию, где вырабатывал различные «зелья», которыми успешно изводил родовитых бояр и попавших под подозрение придворных. В своем страшном искусстве он усовершенствовался настолько, что составлял яды, которые убивали с задержкой, в точно назначенную «заказчиком» минуту. Снадобья действовали так, что отравленный мог умереть мгновенно, «остолбенев и разом почернев», а мог и помучиться, пока хитрый яд не истерзает тело.

Царь Иван осыпал своего лейб-медика наградами. Хитроумный «дохтур Елисей», чутко уловив метания царственной души, вел тонкую игру, постепенно прибирая власть при московском дворе к своим рукам. Запугивая предсказаниями, нашептывая, высказывая подозрения, предрекая бунты, Бомелий навел на Ивана Грозного такого страха, что по его наущению тот писал английской королеве Елизавете, что «не чаёт себя безопасно в своей стране», и на всякий случай просил принять его, если придется бежать. Бомелий уговаривал царя ехать свататься к английской королеве Елизавете или одной из ее ближайших родственниц, уверяя, что каждая из них с радостью пойдет за Ивана Васильевича. Советовал, породнившись с английским королевским домом, поселиться в Лондоне насовсем и оттуда управлять своим царством, не опасаясь покушений недругов на свою жизнь.

В таком статусе особо доверенного придворного Бомелий продержался у трона Ивана Грозного целых девять лет. Почему рухнула его карьера, доселе в точности не известно. По одной из версий, он, систематически занимаясь астрологией в одной из башен Кремля, высчитал неугодный царю гороскоп и позже, глядя в хрустальный магический шар, предрек смерть царских сыновей и разорение державы. По другой, заигравшись в сватовство к английской королеве, Бомелий перешел некую грань и, опасаясь разоблачения, прихватив «нажитое», пытался скрыться, но был схвачен во Пскове. Также пишут, что были выявлены его сношения с польским королем Стефаном Баторием. Впрочем, поводов может быть и не-

сколько, а главная причина одна — исполнитель множества грязных делишек слишком много знал такого, чего не должен был знать никто.

В 1579 году «дохтура Елисея» взяли в застенок и подвергли пыткам. На дыбе он назвал своим сообщником новгородского епископа и почти всех своих знакомых, говоря, что они составили заговор, «злоумышляя на государя». Умер этот человек так же затейливо, как и жил: его проткнули огромным железным вертелом и медленно поджарили на углях, но не до смерти, а так, «до полуготовности». Потом его сняли с вертела и, бросив в сани, увезли куда-то в застенок, где, как говорят, Элизеус Бомелиус умирал в страшных мучениях еще два дня.

Жену его — миссис Джек Рикердс — удерживали в Москве несколько лет и отпустили лишь по особому ходатайству королевы Елизаветы. Но произошло это уже после смерти царя Ивана — ходатайство в 1583 году английский посол Боус вручил ему, а разрешение на отъезд 30 мая 1584 года дал вступивший на престол после смерти грозного отца кроткий государь Федор Иоаннович.

Полагают, что после мистера Бомелиуса осталось немало наследство в виде произведенных в его лаборатории снадобий, которые время от времени «выстреливали» в скандальных историях позднейших времен. Одно из самых известных преступлений, совершенных при помощи, возможно, яда произведенного «дохтуром Елисеем», случилось чуть ли не тридцатью годами позже его гибели. Речь идет об отравлении князя Михаила Васильевича Скопина-Шуйского, героя времен Смуты.

К тому времени в Москве обреталось немало всяческих авантюристов; некоторые из них имели медицинские дипломы. В числе прочих прибыл сюда немец Каспар Фидлер, уже увенчанный лаврами медицинской знаменитости. Он сделал карьеру при германском имперском дворе, затем по приглашению французской короны отправился в Париж, где был лейб-медиком королевы, а покинув эту должность, поселился в Риге, служа курляндскому герцогу. Там его и заметил Рейнгольд Бекман, посланец царя Бориса Годунова, отправленный для найма европейских врачей. Прибыв в Москву

в 1601 году, доктор Каспар стал строить свою карьеру не на одной только медицине, но и пустившись в разные интриги; начал он с доноса на шведского принца Густава, которого пригласили в Москву, рассчитывая повенчать с царевной Ириной Борисовной и сделать вассальным ливонским королем, то есть, в сущности, повернуть с ним ту же операцию, что не удалась с принцем Магнусом.

Принц этот был личностью преоригинальной: его отцом был шведский король Эрик XIV, а матерью Карин Монсдоттер — финка, служившая в трактире. Их брак был официальным, и дети Карин, рожденные от короля, были законными наследниками престола. Однако Эрика сверг его родной брат Юхан. Бывших короля и королеву после этого разлучили. Карин с детьми вывезли в Або, а потом сына у нее отняли и отправили в Польшу, где королевой была сестра Юхана, а стало быть, тетушка Густава — Анна Ягеллонка. Густаву было категорически запрещено появляться в Швеции и подвластных шведской короне землях, и потому большую часть своей жизни он провел на чужбине, так что даже забыл родной язык. Зато он выучил многие другие европейские языки и вообще получил прекрасное образование, что, однако, никак не сказалось на его благосостоянии. Не имея денег, он вынужден был скитаться в поисках заработка по разным странам, не чураясь даже должности конюха, коли ничего иного не подворачивалось. В тот момент, когда Густава отыскивали эмиссары царя Бориса, предложившие ему собственное государство, корону, молодую жену и большие деньги, положение принца было весьма печальным. Как же можно было против такого предложения устоять? Он согласился ехать в Москву, стать мужем русской царевны и ливонским королем.

На границе принца встречали как настоящего венценосца, осыпали его дарами, с почестями привезли в Москву, где ему подарили богатую усадьбу, дали Калугу и еще три города «для кормления доходами», определили придворный штат, наделили многочисленными слугами. Принц-изгнанник был принят царем в кремлевских палатах, его потчевали за царским столом. Невесты, правда, Густав не видел, но ему пришлись по душе планы русской политики. Молодой человек всем понравился. Но тут неожиданно выяснилось, что Густав не собирается отказываться от прежних личных при-

вязанностей. Считая брак с Ириной Годуновой делом политическим, он выписал из Данцига свою давнюю даму сердца, некую Екатерину, жену содержателя гостиницы Христофора Катера. Та прибыла вместе с благоверным и четырьмя детьми, причем было неясно, кто их отец — законный муж или Густав. Это была воистину «шведская семейка»! Мужчины отлично ладили между собой и, бывало, раскатывали по Москве в карете, запряженной четверкой белых лошадей. Конечно, и в русской столице обитали отнюдь не праведники, но все же такого не допускали — свои грехи принято было на люди не выставлять.

Шокирующее поведение принца усугубилось его категорическим нежеланием принимать православие, а потому его женитьба на царевне была снята с повестки дня, но и отпустить Густава из Москвы не хотели. Свое неудовольствие принц топил в вине и во время одной из попок брякнул, что, если его не отпустят добром, он подпалит Москву и под шумок пожара сбежит.

Среди его собутыльников случился доктор Каспар Фидлер, который не преминул донести об этих словах боярину Семену Годунову, а тот передал их царю. В результате принца Густава лишили доходов от городов и сослали в Углич, под присмотр надежных людей. Впрочем, бывшему скитальцу было грех жаловаться — его содержали весьма щедро, не донимали проверками и вполне были довольны тем, что принц полностью отдался химическим экспериментам. Вообще в Москве бедолагу принца считали «заучившимся» и, памятуя о том, что папаша его, экс-король Эрик, в конечном итоге спятил в заключении, полагали его поведение следствием расстройства, предаваемого по наследству.

Доносчик же герр Каспар Фидлер, подтвердив своим поступком преданность русской короне, получил полное доверие, что приносило ему многие дивиденды. При этом ему хватило ловкости избежать неприятностей в 1605 году при переходе власти к Лжедмитрию, когда большинство немецких лекарей, живших в Москве, ждала печальная судьба — с ними расправилась городская чернь, науськанная опытным интриганом боярином Богданом Яковлевичем Бельским.

Это был акт мести боярина, полагавшего, что опала царя Бориса постигла его по наущению иноземцев-врачей, ча-

сто выступавших в роли политических советников Годунова. Бельский тринадцать лет был первым советником царя Ивана Грозного, отвечал за воспитание царевича Дмитрия, жил рядом с Иваном Васильевичем и даже непосредственно присутствовал при его кончине. На грамоте Боярской думы об избрании царем Бориса Годунова стояла подпись и Богдана Яковлевича — они были давними политическими партнерами. Беда настигла боярина в тот момент, когда он исполнял важную миссию — укреплял южные границы, строя в степи на берегу Донца крепость и городок Царьборисов подле нее. Со своей задачей прекрасный организатор Бельский вполне управился и обрел невероятную популярность среди подчиненных ему людей. От этих успехов у него натурально случилось головокружение, и, утратив вдали от Москвы всякую осторожность, ослепленный собственной гордыней, Богдан Яковлевич позволил себе глупость брякнуть на пиру: «В Москве царь Борис, а в Борисове царь я!»

Эти слова дошли до царя, и тот пришел в неопишувемый гнев. Сначала Борис Федорович хотел даже казнить Богдана Яковлевича, но потом, припомнив свое обещание, данное при венчании на царство, не казнить никого пять лет, сменил гнев на милость и приказал только отобрать у Богдана Бельского все имена и отправить в ссылку. Да кроме того, не удержавшись от злой шутки, приказал начальнику своих телохранителей шотландцу Габриелю вырвать Бельскому бороду. Этот самый Габриель начинал в Москве в качестве хирурга и до поры, пока не прибыли другие врачи, исполнял обязанности лейб-медика, но потом отбросил ланцеты и скальпели за ненадобностью. Болезненную и позорную экзекуцию капитан Габриель исполнил с удовольствием, клоками повыдергав густую и длинную боярскую бороду, которой Богдан Яковлевич очень гордился. Так и поехал опальный боярин отбывать ссылку «с босым рылом».

Но вскоре царь Борис умер, и ему наследовал сын Федор Борисович, юноша шестнадцати лет, которому Богдан Бельский приходился двоюродным дядюшкой. Мать Федора, царица Мария Григорьевна, дочь Григория Лукьяновича Скуратова-Бельского, более известного по кличке Малюта, доводилась Богдану Яковлевичу двоюродной сестрой. Молодой человек получил в свои руки огромную страну в тот мо-

мент, когда на нее с запада надвигалась война, главной пружиной которой была претензия самозванца Лжедмитрия на московский трон. В этой ситуации молодой царь собирал вокруг себя всех близких людей, и потому он немедленно распорядился о снятии опалы с Бельского и возвращении ему имущества, имени и чести.

Правление царя Федора Борисовича было недолгим — всего 49 дней, — но вместило в себя многое, в том числе и измену, приведшую к свержению этого государя. Среди других предавших был и боярин Богдан Бельский, который сыграл важную роль в деле ареста своего освободителя, а кроме того, он способствовал укреплению позиций Самозванца, объявив, что как воспитатель царевича точно знает, что тот спасся от рук убийцы. К этому времени ситуация для местности вполне созрела; правда, главный обидчик боярина капитан Габриель был уже мертв, но Богдан Яковлевич все равно вдоволь себя потешил, направив на головы иноземных врачей гнев толпы, сторицей вернув тем, кого считал врагами, цену своего позора и муки. Бурной осенней ночью 1605 года московская чернь, праздная свержение Годуновых и предвкушая появление в Москве настоящего царя, вознамерилась добыть вина из кремлевских подвалов. Бельский вышел к возбужденному народу с речью, в которой укорял людей за горячность, говоря, что не хорошо будет, если батюшка-царь пожалует в свою столицу и найдет погреба своего дома ограбленными. И тут же указал достойную цель, уверив людей, что иноземные доктора за свои услуги были осыпаны милостями и погреба их домов битком набиты лучшим вином. Толпа поддавалась его уговорам и бросилась в Немецкую слободу, где с 1578 года еще царем Иваном Грозным иноземцам велено было селиться иноземцам.

Пережив этот неприятный момент, доктор Каспар Фидлер умудрился уцелеть и позже, при бунте против Самозванца, а затем и при царе Василии Шуйском оказался в прежнем статусе. Потом что-то случилось — точно сказать трудно, что именно, — но солидный придворный доктор, которому было уже более пятидесяти лет, вдруг вызвался известить самого опасного на тот момент врага — главу крестьянской армии Болотникова, борьба с которым носила острый характер с неясным на тот момент исходом. Вряд ли причиной были

деньги, хотя известно, что доктор Каспар получил от казны сотню золотых флоринов и яд, который мог быть, кстати, из старых запасов «дохтура Елисея», оказавшихся в руках Шуйских. Взявшись за столь опасное дельце, Фидлер дал «страшную и богопротивную» клятву верности, однако же, явившись в Калугу, где стояло войско Болотникова, он «принес повинную голову» атаману. Оставленный в лагере мятежников, Фидлер вместе с войском Болотникова мотался около полугода, пока их не настигли в Туле и не обложили в местном кремле. Когда в октябре 1607 года Болотников сдался, Каспар Фидлер вместе с другими «московскими немцами», ушедшими к мятежникам, был осужден и отправлен в сибирскую ссылку.

Принятые на московскую службу пленники Ливонской войны процветали несколько лет кряду, но потом, по всем законам природы российской политики, времена милостей сменила государева «остуда», вызванная неудачами русских ратей, которые терпели одно поражение за другим от энергичного польского короля Стефана Батория. Благодеяние многочисленной колонии иноземцев, прижившихся в столице, ее связи со служилым людом и военными стали казаться опасными и самому Ивану Грозному, а потому, с его негласного дозволения, недовольству москвичей дали выход. При полном попустительстве властей в 1578 году по Москве прокатилась волна погромов, во время которых многие из иноземцев были убиты, а их дворы, лавки и дома разгромлены и разграблены.

Тех, кто уцелел после погромов, велено было выселить за пределы городской черты, в поля между рекой Яуза и ручьем Кукуй. В качестве особой милости за иностранцами, поселившимися в этой слободке, оставили привилегию торговли горячительными напитками, а кроме того, они стали строить мельницы и продолжили заниматься ремеслами, а потому вскоре снова зажили богато. Их поселение назвали Немецкой слободой, которая просуществовала до Смутного времени. Сначала на благополучие немцев позарилось войско Лжедмитрия I, а окончательно ее уничтожили поляки, весной 1611 года спалившие большую часть Москвы и пригородные слободы. В этот раз разорение было таким полным

и окончательным, что уцелевшие в этой передрыге московские иноземцы сочли невозможным возрождение слободы. Это не было преувеличением — первую Немецкую слободу под Москвой разграбили и выжгли так, что по сию пору материальных следов ее существования не обнаружено.

Большинство тех «немцев», что остались живы после разорения слободы, подались в Архангельск, рассчитывая там получить места на купеческих кораблях, каждое лето приходивших для ведения торга, и выбраться из России. После столь массового исхода «немцев» из Москвы в городе остались очень немногие иноземцы, и избранный на царство в 1613 году первый царь из дома Романовых Михаил Федорович милостиво дозволил им селиться в самой Москве. Пользуясь этой милостью, иноземцы поселились на Покровке, и вскоре на этой улице уже было более полусотни принадлежавших им дворов. Первый царь новой династии отчаянно нуждался в профессионалах-специалистах разных областей, взяться которым в России было просто неоткуда. Дефицит активно восполняли, приглашая на службу иноземцев, которые, приезжая в Москву, селились поближе «к своим» — на Покровке или на Бронной, где возле своих мастерских и кузниц жили иностранцы-оружейники, латники, серебряных и золотых дел мастера и вообще все, кто был связан с работами по металлу. Держаться вместе иностранцев понуждали не только взаимные симпатии и общие дела, но и атмосфера неприязни, которой они были окружены в Москве. Интервенция и оккупация не прошли даром для русских; теперь они смотрели на иноземцев, подозревая в каждом «виновника русских бед», а чужие обычаи, религия, костюмы, непонятная речь только подливали масла в огонь. В городе весьма нередки были столкновения между русскими и нерусскими москвичами. Поодиночке заходить русскому на Покровку или Бронную, а иноземцу в другие части города было небезопасно — общались только по делу, на нейтральной территории рынков, а если нужда заставляла показаться «в чужом районе», то шли большой компанией, чтобы «в случае чего» можно было отбиться. Впрочем, это было нормой, характерной не только для Москвы, но и для любой европейской столицы, где имелись гетто, населенные иностранцами.

Ротная служба

Установившееся в начале XVII века правление династии Романовых на первых порах являло собой типичный тандем, в котором главная роль принадлежала не царю Михаилу Федоровичу, а его наставнику и родному отцу Филарету, волей политических обстоятельств ставшему третьим патриархом Русской православной церкви. Тогда же была начата большая военно-политическая игра — учтя уроки Смутного времени, дабы обезопасить страну от новых попыток польской экспансии на спорных территориях в Прибалтике, Малороссии и Белоруссии, московские правители пошли на союз с европейскими протестантами. Для ослабления грозного врага, войско которого выучкой и оснащением превосходило московское, были заключены союзы со Швецией и Голландией — странами, объявившими себя оплотами протестантизма и вступившими в открытую военную борьбу с католическими странами, в том числе и с Польшей.

На первых порах роль русских союзников сводилась к поставкам в Швецию и Голландию очень дешевого хлеба, что давало возможность употреблять больше средств этих стран непосредственно на ведение войны. Но вместе с тем в Москве задумали создать по-настоящему боеспособное профессиональное войско, способное противостоять польскому. Решено было, не распуская стрелецкого войска, формировать новые части, беря за образцы пехоту и кавалерию европейских стран.

Основной воинской единицей у иноземцев стали роты, каждая из которых имела собственное знамя. Таких рот к 1626 году насчитывалось шесть, и называли их по именам ротных командиров:

1. Рота Матвея Халаима (Метью Хейлама?) состояла из поляков и литовцев «старого выезда», то есть тех, кто поступил на службу прежде Смутного времени; все они были «поместные», то есть были наделены в Москве землей. Весной 1626 года эту роту возглавил ротмистр Михаил Желиборский.

2. Рота Петра Гамлотова (Питера Хэмлота?) состояла из «поместных» немцев «старого выезда».

3. Рота Григория Врословского состояла из литовцев, немцев, румын, греков, сербов и персов, писавшихся «кормовыми воинскими людьми».

4. Рота Николая Любомирского, которой в 1626 году уже командовал Яков Рогановский, состояла из «поместных» поляков и литовцев «старого выезда».

5. Рота Дениса Фон Висина состояла из «поместных» немцев «старого выезда».

6. Рота Якова Шава состояла из «бельских немцев», как называли ирландцев и шотландцев, бывших в гарнизоне Бельской крепости, в 1613 году взятой русскими войсками. После капитуляции крепости шотландцы и ирландцы перешли на русскую службу. Сначала из них составили две роты, но тринадцать лет спустя остатки прежних рот свели в одну. Они продолжали считаться «бельскими немцами», но в значительной степени уже были разбавлены новичками. Ветераны роты были «поместными», а прибывавшие на пополнение становились «кормовыми».

В 1627 году в списках появилась новая рота, которой командовал Прокофий Кремской, составленная из «кормовых» греков и поляков «нового выезда», то есть прибывших в Москву уже при Романовых, а роту умершего Шава принял под команду Томас Херн. В 1629 году из греков и немцев сформировали еще одну роту, во главе которой поставили шотландского офицера Йена Вуда из числа «бельских немцев».

Эти части использовались только для охраны южных границ — по чисто прагматическим соображениям европейцев на западных и северных направлениях не использовали.

Штаб-квартира Большого полка — основных сил Украинного войска, как назывались части, поставленные на оборону южных границ, находилась в Туле. Поэтому именно сюда прибывали роты, которые служили по принципу ротации. Пограничная служба длилась обычно с мая по август, и та рота, которая провела этот срок «на государевой службе», на другой год в Тулу уже не вызывалась.

В начале весны из Разрядного приказа — московского учреждения, ведавшего распределением казенной службы, — в Иноземный приказ отправлялся особый документ — «память», — являвшийся, по сути, приказанием отправить в Тулу к Большому полку новые роты. После этого из Ино-

земного приказа в города и уезды, где жили приписанные к ротам иностранцы, воеводам отсылали грамоты, в которых требовали известить служилых людей, чтобы они были готовы прибыть на сборный пункт в Москве; здесь же в Москве им выдавали «кормовые деньги» за май и июнь. Жалованье за июль и август должны были слать в Тулу, но обычно с этим выходила морока, и чтобы добыть деньги, в Москву отправляли выборных от рот.

Те воины, которые оставались дома, тоже были не совсем свободны в своих поступках. Они обязаны были все время быть готовыми к выступлению: хорошо кормить и содержать коней, иметь запас продуктов и фуража, поддерживать в порядке снаряжение и, уж конечно, содержать в полной боевой готовности оружие. Приписанный к воинской службе человек не мог надолго отлучаться из дому или выезжать из поместья, не известив командиров, где его нужно искать. Впрочем, вне очереди роту могли потребовать в Тулу только в случае реальной угрозы войны.

Эти правила, разумеется, распространялись не только на иноземцев, но и на всех служилых дворян.

С 1630 года роты иноземцев решено было вывести из Украинного разряда и в Тулу на службу больше не посылать. Вместо этого их стали готовить к походу на поляков с целью отвоевания Смоленска. Всех приписанных к ротам иностранных воинов собрали в Москве. Тогда же было объявлено, что им предстоит «быти в ратном учении у полковников», которых пригласили в Москву из разных мест.

Прежние роты иноземцев в значительной степени перетасовали, с тем чтобы в каждой из них было примерно по сто человек; в эти сотни подбирали по возможности воинов одной национальности. «Меньшинства» распределяли так, чтобы языком и обычаями они не очень отличались от основной народности сведенной роты. В результате перетасовок число рот увеличилось до одиннадцати. В некоторых ротах поменялись ротмистры — их выбирал личный состав.

Командиром иноземного воинства на службе у русского царя назначили приехавшего в 1631 году полковника Александр Лесли — шотландского дворянина, отец которого сражался под знаменам шведского короля Густава-Адольфа II

и достиг звания фельдмаршала. По царскому повелению в 1632 году полковники Александр Лесли и Пецнер, а по смерти последнего Генрих Ван Дам сформировали четыре пехотных полка и один кавалерийский, рядовой состав в которых назывался «солдатами».

Главной задачей Лесли и его помощников было создание кавалерии, способной достойно оппонировать польским гусарам — главной ударной силе предполагаемого противника. За образец выбрали незадолго перед тем появившихся на полях сражений рейтар — особый род конного войска, происходивший от наемных кавалерийских отрядов, отменно проявивших себя в ходе Тридцатилетней войны. В отличие от всех прежних родов кавалерии, основу вооружения рейтар составляло огнестрельное оружие — помимо аркебузы или мушкета у каждого были пистолеты в седельных кобурах. Если же дело доходило до рукопашной схватки, то рейтары пускали в ход меч — оружие, сочетавшее лучшие качества сабли и шпаги: длинный, прямой, узкий, обоюдоострый клинок, которым можно было и рубить, и колоть. Первым московским рейтарским полком командовал француз шевалье Шарль де Эберт. Набирали в рейтары только молодых людей из лучших московских фамилий.

Для того чтобы вооружить русских рейтар, Лесли и Ван Дам совершили вояж в Европу, где на казенные деньги были произведены закупки вооружения, главным образом лучшие образцы пистолей и мушкетов. Кроме прямых закупок были сделаны большие заказы разным европейским фирмам. Для налаживания производства собственного оружия голландскому предпринимателю Виниусу, который вел торг хлебом в Московии, было разрешено основать близ Тулы железодельные заводы. Также предполагалось, используя связи Лесли среди шведских военных, нанять побольше солдат-наемников. Но сделать это не удалось, так как еще продолжалась Тридцатилетняя война и каждый шведский солдат был на счету у себя дома. Из-за трудности найма солдат Лесли и Ван Дам смогли только на треть укомплектовать полки «иноземного строя» профессионалами-наемниками, которым была отведена роль инструкторов. Две трети состава полков были набраны из русских добровольцев, получавших за службу деньги. К 1633 году в новом войске уже было

9500 человек. В его рядах оказались и предки классиков русской литературы Георг Лермонт и Денис Фон Висин (тезка своего отца — ротного командира в Большом полку) — оба служили в рейтарском полку де Эберта, состоя в чине ротмистров.

Дед Дениса Фон Висина-второго — барон ордена меченосцев Берндт фон Висин (в Московии ставший Петром Владимировичем) был взят в плен во время Ливонской войны. Позже, как и многие другие пленные, он поступил на службу русской короне, премного отличился и был награжден поместьями. Шотландец Джордж (Георг) Лермонт происходил из «бельских немцев»; в 1618 году, состоя в чине прапорщика, он сражался с войсками королевича Владислава и гетмана Ходкевича под Можайском и в Москве, у Арбатских ворот. За отличия в 1621 году его пожаловали поместьями в Галиче, и он продолжил служить, состоя в ротах, подчиненных Украинному разряду. В 1632 году ему поручили обучать «хитростям ратным в конном строю» детей боярских, а также немцев и татар.

Несмотря на, казалось бы, тщательную и продуманную подготовку, дебют нового войска получился неудачным, как и вся военная кампания, во время которой он состоялся. Полки Лесли и де Эберта в составе войска воеводы боярина Шеина отправились воевать с поляками под Смоленск, но не оказали того решающего влияния на ход боевых действий, которого от них ожидали. В конце 1633 года рейтарский ротмистр Георг Лермонт вместе со многими своими товарищами сложил голову где-то под Смоленском. После этого войско «иноземного строя», признав его «не оправдавшим доверия», расформировали. Рейтарский полковник де Эберт в скором времени покинул Московию, а вот пехотные полковники Александр Лесли и прочие остались на русской службе; они очень пригодились десяток лет спустя, когда была предпринята новая попытка создания русских воинских частей европейского образца.

4. Вторая слобода

В 1642 году в Москве решили, выбрав из московских стрельцов лучших, свести их в два новых солдатских полка, по способу формирования названных «выборными». В каждом полку было четыре десятка офицеров-иноземцев и больше тысячи солдат. Для постоя новому войску отвели Бутырскую слободу, даровав личному составу значительные льготы: кроме шедшего им казенного денежного жалованья и провианта солдатам разрешалось заниматься огородничеством, разными промыслами, открывать лавки и любые другие торговые заведения, не платя никаких пошлин. За это служивые обязаны были в мирное время учиться «иноземному строю», стрельбе из мушкетов, нести службу в городских караулах наравне со стрельцами, а во время войны беспрекословно идти, куда направят воеводы, исполняя роль ударной силы на поле боя.

Конечно, этих двух полков было явно недостаточно, и их создание можно назвать еще одним экспериментом, но нельзя не признать, что теперь для этого имелась значительная материальная база. За десять лет, прошедших с той поры, когда голландскому купцу Виниусу были даны привилегии на основание железоделательных заводов, он в значительной

степени расширил дело и вместе с другим голландским предпринимателем, Исааком Аменом, и его зятем, гамбургским купцом Петром Марселисом основал промышленную компанию. Эта компания получила привилегию на строительство железоделательных заводов и вдобавок к тульским основала новые — на Шексне, под Костромой, в Олонце. Для работы на этих заводах было приглашено более 600 мастеров из Голландии и Германии: литейщиков, кузнецов, шпажников, оружейников, слесарей и строителей плотин, необходимых для устройства водяных двигателей, которые обеспечивали работу заводских механических молотов и иных устройств.

По-настоящему формировать новую армию стали при Алексее Михайловиче, занявшем трон в 1645 году. Новому государю было только шестнадцать лет, но у него имелись очень дельные советники, которые, ни секунды не сомневаясь, продолжили политику прежнего правления — тем более что эксперимент с «выборными» полками, похоже, был признан удачным.

Царский тесть, боярин Илья Данилович Милославский, побывавший с посольством в Голландии, пригласил на русскую службу полковника Исаака ван Бокховена с сыновьями Корнелиусом и Филиппом. Вместе с ними в 1647 году приехали десятка два опытных голландских и немецких офицеров, которые совместно с «московскими старожилками» — полковником Александром Лесли, Александром Кроуфордом и Иоганном Бутлером — собрали еще два элитных полка. Руководившие новым войском Бокховены превратили новые части в подобие военного училища; поэтому через рядовой состав этих полков прошло немало отпрысков благородных фамилий. Офицеры-иностранцы обучали русских солдат сражаться в конном и пешем строю, действовать пикой, атаковать сомкнутым строем, стрелять залпами, чем достигалась большая плотность огня. Скорострельность зависела от слаженности действий при движении в плотном строю. Поэтому строевая муштра сделалась важнейшим элементом боевой подготовки. Офицеры с палками в руках нещадно гоняли солдат на плацу, уча их безукоризненно точно и быстро двигаться, делать повороты, смыкать и размыкать строй, рассыпаться в цепь, перестраиваться по сигналам. Необычайное

значение приобрели военные музыканты: их игра не только поднимала дух воинов и давала ритм движениям, они еще и выступали в качестве сигнальщиков, когда в грохоте боя голос командира уже трудно было разобрать.

Все это было ново и непривычно для русских, но инструкторы-иностранцы, не без помощи суровых наказаний, так преуспели в боевой подготовке своих подчиненных, что многие из рядовых, прошедших эту школу, спустя пару лет уже сами могли командовать частями «иноземного строя». По крайней мере, именно так утверждал шведский резидент Родес, писавший из Москвы своему королю: «Бокховен уже 2—3 года обучает здесь упражнениями конного строя два русских полка, которые большей частью состоят из благородных людей. Думаю, что он теперь так сильно обучил, что среди них мало найдется таких, которые не были бы в состоянии заменить полковника». Если в послании шведского дипломата и имелось некоторое преувеличение, то весьма незначительное — из полков, которыми командовали Бокховены, действительно вышло немало дельных русских офицеров.

Личный состав частей «иноземного строя» подчинялся Иноземному и Пушкарскому приказам, а их командиры-иностранцы из тех, кто не перешел в русское подданство, еще и Посольскому приказу. Людское пополнение солдатских полков было возложено на крестьянские и посадские общины, которые обязаны были «выставлять даточных людей». От общин уходившим в солдаты «даточным» полагалось «кормовое и денежное жалование», а беглых «тягловых», которые сами являлись в Иноземный приказ или приказные избы по городам, изъявляя желание служить в солдатах, их помещикам и общинам не выдавали.

Цеевский полк в Коломне

Для русского общества того времени солдатские полки оставались чем-то инородным, отдельным, живущим по законам, отличавшимся от тех, по которым жили коренные русские люди и остальные войска. Отношения между военными и окружающим их населением складывались совсем непросто; иллюстрацией этому служит история о том, как в Ко-

ломне квартировал солдатский полк, которым командовал немецкий офицер, на русский лад писавшийся Андреем Романовичем Цеем.

Коломна стояла у слиянии Москвы-реки и Оки, коломенский гарнизон отвечал за охрану окских бродов, прорыв через которые открывал пришельцам из степей дорогу на Москву. Для усиления этого гарнизона в 1653 году прибыл полк, состоявший из иноземных солдат, в большинстве своем немцев, которым командовал майор Андрей Романович Цей. Усиление потребовалось в связи с тем, что царь Алексей Михайлович одновременно воевал в Прибалтике и вел большую политическую игру, присоединяя к своим владениям огромную территорию Малороссии. Конечно, у таких царских планов имелись сильные противники, и потому очень скоро на Украине началась война. Опасаясь нападения татар, науськанных поляками или турками, русские воеводы укрепляли оборону на подступах к Москве.

Традиции, заведенные в европейских наемных войсках ландскнехтами, сохранялись и в русских солдатских полках. Поэтому в Европе солдат считался родом узаконенного разбойника, в наемники шли самые лихие парни. Вербовщики получали деньги за каждого новобранца и порой приводили под знамена своих полков молодцов, которые могли украсить собой любую шайку негодяев. Иноземные солдаты, которые решили служить московскому царю, в этом смысле ничем не отличались от своих собратьев в европейских армиях. Поэтому когда их полк пожаловал для несения службы в богатый купеческий город Коломну, там началась довольно веселая жизнь. Ко всему прочему довольно быстро они устроили себе источник доходов, организовав незаконную торговлю «хлебным вином».

В это время в Русском государстве горячительные напитки разрешалось продавать только «в кабацких избах на кружечном дворе», а виноторговлей в каждом городе распоряжался «голова кружечного двора». В Коломне, когда в нее вошел полк Цея, эту должность исполнял Микифор Прохоров, торговавший «со товарищи». Согласно присяге, закрепленной целованием креста, они могли торговать водкой в оговоренные в царском указе часы и дни; при этом в посты и по воскресеньям продавать водку запрещалось. Ушлые солда-

тики живо смекнули, что к чему, и стали накануне воскресных и иных дней, когда «кружечный двор» не торговал, закупать большие партии «хлебного вина». На следующий день они приходили с флягами к закрытым воротам питейного места и продавали вино, разливая по чаркам, да еще и взвинчивали цену. Позже, освоившись, они стали ходить со своими флягами сначала по торгу, а потом и по дворам. За этим занятием их неоднократно ловили люди Прохорова и приводили к майору, но тот своих солдат не наказывал.

Постепенно у солдат образовалась своя клиентура, а во дворах, где немцы стояли постоем, они наладили производство браги. Кроме того, в избах кружечного двора те же солдаты затевали игру «в зернь» (кости), что было строжайше запрещено. Микифор Прохоров, как человек ответственный за порядок в кружале, обратился к майору с просьбой пресечь незаконную игру и торговлю его людей. Но Цей проигнорировал его заявление. Тогда Микифор и его подчиненные «учали сбивать их с государева кружечного двора». Кроме того, кружечный голова, по должности своей имевший право проводить обыски для обнаружения «незаконного вина» и производить «выемки» такого товара, провел несколько реквизиций на дворах, где стояли немецкие солдаты, чем вызвал среди них огромное недовольство. Солдаты такого обращения с собой терпеть не желали; 6 декабря 1653 года, в очередной раз повздорив со служителями кружечного двора, они учинили в кабацких избах погром. Переломав столы, прилавки, посуду, разлив напитки и вытащив на улицу целовальников, они стали их избивать дубьем, а кроме того, пытались завладеть кабацкой казной. Микифор и его люди побитых с Кружечного двора понесли прямо на двор к воеводе, но воевода их слушать не стал, сказав, что наемниками не командует, и направил их к майору Цею. На этом круг замкнулся.

А на следующий день Цей выставил перед кружечным двором круглосуточные посты. Солдаты не пропускали тех, кто шел в кабак, чтобы купить вина, но при этом продавали вино тут же, на посту, сами. Майор же во главе отряда человек в пятьдесят, с барабанным боем, при мушкетах и пиках, с развернутыми знаменами, хотя бы раз в день появлялся у кружечного двора — «не весть для какой надобности, пугая питухов», как писал в своем донесении Прохоров. При виде

марширующих солдат жители Коломны бежали от кружечного двора прочь. Тех же, кто все-таки каким-то образом покупал вино у Прохорова, солдаты отлавливали, вино отнимали и выливали, а самих «питухов» били почем зря.

За Микифором Прохоровым и его людьми шла настоящая охота. Они теперь ходили только большой компанией, чтобы в случае чего отбиться. Когда шли по утрам отпирать кружечный двор или возвращались вечером по домам, вслед им сыпались солдатские угрозы. От всего этого торговля вином пришла в большой упадок, и, понимая, что с него спросится, Микифор написал челобитную царю Алексею Михайловичу, в которой изложил все вышеописанное. Челобитная дошла «куда следовало», и царь распорядился разобраться в этом деле своему боярину Илье Даниловичу Милославскому, который ведал дела Иноземного приказа. Но видимо, майор Андрей Цей был лихой и заслуженный вояка, поскольку после челобитной, столь подробно описывающей все его беззакония, была ему прислана из Иноземного приказа только бумага увещательного характера. В ней майор назывался «ведомым винопродавцем» и указывалось, что это «не гораздо», а кроме того, содержался призыв: «Как к тебе сия память придет, ты впредь так не делай, смотри и товарищам своим, начальным людям, заказ учини накрепко, чтобы они по тому же смотрели и того береглись. Чтобы солдаты, будучи на Коломне, жили смирно и бережно, воровства от них коломенским посадским и всякого чинов людям не было, и сами б они меж собой не дрались, и жили мирно».

На Цей увещевания, однако, не подействовали. Через год, в январе 1654 года, пришла в Москву новая жалоба, но уже не от торговцев. «Били челом Государю» архимандрит коломенского Спасского монастыря Иона с братией, соборный протопоп Василий Ефремов с братиею же, поповский староста Леонтий Матвеев, а с ними и все попы и диаконы городские и загородские, коломенские стрельцы и пушкари, городовые воротники, староста посадских людей Пимен Комуралов и все посадские люди. Жаловались они всем этим собранием «на майора Андрея Романова сына Цейя со товарищи, солдатского строю начальных людей», и их подчиненных, которые, оставив виноторговлю, принялись теперь ходить на торги, отнимать у купцов товары и открыто грабить на улицах. По

ночам наемники являлись к должностным лицам, которые отвечали за сбор казенных пошлин и иных денежных сборов, целовальникам и просто зажиточным людям. Их отводили на двор к майору, запирали в подклет, там били и мучили, требовали с них денег. Дело дошло до того, что по воскресеньям и праздникам люди стали бояться ходить в храмы, поскольку их могли подкараулить по дороге солдаты, фактически овладевшие городом. Наемники перегородили все улицы, и, проходя через эти посты, никто не был уверен, что его не уволочут в палаческий подклет и не изуродуют. Кроме того, не без основания опасаясь возможного нападения горожан, солдаты ночи напролет жгли костры, освещая улицы, и пожгли все запасы дров, так что цены на них выросли невероятно и дрова той зимой в Коломне стали стоить дороже хлеба. Многие не могли себе позволить топить печь и отчаянно мерзли в лютую стужу в нетопленых избах.

В этот раз царь, видя подписи лично ему известных духовных особ, отдал прямое распоряжение голове московских стрельцов Осипу Васильевичу Костяеву: отправиться в Коломну со следствием, называвшимся тогда «повальным обыском», и опросить всех подписавшихся поименно. Было приказано также расспрашивать всех посадских людей, потерпевших от солдат обиды и поношения, выяснить, какие кому чинились обиды; какие товары были пограблены; кого водили в подклет и там мучили; кого ограбили и убили на улицах и про прочие бесчинства. Велено было все это описать и за подписями духовных особ и «людей обысканных», а также его, Костяева, подписью и печатью в Москву к государю доставить, а копию обыскных листов передать в Иноземный приказ, боярину Илье Даниловичу Милославскому и его дьякам.

Как разрешилось дело, что случилось с виновниками несчастий коломичей майором Цеем, его офицерами и солдатами, не известно; никаких следов на этот счет не сохранилось, а предполагать можно все, что угодно. Но, судя по тому, что лет тридцать спустя после этих событий, уже в конце XVII века, всеми иноземными частями, воевавшими в Малороссии, командовал сынок лихого майора, Андрей Андреевич Цей, карьера его батюшки из-за «коломенских шалостей» не прервалась.

Новая Немецкая слобода

Приключившаяся в Коломне история вовсе не была исключением — столкновения со служилыми иностранцами происходили повсеместно, а так как молодой государь Алексей Михайлович звал на службу все новых и новых иноземцев, неизбежно возникало недовольство среди подданных, на настроения которых кроме всего прочего оказывала влияние церковь. После того как в 1652 году патриарший престол занял новгородский митрополит Никон, ратовавший за чистоту православия, он настоял на выселении иноверцев за пределы городской черты. Прислушивавшийся к мнению патриарха царь издал указ, по которому: «Афанасий Иванов и Богдан Арефьев строили Новую Иноземную слободу за Покровскими воротами, за земляным городом подле Яузы-реки, где были впредь всего немецкие дворы при прежних великих государях».

Ново-Немецкая слобода возникла как совершенно обособленная колония, подведомственная сразу нескольким учреждениям Русского царства — Земскому, Пушкарскому и Иноземному приказам. В сущности, с места, где была раньше — вблизи ручья Кукуя, — слобода не сдвинулась, но изменилось ее качество — если прежде там жили главным образом этнические немцы, выходцы из Прибалтики, то теперь туда переселились и остальные московские европейцы, которых русские всех скопом называли «немцами», производя эту кличку от слова «немые» или «немтыри» — не умеющие говорить «по-человечески», не знающие русского языка вовсе или плохо на нем говорящие. Там иностранцам разрешали жить своим мирком, даже строить собственные храмы и молитвенные дома; при переходе в русское подданство, однако, иноземцы обязаны были принять крещение по православному обряду.

По исповеданию московские «немцы» в большинстве своем принадлежали к протестантам, однако и среди них были последователи разных течений; поэтому на берегах Кукуя во второй половине XVII столетия появились две лютеранские кирхи — «старая», в которой пастором был Иоганн Якоби, и «новая», пастора Балтасара Фадемрехта, где молились

главным образом выходцы из разных германских государств, а также реформатская кирха пастора Кравинкеля, к которому приходили кальвинисты, в основном голландцы, английские пуритане и французы-гугеноты, как называли эту ветвь протестантизма в разных странах. Единые в общей ненависти к католикам, прихожане протестантских храмов расходились во взаимной вражде, и это было вовсе не шуточное противоречие. Лютеране говорили, что «лучше католик, чем кальвинист»; лютеранские кирхи не имели никаких официальных сношений с реформатским храмом. Католики, жившие в слободе, так и вовсе не имели своего храма — ближайший костел был где-нибудь в Литве или на польских землях. Это, а равно и отношение к католикам в Московии, часто становилось препятствием для тех, кто желал бы приехать на службу к русскому царю. Впрочем, католики, так или иначе добравшиеся до Москвы, изыскивали нелегальные способы исправления своих духовных потребностей — с купеческими караванами в Москву тайно прибывали католические священники, большей частью принадлежавшие к ордену иезуитов, которые, соблюдая приличествующую конспирацию, отправляли все необходимые требы в частных домах.

Образ жизни обитателей Немецкой слободы весьма отличался от того, как жили подданные русского царя. Если в слободском трактире выпить чашку кофе и выкурить трубку табаку было делом вполне обычным, то в Москве всем этим «баловались» только в подпольных притонах. В том, что эти кофе и табак были известны москвичам, сомневаться не приходится, так как известны судебные приговоры, вынесенные тем, кого уличали в употреблении кофе и «дымного табаку». За это, а также за поедание «еретической травы салат» и еще некоторые поступки такого же рода православных по законам Московии приговаривали к битью кнутом. Кроме «диетических ограничений» русским людям под страхом сурового наказания запрещалось ношение европейского платья, брить бороды и носить парики — за подобное царский указ сулил «великую опалу».

Большинство подданных русского царя были вполне солидарны с властью, считая, что вводимые ею запреты перенимать иноземные обычаи являются благом. Еще дальше шло русское священство, время от времени призывавшее

уничтожить слободу как «гнездилище разврата» и «всю прелесть кукуйскую сжечь, а молельни еретические разрушить».

В свою очередь, иноземцы в разговорах между собой порицали русских за чрезмерное пьянство, склонность к воровству и манеру ведения торговых дел, при которой всякое надувательство и необязательность данному слову считались особой ловкостью. Также смущали иноземцев тягучая лень русских, их неряшливость; на улицах — в самом центре города, по всему течению реки Неглинной, там, где нынче Кузнецкий мост, Театральная площадь и Кремлевский сад, — многие века находились «великие и непролазные грязи», а точнее, целые уличные болота, в которые вываливали всякий мусор, помет и нечистоты со дворов. То же самое было в рядах возле Кремля и подле стен Китай-города.

Много пересудов в слободе вызывал неприкрытый блуд, процветавший в Москве при внешнем ревнивом благочестии. Браки совершались родителями, без учета симпатий молодых людей, а потому частенько этот семейный союз изначально был всего лишь постылой обязанностью, от которой спешили отделаться, ища «утеху» на стороне. Богатые русские, охладев к своим женам, всюю пользовались правом первой ночи среди своих дворовых, считая «вольное обращение» с принадлежавшими им женщинами и девицами делом совершенно обыкновенным. Если же они встречали отказ, то, добываясь своего, в средствах особо не стеснялись. Мужья, отцы, братья той, которую они возжелали, никак не могли им помешать — их могли просто запороть «за дерзость». Свидетельством тому, что господа вели себя именно так, служат призывы поучений духовных учителей, писавших, обращаясь к пастве: «Ни дочерей, ни жен не отымайте, дев не осрамляйте». Но такие призывы на паству мало действовали.

Шедшие рука об руку разврат и деньги породили весьма оригинальный способ сожительства — отправлявшиеся надолго из дому мужья отдавали своих жен в аренду приятелям, беря с них деньги. Отец первого царя из династии Романовых, патриарх Филарет Никитич, обличал служилых людей в том, что, отъезжая из дому на цареву службу куда-нибудь на дальний край, они предлагали своих жен знакомым, получая за это кредит. Если муж в установленный срок не выкупал своей жены, его кредитор, коли тому была охота, мог пе-

редать ее другому, а тот третьему и т. д. Собственно, практика «замещения» мужа существовала и в других странах — в Италии, например, был практически узаконен статус «друга семьи», в полном объеме заменявшего мужа во время долгой отлучки супруга. Но вот зарабатывать на этом, кажется, в Европе не додумывались.

В среде простолюдинов блуд имел меньше изысков, был более груб и пошл, теряя последние следы стыда. Блудные девки ловили клиентов возле общественных бань, выскакивая нагишом на улицу. В посадах проститутки зазывали клиентов прямо на улицах — поворачивались к объекту искушения задом и, резко наклонившись, задирая подол, заголялись, демонстрируя то, что, по их мнению, должно было тут же вызвать прилив похоти. Зимой на такие прогулки девки выходили в долгих тулупах, не имея под ним ничего.

При этом среди русских существовало мнение, что как раз в Немецкой слободе процветают разврат, соблазн и искушение, называемые одним словом «прелесь» (от «прельщение»). Среди русских людей было немало добровольных помощников властей, борющихся с «прелесью» и даже терпевших из-за того побои. Природных москвичей весьма возмущали слишком открытые платья немок; то, что иноземцы не скрывают своих женщин от посторонних мужчин, — в одном этом виделся соблазн; казалось, что это много порочнее, чем голые бабы в бане. Не меньше этого раздражали музицирование в кукуйских трактирах и частных домах, светское пение, танцы, фейерверки и прочее «искусительное».

С полным осознанием своего духовного превосходства над иноземцами мальчишки, повстречав их на московской улице или завидев «немецкий возок», кричали вслед: «Шиш на Кукуй! Шиш на Кукуй!» Это была старая кличка иностранцев; в славянской мифологии шишами называли нечистую силу, обитавшую по краям дорог. Этим прозвищем и определялось отношение к европейцам.

Однако, несмотря на противоречия и взаимные претензии, иноземцы не спешили покидать Москву — соблазняясь выгодами русской службы, они соглашались терпеть все неудобства. В свою очередь, русские, сколь бы ни ругали порядки слободы, разорять ее не хотели, понимая, что без мастеров и торговли им не обойтись. Поэтому все старались соблюдать

статус-кво — иноземцы жили в своем замкнутом мире, в котором действовало общинное самоуправление, и московские власти вмешивались в их внутреннюю жизнь только в самых крайних случаях. Даже летосчисление в Москве и в Немецкой слободе было разным! Русские вели счет годам «от сотворения мира», а жители Немецкой слободы, по европейскому обычаю, «от Рождества Христова», а потому в тот год, когда родился Петр Великий, 1 января немцы встречали новый 1672 год, а русские жили в 7180 году, в который вступили 1 сентября.

5. Иноземные школы

Кого попало в Московию не пускали; тех, кто въезжал нелегально, отлавливали и могли сгноить в тюрьме. Делами приезжих иностранцев ведало особое учреждение — московский Иноземный приказ, куда все приезжие иностранцы должны были являть документы, удостоверявшие их личность, и сообщать о своих намерениях. Непременным условием приема на службу было наличие дипломов об образовании и патентов на чины. Претендентов подвергали испытаниям — врачей, аптекарей, фельдшеров и цирюльников, чьи специальности считались тогда родственными, экзаменовала комиссия в Аптекарском приказе, военные производили показательные стрельбы, демонстрировали умение обращаться с холодным оружием и командовать воинским строем «в соответствии с артикулом». Иные специалисты, кроме того, проходили испытания в тех ведомствах, с которыми они собирались заключать контракт. Естественным следствием такого строгого отбора стала высокая концентрация людей, имевших очень приличное европейское образование, на небольшой территории Немецкой слободы. Многие из них приезжали с семьями. Офицеры и инженеры, литейщи-

ки, производители стекла и бумаги, часовщики, механики, слесари, врачи, аптекари, рудознатцы, священники, коммерсанты, говорившие на разных языках и принадлежавшие к разным христианским конфессиям, сходились в том, что их дети должны учиться. А вот с этим в Московии было проблематично.

Нельзя сказать, что русские вообще ничему не учились, но качество этого образования иноземцев совершенно не устраивало. В Москве, не говоря уж об иных местах Русского царства, не было ни университетов, ни колледжей, ни даже семинарий. Дело образования было исключительно частным промыслом. Из «Стоглава», сборника постановлений Стоглавого собора, проходившего в 1550–1551 годах, известно, что училища разрешено было содержать лицам духовного звания. Соискатель такого права должен был получить разрешение у церковного начальства, пройдя при этом испытание на предмет глубины собственных познаний; кроме того, собирались всевозможные сведения о его поведении и надежные поручительства.

О внутреннем устройстве старой русской школы подробно рассказано в «Азбуковниках» — пособиях для учителей, содержащих набор универсальных сведений: правила школьной жизни, поучения и наставления.

При каждом церковном приходе имела своя собственная школа. Как и нынешним школьникам, ее ученикам приходилось вставать спозаранку — к «мастеру», как называли тогда учителя, надо было являться до утренней службы в церкви. Осенью и зимой, затемно еще, среди людей, спешащих к утренней службе в храмы, на торг или по другим делам, шли русские школяры, собираясь к условленному времени в «храм учителей». Войдя в помещение школы, а это было отдельное строение или большая горница, пристроенная к учительскому дому, ученики прежде всего произносили краткую молитву с крестным знамением, поклонялись образам, потом кланялись самому учителю, сидевшему под иконами у дальнего края длинного стола, а затем уж и всей «дружине своей ученической».

Освещалась школьная горница лучинами — щепами почти метровой длины, наколотыми специальным ножом-«кошарем» из сухих поленьев. Такая щепачина вставлялась

в «светец», специальную подставку, «прадедушку» канделябра, имевшую сверху специальный зажим. У подножья этого сооружения стоял сосуд с водой, чтобы павшие от прогоревшей лучины угольки и случайные искры не наделали пожара. Меняли лучину и вообще следили за освещением ученики по очереди. Дополнительным источником света в школе были лампы перед образами, но все равно здесь большую часть дня царил полумрак, поскольку маленькие слюдяные оконца пропускали совсем мало света.

Кроме большого стола и длинных лавок в горнице непременно находились: доска для писания на ней грифелем, сундуки и «шкапы» для хранения книг и учебных принадлежностей. В углу, противоположном тому, в котором помещались иконы, непременно стоял «козел» — специальная лавка, на которой секли наказанных. Подле нее в деревянной бадейке вымокали приготовленные загодя розги, а на крюке, вбитом в стену, висел кожаный клейнот — ременная плеть. Порка, по уверениям знатоков тогдашней педагогики, была прекрасным средством, «вострящим ум, бодрящим память».

Впрочем, в «Стоглаве» говорилось, что учить детей следует «не яростью, не жестокостью, не гневом, но радостным страхом и любовным обычаем, и сладким поучением, и ласковым утешением». «Азбуковник» же прямо рекомендовал учителям особо не увлекаться телесными наказаниями, а больше заниматься с теми, кто плохо усваивает материал, и не позволять товарищам над ними смеяться.

По окончании молитвы ученики подходили к старосте, выдававшему книги, по которым учили. Книги были собственностью школы и составляли главную драгоценность в ней. Получив книги, ученики рассаживались по своим местам, и начинался урок. Учитель — а чаще всего это был приходской священник или диакон, — дав задание «училищной дружине», уходил служить в храм, оставляя школу на избранных им из числа старших учеников старосту и двух его помощников. Староста был фактически второй человек в школе, часто замещавший самого учителя. Училищные старосты даже имели право наказывать виновных в нарушениях школьных порядков.

Жизнь школы была расписана правилами: даже пить воду позволялось только трижды в день и «ради нужды на двор от-

ходить» можно было, с разрешения старосты, считанные разы. Особенное правило запрещало ученикам пересказывать вне стен школы то, что в ней происходит. Поэтому услышать столь часто употребляемую нынче формулу «Без родителей в школу не приходи» из уст тогдашнего учителя было невозможно. Ученика наставляли «по-свойски», без отеческого вмешательства. Родители же, вверив сына учителю, лишь по плодам учения могли судить о том, как их чадо «школят».

О размере и форме вознаграждения учительских трудов уславливались заранее — обычно за обучение детей родители платили частью натурой, частью деньгами, по взаимной договоренности. Помимо платы в училище свято соблюдался обычай «кормить учителя»: в праздничные дни ученики приходили к своему «мастеру» на «поклон», принося из дому «гостинчик» — чаще всего съестные припасы к семейному столу.

При царе Борисе Годунове, желавшем видеть в своем окружении хотя бы нескольких русских, получивших европейское образование и могущих выступать в качестве знатоков «иноземных бытностей», весной 1602 года в Англию были отправлены четверо молодых людей. В точности не известно, как они добирались до Британских островов, но уже в ноябре того же года все четверо были распределены по школам — в Винчестер, Итон, Кембридж и Оксфорд.

Прежде всего они принялись за изучение латыни и английского языка, чтобы иметь возможность общаться и учиться. Пока они учились, на далекой родине началась Смута. Когда до русских студентов дошли известия о происходящем, они, опасаясь за свои жизни, решили остаться в Англии.

За множеством других забот о них вспомнили только пятнадцать лет спустя — в марте 1617 года русский посол подал в королевский Тайный совет бумагу, в которой говорилось, что посланным в учение Никифору Алферьевичу Егорову, Федору Семенову, Сафрону Михайлову и Назарию Давыдову настало время вернуться обратно, так как теперь они, уж наверное, достаточно обучены, чтобы послужить российскому государю знаниями английского, латинского и иных языков. В том же документе говорилось, что времена беспорядков, производимых врагами русских государей, уже миновали и в стране всюду воцарились мир и спокойствие.

Тайный совет ответил на этот запрос, что из четверых московитов, прибывших на учебу, к тому моменту в Англии жил лишь один, да еще один в Ирландии, а двое других отправились в Индию. Все четверо, как выяснилось, успели жениться на англичанках. Русским послам разрешили уговаривать их вернуться, но запретили, если они не пожелают ехать, понуждать их к этому. В результате ничего у послов не вышло: один русский выпускник английских колледжей сделал хорошую карьеру при королевском государственном секретаре в Ирландии, другой стал англиканским священником; эти двое возвращаться не пожелали; еще один умер в Индии, а следов четвертого найти не удалось. Таким образом, первая попытка выучить русских в европейских университетах не удалась.

Позже стараниями известного московского благотворителя, боярина Федора Борисовича Ртищева, в двух верстах от Москвы был выстроен Спасо-Преображенский монастырь, а в нем открыта школа, в которой преподавали приглашенные Ртишевым ученые монахи, выпускники киевских семинарий и коллегий. Учеников этой школы обучали славянскому, греческому и латинскому языкам, риторике и философии. Кроме того, боярин Федор Борисович всячески поощрял преподавателей училища, помимо своих прямых обязанностей заниматься еще и переводами с греческого языка и латыни.

Спустя некоторое время была открыта школа в Заиконоспасском монастыре, что на Никольской улице, совсем рядом с Кремлем; там всем распоряжался учнейший монах Симеон Полоцкий. Его пригласил лично царь Алексей Михайлович для воспитания своих детей, а заодно поручил основать училище для «грамматического учения» молодых подьячих Тайного приказа. В этом училище преподавали профессора, главным образом греки и малороссы, прошедшие обучение в киевских коллегиях, университетах восточноевропейских стран и Германии, совершенствовавшие свои знания в Италии и Франции. Это училище было, может быть, единственным приемлемым, с точки зрения иноземцев. Но путь в него (как, собственно, и в другие русские учебные заведения) их детям был закрыт, так как главным условием приема было исповедание православия.

В конце концов чужестранцы, жившие в Москве, озаботились созданием собственных школ в Немецкой слободе. Обычно они создавались при кирхах, но преподавали в них науку не только священники, но и светские учителя, которых выписывали с далекой родины. Так получил приглашение приехать в Москву и Иоганн Готфрид Грегори, которому на тот момент исполнилось 27 лет.

Этот уроженец немецкого города Марбурга происходил из семейства врача, но сам стать врачом не пожелал, а может быть, и не смог — отец умер, а мать вскоре после того, как минул положенный срок траура, вышла замуж за коллегу покойного супруга, доктора Лаврентия Блюментроста, от которого родила нескольких детей. С появлением на свет сводных братьев Иоганн Готфрид, чувствуя себя лишним в доме, покинул Марбург и решил попробовать себя в военном деле — благо, что войн тогдашняя европейская политика рождала множество и везде нужны были крепкие молодые парни, умеющие орудовать шпагой. Перед тем как отправиться по свету в поисках счастья, Иоганн Готфрид все же получил определенное образование, а также приобрел патент на офицерский чин.

Сначала поручик Грегори служил шведам, потом польскому королю. Но после нескольких военных кампаний боевой задор молодости в нем пошел на убыль. И тут вдруг знакомые соотечественники, уехавшие в Московию, предложили ему попробовать себя в качестве учителя. Иоганн Готфрид решил попытаться счастья в далекой стране и в октябре 1658 года приехал в Москву, не подозревая о том, какие повороты судьбы и карьеры его ожидают.

Прибыв в Москву, экс-поручик против своей воли оказался втянутым в интриги Немецкой слободы, возникшие из-за конкуренции двух лютеранских приходов. Сам он занял место учителя приходской школы при «новой» лютеранской кирхе пастора Фадемрехта, в то время как разгорелся ожесточенный спор вокруг второй слободской кирхи, в которой с 1647 года проповедовал пастор Иоаким Якоби. Примерно за год до того, как в Москве появился Грегори, Якоби умер, и его место осталось вакантным. Как раз в ту же пору в Немецкой слободе появился датский военный инженер и артиллерист, полковник Клаус Бауман, прибывший на службу

русскому царю во главе группы иноземных офицеров. Датский полковник оказался умелым воином и отличным военным организатором — он скоро заслужил расположение царя и занял видное положение в Немецкой слободе. С его мнением считались, и потому никто не возражал, когда полковник Бауман отправил письмо пастору Иоанну Дитриху Фокероту из Тюрингии, приглашая его в Москву занять место при «старой» кирхе. Фокерот приехал в феврале 1658 года и только в Москве узнал, что кирхи, в которой его приглашали служить, уже не существует. Пока письмо Баумана дошло до Фокерота, да пока тот думал, ехать или нет, да пока доехал до Москвы, срок траура по пастору Якоби вышел, и его вдова тут же вышла замуж за подполковника Ивана Юкмана. Вместе с нею в полное распоряжение Юкмана перешла и кирха, которая, по сути, являлась пристройкой к старому дому пастора Якоби.

Подполковнику ветхая кирха была совершенно ни к чему, и он распорядился разобрать ее — таким образом, в слободе осталась только одна лютеранская кирха пастора Фадемрехта, к которому перешли прежние прихожане пастора Якоби.

В то время, когда Юкман сносил старую кирху, полковник Бауман вместе со своими офицерами был в Малороссии, воюя под командой князя Алексея Никитича Трубецкого с казаками Выговского и крымскими татарами. Поход для русской армии был удачен, и за бои под Конотопом, длившиеся с 19 апреля по 27 июня 1659 года, Бауман был пожалован чином генерал-поручика. Вернувшись в начале 1660 года в Москву, он застал там Фокерета пребывающим не у дел, а кирху разобранной. Пастора господин генерал принял на собственное содержание, а сам попробовал доказать, что уничтожение здания кирхи было произведено незаконно, однако сделать это было не так-то просто.

Подполковник Юкман, хорошо ориентируясь в реалиях московской жизни, сумел ловко «обтяпать дельце» и получил в Земском приказе особый имущественный документ — «данную грамоту» от 29 марта 1660 года, которая закрепляла за ним земельный участок и все строения на этом участке; таким образом, выходило, что подполковник распорядился «своим имуществом» на законных основаниях.

Тогда Бауман, заручившись поддержкой слободских старшин, подал в Земский приказ жалобу на своеволие Юкмана и добился того, что 12 ноября 1660 года вышло решение, согласно которому Юкмана, его жену и пасынка выселяли на другой земельный участок, а кирха возобновлялась на прежнем месте. Для постройки кирхи Бауман сделал крупное пожертвование и активно призывал к тому остальных бывших прихожан пастора Якоби. Такой оборот дела не понравился пастору Фадемрехту, не желавшему терять часть паствы, которую он уже привык считать своей. В свою очередь, Бауман, почувствовав оппозицию пастора, предпринял попытку сместить его с кафедры, наметив ему на замену школьного учителя Грегори, тем более что тот и сам не прочь был стать пастором.

Для этого ему требовалось получить пасторскую ординацию, а прежде следовало защитить диссертацию по богословию, что можно было сделать только при теологическом факультете какого-нибудь европейского университета. Но генерал Бауман уже твердо решил сделать пастором Грегори, а потому, не поскупившись, за свой счет отправил его в Йену. Там соискатель ординации, подготовившись в местном университете, защитил диссертацию и, получив степень магистра богословия, представил соответствующие дипломы и прошение о рукоположении в дрезденскую лютеранскую консисторию. Вскоре Иоганн Готфрид Грегори был объявлен пастором и получил в удостоверение этого соответствующие бумаги.

Слух о молодом пасторе, намеревающемся занять кафедру в далекой Московии, дошел до высших властей Саксонии, и Иоганн Готфрид был представлен саксонскому курфюрсту Иоганну-Георгу II. Господин курфюрст много расспрашивал его о России, московской жизни, русском царе и его боярах. На этой аудиенции пастор Грегори с большой похвалой отозвался о благосклонности русского царя к иноземцам вообще и лютеранам в особенности. Выяснив, что Грегори является представителем влиятельной группы единоверцев, живущих в Москве, саксонский курфюрст решил использовать отъезжавшего к месту службы пастора для исполнения дипломатических поручений, и 16 апреля 1662 года ему были вручены государственные грамоты, адресованные царю

Алексею Михайловичу. В этом послании саксонский курфюрст среди прочего просил и впредь не оставлять своими милостями лютеран, дозволяя им собственное богослужение в Москве.

Пастор привез эти грамоты и сдал их в Посольский приказ, где их перевели на русский язык, после чего представили их «наверх», где послания курфюрста были читаны царю.

Пока строилась кирха, Грегори читал проповеди в доме генерала Баумана; постепенно его красноречие стало привлекать все больше и больше народу. Пасторы Фадемрехт и Фокерот такой конкуренции совсем не обрадовались. Нового проповедника спасало от их козней только заступничество Баумана и старшин: в январе 1663 года пасторов заставили даже написать письменное обязательство, что они оставят пастора Грегори в покое.

В 1665 году кирха была выстроена заново, но на внутреннюю отделку средств не хватило. Прихожане решили отправить пастора Грегори в страны, где правили государи-единоверцы, снабдив его «просительным письмом» к владетельным особам. Узнав о том, что в Европу едет надежный человек, русские власти также снабдили его поручениями: московскому пастору надлежало приискать хорошего доктора для царского двора, нанять хороших кузнецов, рудознатцев, литейщиков, которыми славилась Саксония. Свои отчеты о европейском вояже Грегори писал в Москву, адресуясь боярину князю Юрию Ивановичу Ромодановскому; в качестве придворного врача он рекомендовал князю нового мужа своей матери, доктора Лаврентия Блюментроста, который готов был выехать на службу русской короне со своей семьей. То, что все семейство пожелало воссоединиться в Москве, было вполне объяснимо. Положение Грегори было довольно твердо, у него имелись надежные покровители, опираясь на поддержку которых его отчим рассчитывал сделать карьеру придворного медика и обеспечить будущее своей семье.

Эти надежды возникли совсем не на пустом месте: сразу после смерти Ивана Грозного, когда мода на англичан и все английское при русском дворе стремительно сошла на нет, постепенно придворная медицина и фармакология перешли под контроль выходцев из немецких земель — уже при

Борисе Годунове штат лейб-медиков составили пятеро лекарей-немцев. Кроме царской семьи, услугами этих лекарей пользовались лишь очень близкие к трону придворные. Это был особый род царской милости — дозволение лечиться у иноземного врача; сам факт этого обозначал положение в обществе. Иметь же «собственного» доктора смогли себе позволить только очень богатые люди — например, купцы Строгановы, имевшие при своих «дальних заводах» медика-иностранца.

Но постепенно в Россию стало прибывать все больше и больше врачей, хотя о том, чтобы хотя бы отчасти удовлетворить спрос на их услуги, речи не шло. Велика была нужда в военных врачах и хирургах: в 1616 году в России появились первые полковые врачи, входившие в состав воинских отрядов.

Главной проблемой докторов-иностранцев был языковой барьер — приезжие не понимали русского языка, а их русские пациенты не знали немецкого или латыни. Приходилось привлекать к работе толмачей-переводчиков или тех старожилов Немецкой слободы, что выучились говорить по-русски. Чтобы покрыть дефицит в медиках, которые, имея европейское образование, понимали бы русских пациентов, при царе Михаиле Федоровиче за счет русской казны стали посылать за границу учиться в европейских университетах детей тех немцев-врачей, что уже жили при русском дворе.

В определенном смысле это было разумно: выросшие в Москве молодые люди часто от рождения были «двуязыки», а знание латыни, на которой велось преподавание всех наук в университетах Европы, они получали в школах при слободских кирхах. Помогая своим отцам-врачам, юноши постигали азы анатомии, приобретали некоторые навыки медицины и таким образом были уже подготовлены для учебы на медицинских факультетах. К тому же отправлялись они в те города и страны, откуда когда-то выехали их отцы или деды, ехали к родственникам или близким знакомым своих семей. В университетах их часто встречали ставшие профессорами бывшие однокашники отцов. Придворные врачи тоже не имели ничего против этого: не нужно было тратить на обучение детей, будущее которых таким образом было пре-

красно обеспечено — придворная должность была им уготована почти что «по наследству».

Сообразуясь со всеми приведенными выше аргументами в пользу переезда, господин Блюментрост заручился солидной рекомендацией — саксонский курфюрст 9 января 1668 года передал с ехавшим в Москву Грегори грамоту, в которой рекомендовал доктора царю Алексею Михайловичу.

В этой аттестации указывалось, что Лаврентий Блюментрост родился в 1619 году в городе Мюльгаузене, там же окончил гимназию. Медицине учился в Гельмштедте у Ковринга, в Йене у Рольфинга, в Лейпциге у Михелиса, а в 1648 году, защитив в Йенском университете диссертацию, получил диплом доктора. Затем он служил медиком последовательно у герцога Саксен-Готского, графа Шварцбургского и курфюрста Саксонского, всюду врачуя своих высокопоставленных пациентов с неизменным успехом.

Казалось, для семейств Грегори и Блюментрост все складывалось наилучшим образом; тем более что пастор Грегори не только управился с делами, порученными ему русским и саксонским дворами, но и собрал значительные пожертвования на отделку новой московской кирхи. Однако его возвращение в Москву оказалось совсем не триумфальным — пока Грегори был в Саксонии, против него составила интрига.

Главный удар нанес пастор Фокерот, подавший русскому правительству извет на Грегори. В доносе он утверждал, что Иоганн Готфрид Грегори — проходимец, самозванец и шельма, скрывающийся, что в Москву он из Польши не просто приехал, как подобает доброму человеку и христианину, а бежал, спасаясь от преследования польских властей, которые желали его арестовать за «мерзкие поступки». Якобы когда польские власти его не смогли арестовать, то по приговору суда имя Грегори прибили к виселице. В Немецкой слободе этим изветам цену знали, но русские власти отнеслись к доносу серьезно. Поэтому рекомендательным письмам, привезенным Грегори, в доверии отказали и место придворного медика, обещанное отчиму пастора, отдали шведу Йохану Костеру фон Розенбергу.

На попечении доктора Лаврентия Блюментроста, которому запретили заниматься медицинской практикой в Москве, оказались жена, два сына, две дочери, прислуга и прихваченный им из Саксонии ассистент Лаврентий Ринхубер. Положение семейства еще более ухудшилось, когда 31 мая 1668 года, служа в новенькой кирхе, пастор Грегори вознес благодарственную молитву сначала за курфюрста саксонского, а потом уже за русского царя. Злопыхательный Фокерот тут же донес об этом русским властям, приправив извет уверениями в том, что «сей Грегори, есть человек злонамеренный русскому правительству»; кроме того, Фокерот утверждал, что европейский вояж Грегори «будто бы за жертвованиями для кирхи» на самом деле имел тайную политическую цель. Генерал Бауман бросился защищать своего протеже и подал на Фокерота жалобу, но суд, состоявшийся 23 декабря 1668 года, взял сторону клеветника и хуже того — постановил Грегори должности пастора лишить, а на это место поставить Фокерота.

Но Бауман не сдался и 6 января 1669 года, во время обряда водосвятия на Москве-реке, подал царю челобитную, в которой просил посодействовать возвращению денег, потраченных на постройку кирхи в слободе. Царь Алексей Михайлович рассмотрел челобитную и высочайше повелел: деньги Бауману уплатить. После этого, прикупив участки земли у своих соседей, Бауман перенес кирху на новое место, 2 февраля 1669 года она была освящена и перешла в полное распоряжение пастора Грегори.

Для Фокерота же прихожане выстроили новую кирху на месте, где служил Якоби, и таким образом конфликт между слободскими пасторами наконец-то разрешился. Это случилось вовремя, поскольку в следующем, 1670 году генерал Бауман, главный покровитель Грегори, Москву покинул — у него истек срок контракта.

Постепенно все наладилось. Грегори служил в своей кирхе и открыл при ней училище для детей. Учил он без различий детей лютеран и православных, причем преподавал науки обычным для своего времени способом, так же как учили его самого. Частью этой методы XVII века было разыгрывание сенок в школьном театре — для закрепления пройденных на уроках материалов; существовал даже специальный

жанр «школьной пьесы». И вот, руководствуясь желанием учить своих подопечных как можно лучше, пастор Григори создал при школе театр, в котором разыгрывались сценки духовно-нравственного содержания. Сочинителем большинства их был сам господин пастор; помогал ему ассистент отчима Лаврентий Ринхубер, прежде учившийся в нескольких немецких университетах, но так и не получивший диплома. В Москву он прибыл в звании студента и, пока его патрон Блюментрост не имел возможности заниматься практикой, время проводил с пользой, преподавая в школе у Григори, усердно уча русский язык и помогая толмачам Посольского приказа с переводами. Это давало ему хлеб и дарило некоторые надежды на будущее.

6. Театральный дебют в Москве

Влияние европейской культуры, хоть и с большим трудом, но все же распространявшейся в Московии вопреки всяческим запретительным мерам, сказало-сь тем, что в русской столице появились сразу два театра — один уже упоминавшийся театр при школе пастора Грегори, а второй в самой Москве, в доме Артамо-на Сергеевича Матвеева, сделавшего поразительную карье-ру при царском дворе.

Отец Артамона Сергеевича не мог похвастаться знатным происхождением, однако своими способностями достиг вид-ного положения, став дьяком Посольского приказа, что в пе-реводе на современные реалии равняется начальнику одного из департаментов министерства иностранных дел.

Заслуги отца во многом и определили дальнейшую судьбу сына, родившегося в 1625 году: Матвеев-старший, будучи по-слан ко двору турецкого султана Мехмеда IV, а потом к пер-сидскому шаху Аббасу II, так исполнил порученные ему дела, что в награду велено было тринадцатилетнего сына его «взять на житье в Москву, в числе детей боярских», хотя Матвеевы боярами не были.

У царевича Алексея, в дружки которого и набирали ребяташек, в наставниках был боярин Борис Иванович Морозов. Царевич был четырьмя годами младше Артамона, но в учении, возможно, его опережал — Алексея Михайловича с пяти лет учили чтению по букварю, в семь лет он взял в руки перо, в девять стал учиться пению и музыке. Его обучали языкам и географии, а книги, карты и картинки для того доставлялись из разных стран. Лучшие игрушки тогда изготовляли в Нюрнберге, и оттуда русскому царевичу везли лошадок, детские латы, музыкальные инструменты и все прочее, чего ему захочется. Кроме боярина Морозова юного царевича наставляли девять служилых дворян, каждый в своем деле дока, — учили верховой езде, обращению с оружием и другим необходимым будущему правителю вещам.

Всю эту школу вместе с царевичем и мальчиками, собранными царевичу для компании, прошел и Артамон Матвеев, сумев так отличиться, что слух о его способностях дошел до самого царя Михаила Федоровича Романова и тот произвел шестнадцатилетнего Артамона в стряпчие — начальный из тогдашних придворных чинов. Когда же его царственный друг вступил на русский престол, Артамон Сергеевич скакнул в стольники и получил воинский чин полковника.

Военному делу Артамон Сергеевич учился в одном из тех рейтарских полков, что формировали приглашенные на русскую службу уже упоминавшиеся Лесли и Бокховены. Он быстро прошел все ступени полковой иерархии и возглавил набранный им же один из новых русских рейтарских полков. Командуя рейтарами и побывав во множестве боев, Матвеев показал себя смелым и искусным воеводой.

А далее как-то так вышло, что, почти не растя в чинах и званиях, Артамон Сергеевич тем не менее получил в свое ведение Малороссийский приказ, один из важнейших в государстве, и занял чрезвычайно важное положение.

Этого человека можно без всякого преувеличения назвать «новым русским человеком своего века». Имея возможность породниться с самыми знатными фамилиями, Артамон Сергеевич предпочел жениться на Авдотье Григорьевне Гамилтон, дочери шотландского дворянина, поступившего на русскую службу в начале XVII века. Способный к восприятию

всего нового, Матвеев относился к партии убежденных «западников», но это «западничество» весьма отличалось от того, которое появилось в более поздние времена. Следовать «европейским веяниям», живя в Москве, любому русскому было небезопасно — чуть увлечешься, и того гляди обрушится на тебя кара. Но Артамон Сергеевич Матвеев умел соблюдать правильный баланс во всем.

Дом свой он содержал на европейский лад: собрал прекрасную библиотеку, стены украсил картинами европейских художников, комнаты уставил мебелью, доставленной из-за границы или сделанной на заказ в Немецкой слободе. Первым из русских вельмож завел домашний оркестр и театр, составленные из его собственных дворовых людей, с которыми занимались специально выписанные из немецких земель музыканты и знатоки актерской игры. В гостях у Артамона Сергеевича любил бывать сам царь, который особенно часто стал ездить к Матвееву после того, как похоронил в 1669 году свою супругу, Марию Ильиничну Милославскую, с которой прожил 21 год. В доме у своего старшего товарища в приватной обстановке, лишенной дворцовой церемонности, Алексей Михайлович находил отдых от государственных дел.

Гостей Матвеевы принимали на европейский манер, женщин в отдельном тереме не прятали, и однажды царю, приехавшему скоротать вечерок, Артамон Сергеевич представил свою дальнюю родственницу, девицу Наталью Кирилловну Нарышкину. Впрочем, родственная связь между ними относилась скорее к разряду «седьмая вода на киселе»: родной брат отца Натальи, Федор Полиектович Нарышкин, был женат на Евдокии Петровне Хомутовой, приходившейся племянницей супруге Матвеева, Авдотье Григорьевне Гамильтон. Федор и Кирилл Нарышкины происходили из тарусских служилых дворян и в молодости были офицерами в рейтарском полку, которым командовал Матвеев.

Девушке уже пора было замуж, но в семье, помимо Натальи, было несколько сыновей, которых отец должен был снарядить на службу и наделить имуществом, а потому рассчитывать на большое приданое невесте не приходилось. Найти же достойного жениха, согласного на то приданое, которое за ней могли дать, оказалось не так-то просто, и оттого Наташа Нарышкина несколько «засиделась в девицах». Обыч-

но в те времена родители своих дочерей выдавали замуж между четырнадцатью и семнадцатью годами, а Наталье шел уже двадцатый. В семействе могущественного московского вельможи она оказалась благодаря Авдотье Григорьевне, угворившей супруга принять в дом ее дальнюю родственницу.

Не известно в точности, какие именно были у Артамона Сергеевича планы в отношении Натальи Нарышкиной, но прежде всего он озаботился устройством достойного брака для нее. Именно это он имел в виду, когда, представив ее Алексею Михайловичу, просил для нее у своего царственного друга покровительства. Государь обещал подумать, что может сделать для девицы, и через несколько дней, снова приехав в дом Матвеева, сообщил ему, что не придумал ничего лучше, как самому жениться на его воспитаннице. 22 января 1671 года Алексей Михайлович венчался с Натальей Кирилловной, которая была на полтора года младше его старшей дочери от первого брака и почти ровесницей второй по старшинству царевне.

Новая царица вполне оправдала надежды супруга и поданных, 30 мая 1672 года родив крепкого первенца, нареченного при крещении Петром. По столь радостному поводу состоялось большое награждение придворных, и первый друг царского семейства Артамон Матвеев получил чин окольничего.

Желая распотешить молодую супругу, Алексей Михайлович, зная, как ей нравятся зрелища, которые были приняты в доме ее покровителя, приказал устроить театральные представления, поручив это дело, конечно же, Артамону Сергеевичу — тот был единственным из придворных, понимавшим толк в театре. Однако одно дело маленький домашний театрик и совсем иное — большое представление, даваемое в честь рождения наследника престола, на котором помимо первых лиц государства непременно будут присутствовать иностранные дипломаты, для которых театр не диковинка. На этом поручении запросто можно было споткнуться, погубить карьеру — в случае неудачи это был бы подлинный «срам на всю Европу»: послы непременно отписали бы ко дворам своих владык о провале постановки придворного театра «московитов».

Осторожный и опытный Артамон Сергеевич решил обратиться к специалистам из числа тех, кто был у него под рукой. К счастью, подходящий человек ему был известен, и человеку этому до зарезу нужен был шанс «переменить фортуна» и отличиться в глазах царя. В этом их положение было похоже — для обоих постановка спектакля была игрой по принципу «либо пан, либо пропал».

Изначально Матвеев хотел просто пригласить в Москву какую-нибудь европейскую театральную труппу и для этого думал отправить в Польшу или Прибалтику подходящего человека. Эту миссию поручили старому знакомому и другу пастора Грегори, немецкому офицеру Клаусу фон Штадену, которому лично Артамон Сергеевич Матвеев 15 мая 1672 года передал царский указ: «Ехать тебе к курляндскому герцогу Якову для вербовки нужных людей — искусных в горном деле мастеров, военных музыкантов-трубачей, а еще людей, умеющих представлять разного рода комедийные игры».

По поводу этих последних фон Штадену было приказано: коли таковые в Курляндии не отыщутся, ехать искать их в принадлежавшей шведской короне Лифляндии, а не найдя там, отправиться в Пруссию.

Царскому посланцу посчастливилось — всех нужных мастеров он нашел в Курляндии, в том числе и актеров, застав на гастролях в Риге труппу театрального директора Иоганна Фельтона. С определенной степенью вероятности можно предположить, что эта встреча произошла не случайно — Фельтон был не только руководителем известной театральной труппы, он был большой знаменитостью своего времени, если не общеевропейского, то, уж по крайней мере, германского масштаба.

Уроженец города Галле, Фельтон учился в Лейпциге — городе с известными традициями студенческих театров — и там впервые вышел в 1669 году на сцену в спектакле по пьесе Корнелия «Полиевкт». Тогда же он впервые назвался Фельтоном; его родной брат Валентин Фельтхейн состоял профессором теологии в Йенском университете, и Иоганн предпочел взять псевдоним, чтобы не бросить на него тень несерьезным актерским занятием.

Увлечение театром не прошло, даже когда Фельтон закончил учение со званием магистра. Он собрал труппу, в которой преобладали студенты, и отправился в турне по Северной Германии. Репертуарной основой труппы, состоявшей из четырнадцати природных немцев, были переводы шекспировских пьес и пьес Мольера, которые Фельтон сам перевел с французского. Дополняли репертуар произведения итальянских и испанских драматургов, переведенных и адаптированных для немецкого зрителя им же.

Фельтон сочетал в себе редкий набор качеств — это была бесспорно творческая личность, оказавшая влияние на развитие театрального искусства, но притом маэстро Иоганн проявлял предприимчивость, неутомимую деловитость и редкостную честность. В немалой степени именно его заслуга была в том, что слава о руководимой им труппе гремела повсюду. Дошло до того, что саксонский герцог Иоганн-Георг II в 1670 году предложил Фельтону и его людям выступать при его дворе, положив им по 150 флоринов жалованья, которое позже было увеличено до 200 флоринов.

Подписывая контракт на выступления при саксонском дворе, маэстро оговорил право своего театра выезжать на гастроли. В Дрездене труппа обязана была играть по большим праздникам, а в иное время она отправлялась путешествовать, давая представления в Лейпциге, Нюрнберге, Бреславле, Франкфурте и иных местах. Так Фельтон и его актеры оказались в Риге, и слухи об этом достигли московского Кукуя, поскольку в Риге у многих жителей Немецкой слободы имелись торговые дела.

Клаус фон Штаден договорился с Фельтоном о том, что тот привезет в Москву труппу из двенадцати человек, среди которых будет примадонна копенгагенской оперы Анна Паульсен, приходившаяся Фельтону тещей. Фон Штаден не скупился на посулы, всячески расписывая богатство и щедрость русского царя, особо упирая на то, что в Москве семейство Фельтонов-Паульсенов ждет оглушительный успех и обильная пожива, поскольку им, как первооткрывателям театральной игры в Москве, достанутся самые жирные сливки монарших милостей.

Московская гастроль должна была вот-вот начаться, но тут среди актеров труппы, уже было согласившихся ехать

в Москву, пошел слух, что иностранцев в Московии окружают богатством и почетом, но назад не отпускают, и живут они там, словно в золотой клетке, до самой смерти. За примером ходить было недалеко. Если история о том, как ученого монаха Максима Грека, приглашенного в Россию для исправления богослужебных книг, до конца дней заперли в русском монастыре, не была известна в Европе, то коллизия, связанная со сватовством датского королевича Вольдемара к московской царевне Ирине, имела поистине общеевропейский резонанс!

Сын датского короля от мorganатического брака, увенчанный титулом графа Шлезвиг-Голштинского, в силу своего происхождения не могший претендовать на датский престол, по приглашению русской короны, после долгих предварительных переговоров, прибыл в Москву для сватовства к русской царевне Ирине, дочери Михаила Федоровича. Приняли его с большим почетом, богато одарили, поселили в хоромы и окружили заботой, но невесты показать никак не желали, говоря, что у русских так принято, а главное, стали всячески склонять гостя-лютеранина к принятию православия, намекая на то, что жить ему придется в Москве, а здесь лучше принадлежать к главенствующей религии.

У графа Вольдемара были совсем иные планы — он собирался уехать с молодой женой в Шлезвиг-Голштинию, назначенную ему в управление от отца, а вовсе не жить «в зятях» у русского царя; но, главное, он не желал менять веру.

После долгих препирательств Вольдемар чуточку уступил, согласившись на то, что дети, рожденные в браке с Ириной Михайловной, будут крещены по православному обряду; в этом был особый резон — один из их отпрысков мог унаследовать русский престол, и лучше заранее было устранить препятствия религиозного характера. На остальное граф никак не соглашался; в конце концов он решил отказаться от сватовства и уехать домой, но не тут-то было: его не отпустили, так прямо и сказав, чтобы «не было сраму русской короле в иных странах».

После этого на упрямого датчанина снова насели с угрозами, а он, будучи человеком твердых правил, стоял на своем и потихоньку готовился к отъезду. Не получив разрешения

на выезд, он надеялся покинуть Москву без оно́го, но был со своей свитой остановлен стрельцами у Тверских ворот. Датчане попытались прорваться и в свалке двух стрельцов закололи насмерть, но их, разумеется, принудили вернуться назад и определили под усиленный караул.

Учтя этот горький опыт, в другой раз принц попробовал выбраться нелегально, переодевшись и затерявшись среди людей в обозе литовских купцов. Но и этот номер не прошел: за ним слишком хорошо присматривали — подготовка к побегу и переговоры с литовцами не прошли мимо соглядатаев. Когда бежать не удалось и во второй раз, Вольдемар стал писать письма отцу, прося вытащить его из русской ловушки. Эти послания, пересылаемые с верными людьми, достигли адресата, и из Копенгагена в Москву полетели дипломатические ноты с требованиями отпустить принца.

Назревал крупный международный скандал, но русские ни в какую не желали отпускать жениха, отписываясь тем, что, дескать, он сам хочет жить в Москве. Несмотря на упорство Вольдемара, опекавшие его бояре все никак не могли отказаться от мысли купить его, уломать, задобрить, совершенно искренне полагая, что датчанин просто «ломается», хитрит и «набивает себе цену».

От назойливого гостеприимства несчастного графа Шлезвиг-Голштинского спасла только перемена правления: царь Михаил Федорович умер от внезапного приступа болезни, известной под старинным названием «грудная жаба», а вступивший на престол его сын Алексей Михайлович датчанина удерживать не стал. Он принял его, обещал отпустить с почетом, но принц, полтора года проживший в Москве принудительно, не дожидаясь прощальных даров и пышных эскортов, спешно покинул русскую столицу и уже с дороги благодарил царя письмом.

История эта наделала шума в Европе. И как ни убеждал фон Штаден актеров, что все это, может быть, когда-то и было, но времена уже давно поменялись и никого насильно в Москве не держат, рисковать, проверяя справедливость его слов, большая часть труппы не решилась, и пришлось Клаусу фон Штадену ехать в Москву с трубачом и тремя музыкантами. Ехал он, терзаемый сомнениями, опасаясь наказания за неисполнение задания и зря потраченные деньги, но оказа-

лось, что тревожился он совершенно напрасно: к тому времени, когда он вернулся в Москву, там уже состоялось первое представление местного театра!

Ожидая приезда профессиональной труппы, Артамон Матвеев, с разрешения государя, решил дать шанс местным любителям и обратился к пастору Грегори. Пастор Грегори, оценив перспективу и риск предложения, отнекиваться не стал. Да и, собственно говоря, деваться ему было некуда. Но в конце концов — не боги горшки обжигают, а театр хоть дело и хитрое, но не труднее богословия, которое Грегори превзошел, когда в этом возникла потребность. Некоторый опыт у него имелся, а дебютировать на большой сцене ему предстояло не в избалованном зрелищами Париже, а всего лишь в Москве, где при всей сложности специфики взаимоотношений особо искушенных театральными гурманов было не найти днем с фонарем.

Подбадривая себя столь утешительными рассуждениями, пастор бойко принялся за дело. Прежде всего он засел за пьесу. Главной проблемой было отношение к готовящемуся действу православной церкви, а потому, не мудрствуя лукаво, пастор выбрал для переделки в пьесу один из библейских сюжетов и, собравшись с силами, написал комедию «Агасфер и Эсфирь». Писал Грегори по-немецки, а перевод на русский сделал, пользуясь славянской Библией. Конечно, кое-что ему пришлось переименовать, и в русском варианте пьесы Агасфер стал Артаксерксом, а сама пьеса называлась «Артаксерксово действие», но сути это не меняло. Хитрец Грегори умудрился угодить царю изначально: сочиненная им пьеса своим смыслом указывала на историю второго брака русского царя. Судьба Эсфири походила на судьбу Натальи Кирилловны, Мардохей вызывал ассоциации с Матвеевым, под Аманом можно было разуместь царского дворецкого Богдана Матвеевича Хитрово.

После того как пьеса была готова, Грегори, по рекомендации Матвеева, вызвали во дворец, и царь указал ему «учинить комедию, и на комедии действовать из Библии книгу Эсфирь, и для того действия устроить хоромину». Словом, все было разыграно Матвеевым и Грегори, как по нотам.

Местом устройства «комедийной хоромины», в которой предстояло разыграть готовившееся действие, определили село Преображенское; все работы по обустройству первого русского придворного театра велись под наблюдением Матвеева. В конце октября 1672 года «хоромина» была готова, и начали ее внутреннюю отделку, которая должна была поразить своей роскошью и великолепием: стены зала драпировали «червчатым» (красным) и зеленым сукном. Росписью «хоромины» и устройством декораций занимался гамбургский живописец Петер Шимс, которого в русских документах называли «мастером перспективного дела». Оркестр составили домашние музыканты Артамона Матвеева, которыми руководил органист новой кукуйской кирхи Симон.

С постановкой спектакля помогал прежний коллега Грегори, учитель Георг Хюбнер (его фамилию и имя на русский лад переименовывали на Юрий Гивнер), вместе с которым они приехали в Москву. Судьбы обоих были схожи — как и Грегори, Хюбнер был саксонцем, как и Грегори, он отправился на поиски счастья и в 1649 году поступил в польскую армию. Прослужив семь лет, Хюбнер в бою под Дубровкой попал в плен к русским. Его отправили в Смоленск, где он прожил несколько лет, пока ему не удалось связаться с соотечественниками, жившими в Немецкой слободе Москвы. За Хюбнера стали хлопотать полковник фон Ховен и Вилим Брюс, к словам которых прислушивались при русском дворе; они просили разрешить пленному офицеру учить латыни и немецкой грамоте детей в Немецкой слободе. Разрешение на это было дано в 1658 году, когда через Смоленск проезжал Грегори; Хюбнер присоединился к нему, они вместе прибыли в русскую столицу, и оба учительствовали, пока Иоганн Готфрид не избрал благой удел священства.

Живя в Немецкой слободе, Георг Хюбнер женился на дочери кукуйского обывателя Андрея Юта, завел хозяйство, зажил своим двором; с Грегори они продолжали дружить. Когда потребовалась помощь в устройстве театра, он взял на себя часть хлопот, войдя в команду помощников пастора вместе Тимофеем Гасенкраухом, Иоганном Пальцером и Лаврентием Ринхубером. Репетировали с труппой Гасенкраух, который был в Немецкой слободе «известный игрец» (то есть актер), и Ринхубер, уже хорошо говоривший по-рус-

ски и имевший опыт игры на сцене во время учебы в Лейпцигском университете.

Работы шли полным ходом, но точно не было известно — состоится спектакль или нет. Царь, даже отдав приказ готовить действие, все же сомневался, не совершает ли он греха. Вопрос, как театральная игра выглядит с точки зрения канонов православия, был далеко не праздным для государя православной державы. В Москве той поры были запрещены светское пение, танцы и игра на большинстве музыкальных инструментов. Само лицедейство ревнители религиозных устоев почитали бесовщиной, равной скоморошеству, давно запрещенному и заклеяменному церковью по причине безнравственности. Хотя в случае скоморохов сыграло роль и то, что они были горазды на похабщину, а их прибаутки и куплеты сплошь состояли из самой отчаянной матерщины, за которую в Московии полагалось битье кнутом, а в случаях богохульства и урезание языка.

Поразмыслив, царь решил посоветоваться с высшим духовенством и спросил у патриарха: можно ли позволить немцам играть при его дворе комедию? Патриарх, сославшись на опыт христианских владык, в особенности на императоров Византии, имевших подобные зрелища при своих дворах, ничего предосудительного и греховного в подобном действе не нашел.

Премьера «Артаксерксова действия» была дана 17 октября 1672 года. Это было богатое представление с огромной массовкой и множеством персонажей, длившееся более десяти часов, в течение которых на сцену выходили более шестидесяти актеров, певцов и танцоров; это были ученики Григори — дети офицеров, купцов, ремесленников Кукуйской слободы. Очевидцам запомнился на сцене Лаврентий Христиан Блюментрост, младший сын доктора Блюментроста (сводный брат пастора Григори), который исполнил одну из главных ролей. Но те же очевидцы забыли указать, кого именно изображал юный Блюментрост: Эсфирь или Артаксеркса? Не исключено, что именно Эсфирь, поскольку Лаврентию Христиану было только семнадцать лет, а по обычаю старинного театра женские роли получали юноши или даже старшие мальчики, не имевшие бород и усов. Впрочем, таковых в труппе Григори было большинство, и возможно, что мо-

лодой человек, как едва ли не старший из актеров, подвязав фальшивую бороду, играл как раз Артаксеркса.

Царское семейство взирало на спектакль, сидя в креслах, обитых красным сукном, а остальная свита разместилась на простых деревянных скамьях. Царь с царицей были совершенно захвачены спектаклем, буквально не отрывали от сцены взоров. Они отлично поняли главный намек автора пьесы и по достоинству оценили старания Грегори.

По окончании представления Грегори поднес его величеству текст пьесы, переплетенный в сафьян с позолотой. Царь, пожелав выразить благодарность участникам спектакля, спросил: каких они желают для себя наград? Один из актеров-любителей сказал, что давно мечтает о воинской карьере, и попросил для себя чин стрелецкого сотника — его просьба была немедленно исполнена.

После явленного Грегори царского благоволения изменилось положение его отчима и отца Лаврентия Христиана — доктора Блюментроста. Ему дозволили начать медицинскую практику в Москве, и с тех пор его карьера шла только в гору. Доктор был удостоен личной аудиенции, в ходе которой от него были приняты рекомендательные письма курфюрста Саксонского. В финале аудиенции Алексей Михайлович наделил Блюментроста подарками: пожаловал деньгами, бархатом, сукном, соболями и серебряной посудой, а главное, объявил свою волю, что отныне он назначен лейб-медиком. Блюментросту было положено немалое жалованье — 130 рублей на год, а также «столовые деньги» — по 50 рублей в месяц.

Успех вдохновил Грегори на новые спектакли. Перед Рождеством состоялось еще несколько представлений «Эсфири». Это привело к щедрой царской награде: за свои труды 21 января 1673 года он получил в награду «сорбк» соболей, то есть связку собожьих шкур, из которых можно было пошить одну шубу.

На следующий день, в годовщину бракосочетания с Натальей Кирилловной, царь, находя, что многочисленному царскому семейству неудобно зимой ездить в Преображенское смотреть спектакли, приказал: «...над аптекой, что на дворце в палатах, построить хоромину как быть комедийно-

му действу». С устройством «хоромины» спешили — 25 человек работали днем и ночью, а в росписи помещений и подготовке декораций была занята целая артель живописца Андрея Абакумова со товарищи, которыми руководил придворный мастер «перспективного письма» Петер Инглис, свояк Хюбнера и старый знакомый Грегори.

Со всеми делами управились к началу Масленицы. В этом новом помещении было дано несколько представлений новой пьесы, в которых приняли участие ученики Грегори из Немецкой слободы и оркестр немецких музыкантов. Эту пьесу Грегори создал тоже на библейский сюжет «Юдифь и Олаферн», по изложению славянской Библии, со вставными номерами арий и хоров из разных немецких обработок сюжета о Юдифи. На русский лад спектакль назывался «Как Юдифь отсекла голову царю Олаферну». А в конце Масленичной недели в кремлевском придворном театре состоялась премьера балета на музыку композитора Генриха Шютца «Орфей и Эвредика». Этот балет впервые был поставлен на сцене дрезденского театра в 1638 году и с тех пор игрался несчетное количество раз; для саксонцев, служивших при русском дворе, это была своего рода «театральная классика».

В бумагах сына польского дипломата Рейтенфельдса, жившего тогда в Москве, сохранился отчет об этом представлении, написанный им «по горячим следам»: «Узнавши, что при дворах других европейских государей в употреблении разные игры, танцы и прочие удовольствия для приятного препровождения времени, царь нечаянно приказал, чтобы все это было представлено в какой-то французской пляске. По краткости назначенного семидневного срока сладили дело, как могли. В другом месте прежде представления следовало бы извиниться, что не все в должном порядке; но тут это было бы совершенно лишнее: костюмы, новост сцены и стройность неслыханной музыки, весьма естественно, сделали самое счастливое для актеров впечатление на русских, доставили им полное удовольствие и заслужили удивление. Сперва царь не хотел, чтобы тут была музыка, как вещь новая и некоторым образом языческая; но когда ему сказали, что без музыки точно так же невозможно танцевать, как и без ног, то он предоставил все на волю самих артистов. Во время представления царь сидел перед сценой на скамейке; для

царицы с детьми (от первого брака) был устроен род ложи, из которой они смотрели из-за решетки, или правильнее сказать, через щели досок, а вельможи (больше не было никого) стояли на самой сцене. Орфей прежде, нежели начать пляску между двух подвижных пирамид, пропел похвальные стихи царю».

Спектакль имел огромный успех, о чем свидетельствует то, что на Пасхальной неделе, 6 апреля 1673 года, пастор Григори, Георг Хюбнер и все остальные «комедианты» были приглашены в царский дворец и допущены к руке Алексея Михайловича. Это был знак неслыханной милости — прежде ни один лютеранский пастор и дети иностранцев к царской руке не допускались! И мало того: после этого артистов и их наставников пригласили к праздничному столу, чего удостоивались далеко не все московские бояре.

7. Шотландские карьеры

В те дни резкий поворот произошел в судьбе еще одного иностранного энтузиаста театрального дела: на премьере «Артаксеркова действия» ассистент доктора Блюментроста — студент Лаврентий Ринхубер познакомился с состоявшим на русской службе шотландским полковником Полом Менезисом (возможно прочтение этой фамилии как Менгес), которого на русский лад звали Павлом Менезием.

Павел Менезий принадлежал к шотландскому аристократическому роду. Во время правления Кромвеля дела его семейства пришли в плачевное состояние, и он как младший сын, согласно старинному шотландскому обычаю, отправился искать счастья на чужбине. Молодой человек завербовался в польскую армию, где познакомился с другим офицером-шотландцем, Патриком Гордоном, таким же, как и он, эмигрантом благородных кровей, вынужденным скитаться по чужбине. Гордон окончил Браусбургский колледж в Данциге и в июле 1655 года поступил в шведскую армию. После нескольких походов, совершенных в шведском войске, он попал в плен к полякам и, как часто бывало в то время, принял предложение о переходе к ним на службу. Возмож-

но, к этому шагу его подтолкнуло еще и то немаловажное обстоятельство, что шведы по исповеданию были лютеранами, а Патрик Гордон — убежденным католиком. Среди католиков-поляков шотландец чувствовал себя вполне комфортно. В польской армии Патрик Гордон прославился как редкий храбрец и задира, получив прозвище Стальное Запястье и репутацию отчаянного бретера.

В это время военная удача была на стороне польского войска; русская армия, понеся большие потери, отступила почти со всей территории Малороссии, уже входившей в состав земель русской короны. Немало русских попало в плен, в том числе и иноземные офицеры, служившие русскому царю. Во время боев под Чудно личными пленниками Гордона стали два полковника русской службы — Сиков и англичанин Томас Кроуфорд.

В 1661 году, после заключения перемирия, в Варшаву для переговоров с польским королем Яном-Казимиром прибыл опытный русский дипломат Василий Федорович Леонтьев, который помимо всего прочего обсуждал условия по обмену и выкупу пленных. Русские полковники, которых он выкупил у Гордона, рассказали послу, что господин Патрик, офицер знающий и человек хороший, обращался с ними по-доброму, данное слово держал. Человек он небогатый, ищущий лучшей доли, польской службой тяготится и уже подал в отставку, намереваясь перейти в армию императора Священной Римской империи Леопольда I.

Заинтригованный столь лестными рекомендациями, Леонтьев встретился с Гордоном и пригласил его на русскую службу. Согласие было получено; к Гордону присоединился и будущий Павел Менезий. Дорогой они заехали в Ригу, где Гордон встретил своих земляков, Ландельса и Вальтера Айрта, с которыми служил в шведской армии. Они и еще несколько человек англичан, валлийцев и шотландцев по окончании войны оказались в Риге без новых контрактов и подыскивали место новой службы. Мистер Стальное Запястье позвал их с собой в Московию, и вскоре вся эта компания отправилась в дорогу.

Как было условлено заранее, Менезий и Гордон получили назначение в полк Кроуфорда, соответственно в чине капитана и майора. Полк сначала квартировал у Красных ворот, но

потом его перевели в слободу Огородники, где они встали на обывательских квартирах — между Мясницкой и Покровкой. Под команду Гордона отдали 700 русских солдат и несколько офицеров, часть из которых были русскими. Рядовые были из числа штрафованных — большей частью из дезертиров, пойманных в разных местах и возвращенных в полк. Гордон основательно за них взялся и гонял на учения дважды в день.

Постепенно Менезий и Гордон обжились в Москве, втянулись в службу, стали принимать участие в местных забавах — так, Гордон в июне 1662 года выиграл на скачках, сорвав куш в изрядную по тем временам сумму 100 рублей, которые, впрочем, почти целиком ушли на угощения и пиры для тех, кто приходил поздравить его с удачей.

Упоминание о скачках, сделанное в дневнике Гордона, открывает нам неожиданную сторону московской жизни той поры — даже в Париже, при дворе французских королей, первые скачки на призы состоялись 23 февраля 1689 года. Судя же по записи в дневнике Гордона, в Москве скачки проводились за двадцать шесть лет до этого, а вероятно, и того раньше, поскольку Стальное Запьястье упоминает о них как о деле вполне обычном, в котором он просто принял участие и выиграл.

Среди приятелей, приобретенных Гордоном и Менезием в Москве, был шотландец Айвен Аннанд, который прежде служил в армии и даже имел чин капитана, но предпочел оставить службу ради более выгодных занятий медициной в русской столице. Свели их весьма прискорбные обстоятельства: как-то раз, зайдя в гости к Менезию, Гордон излишне приналег на вареную щуку и водку, переел и расхворался. Для пользы лечения с полковой квартиры Гордона перевезли в Немецкую слободу, в дом полковника Снивенса, где его окружили заботами семейство Кроуфорд и хирург Аннанд, взваливший на себя обязанности врачевания.

Мистер Аннанд, как и другие московские знакомые шотландцев, уже давно жившие в Москве, без устали твердил Гордону и Менезию, которые считались завидными женихами, что им пора жениться.

В Немецкой слободе брачные интриги были одним из самых ярких и насыщенных эмоциями развлечений. Окрутить

вновь прибывших на жительство в слободу холостяков было своего рода спортом, многодневным действием, за ходом которого следили десятки заинтересованных глаз. Созерцатели делились на партии, каждая из которых «болела» за свою кандидатку в супруги, всячески стараясь ей помочь «устроить судьбу». Тайно принимались даже ставки на то, кто из претенденток сумеет увести под венец очередной объект брачной охоты.

Первым из двух друзей-шотландцев капитулировал осажденный сватами Павел Менезий, который женился в 1662 году. Вслед за ним стал склоняться к мысли о законном браке и Гордон, решивший подобрать себе суженую из офицерских дочерей, справедливо полагая, что люди одного с ним сословия и примерно равных доходов охотнее его примут. Перебрав несколько кандидатур, он остановился на Катарине Бокховен — дочери Филиппа Альберта ван Бокховена, который вместе с отцом и братом, как мы помним, прибыл в Москву еще при царе Михаиле, обжился и осел здесь, похоже, навсегда.

С будущей невестой Гордона свел Аннанд. Отец девицы в это время пребывал в плену у поляков, попав туда в ходе той же кампании, что и полковник Кроуфорд. Его брат Корнелиус ван Бокховен тоже угодил в плен, но ему удалось освободиться при посредничестве посла Леонтьева, как Кроуфорду и многим другим. В 1662 году Корнелиус уже был в Москве.

То, что Катарине было всего тринадцать лет, Гордона совершенно не смущало — девушка она была крепкого сложения, рослая и вполне уже созревшая. Он явился в дом Корнелиуса Бокховена и, застав предмет своего интереса в одиночестве, с прямою шотландца, недаром носившего прозвище Стальное Запястье, изъяснил свой интерес. Девушка ответила, что целиком полагается на волю своей благодетельной матушки, а потому как та скажет, так она и поступит.

С тем они и распрощались. Случай переговорить с будущей тещей Патрику представился уже на другой день: у Катарини ван Бокховен был день рождения, и, будучи приглашен на торжество вместе с Айвеном Аннандом, Патрик Гордон, купив в подарок дамские перчатки, ленты, еще кое-чего по мелочи, все это поднес виновнице торжества. Тут же, не от-

кладывая дела, он объявил мамаше своей избранницы, что намерен просить руки Катарины.

Пребывая в некотором смятении чувств, госпожа Бокховен кликнула свояка, и явившийся на зов Корнелиус заявил, что при живом отце, без его согласия, решать брак дочери совершенно невозможно. Решили ждать возвращения Филиппа Альберта ван Бокховена, договорившись, что майора станут принимать в доме как жениха, а Катарина без него или его согласия не будет посещать свадьбы, балы и другие увеселения.

Меж тем служба Гордона и Менезия шла своим чередом — оба побывали с войсками на Украине, участвовали в осаде Риги и в других боевых делах, в которых отличились, за что в 1663 году оба получили повышения — Гордон стал подполковником, а Менезий майором.

Долгое ожидание свадьбы тяготило Гордона, и он принял усилия, чтобы ускорить возвращение потенциального тестя. Место его содержания было известно, и Гордон, вступив с Филиппом ван Бокховеном в переписку, несколько раз посылал ему денег. Тем временем поляки объявили, что готовы разменять Бокховена на своих, но, понимая, сколь важная фигура находится у них в руках, они желали получить за него большую группу польских пленников. Переговоры тянулись более года, наконец на исходе 1664 года пленные поляки по согласованному списку были собраны в Смоленске. Но ни брат пленника, ни Гордон, занятые делами службы в Москве, выехать на место, чтобы проконтролировать обмен, не смогли, и поляки, назначенные за Бокховена, были обменяны на других людей. После срыва обмена госпожа ван Бокховен, которая уже привыкла смотреть на Патрика как на зятя, написала мужу письмо, прося его дозволения на брак дочери с Гордоном.

13 января 1665 года, ровно через два года после сделанного предложения, дело наконец решилось. Госпожа Бокховен объявила, что согласна выдать Катарину за Патрика, если обряд венчания пройдет по реформаторскому обряду. Скрепя сердце католик Гордон согласился и на это — спорить было бесполезно, да и что бы он мог предложить взамен: ехать венчаться по католическому обряду в Польшу? Таким образом,

свадьба подполковника Гордона и девицы Катарины, дочери полковника ван Бокховена, состоялась 26 января 1665 года, а спустя десять месяцев у них уже родилась дочь, нареченная Екатериной-Елизаветой.

В 1666 году подполковника Гордона отправили в Англию, с поручением к королю Карлу II. Он был принят милостиво и, исполнив порученное, не упустил возможности устроить дело семейного свойства: сэр Патрик попросил английского короля ходатайствовать перед польским королем об освобождении его тестя. Этот шаг мог обернуться международным скандалом и перечеркнуть его карьеру, но риск себя оправдал, и в результате давно тянувшееся дело было благополучно разрешено.

Голландец Бокховен, состоявший на русской службе, казалось, никоим образом не мог вызвать сочувствие Карла II, однако русский посланник сумел повернуть дело так, что в Польшу было отправлено письмо, адресованное польскому королю, в котором английский монарх просил освободить состоявшего на русской службе полковника Бокховена. Основанием для просьбы послужило заверение, что пленник является природным англичанином, долгие годы служившим британской короне, но «во время последнего мятежа» (имелась в виду английская революция) он, как и многие другие, вынужден был покинуть страну и в поисках лучшей доли оказался в Москве, где поступил на русскую службу. И вот король Карл просил польского короля «о братской услуге»: распорядиться, чтобы господина Бокховена отпустили и дали возможность вернуться в Англию, где теперь, после реставрации королевской власти, ему уже ничто не угрожает. Эта уловка сработала, и в 1667 году Филипп Альберт ван Бокховен получил свободу, но, как и можно было ожидать, в Англию не поехал, а направился напрямиком в Москву, где ждали его жена, дочь, зять и внучка. После его возвращения военная карьера Гордона в России пошла еще успешнее.

В 1669 году сэр Патрик получил долгий отпуск и съездил на родину, где не был восемнадцать лет. В Эдинбурге его принимали с большим почетом, а в Абердине, из которого происходил род Гордонов, объявили почетным гражданином. Посетил он и заметно обветшавшее родовое поместье. Но жизнь

Гордона уже накрепко была связана с Москвой, где в Немецкой слободе у него была большая усадьба.

Товарищ Гордона, Павел Менезий, несколько отставал от него в военных чинах, но сильно обогнал его на поприще дипломатической службы. Он сумел завести весьма полезное знакомство, будучи в Смоленске, где стрелецким головой служил Кирилл Полиектович Нарышкин, брат которого был женат на одной из сестер Гамильтон-Хомутовой, происходивших из рода, состоявшего хотя и в отдаленном, но все же родстве с родом Менезия. Получалось, что стрелецкий полковник Нарышкин был Павлу Менезию дальним родственником, а вместе они приходились дальней родней могущественному Матвееву, женатому на сестре свояченицы Кирилла Полиектовича. Когда же дочь Кирилла Полиектовича Нарышкина, Наталья Кирилловна, стала супругой русского царя, Павел Менезий — через Нарышкиных и Гамильтонов — получил отличную протекцию при дворе.

Его произвели в полковники и стали использовать для исполнения дипломатических поручений; в частности, послали на родину, в Шотландию, для набора горных мастеров. Наконец ему предложили возглавить русское посольство, направлявшееся в вояж по европейским странам. Полковнику требовались грамотные, знающие и способные люди — все эти качества он рассмотрел в предприимчивом саксонце Лаврентии Ринхубере.

Полковник предложил Ринхуберу место секретаря посольства, направлявшегося в Вену, Берлин, Дрезден, Венецию и Рим с целью создания антитурецкой коалиции европейских христианских государств. Пребывавший без верного дела и хорошего заработка, Ринхубер принял предложение и в конце 1673 года выехал из Москвы вместе с посольством. Во главе этой миссии кроме Менезия стояли дьяки Посольского приказа Украинцев и Виниус. Часть посольства с Виниусом поехала во Францию и Англию, Украинцев отправился в Саксонию, а Менезий вояжировал по итальянским государствам и Австрии.

Во время этих путешествий Ринхубер оказал немало услуг своему патрону, который неоднократно слал в Посольский приказ похвальные отзывы о секретаре посольства. И хотя

затея с коалицией столь разных государств — православного царства, католических республик и королевств, протестантских герцогств и курфюршеств — ввиду утопичности самой идеи завершилась неудачей, это посольство было далеко не бесполезно. Стараниями дипломатов удалось пригласить в Россию многих прекрасных мастеров, профессиональных военных, врачей и иных специалистов.

«Ведавший» Посольский приказ Матвеев был способен к масштабным замыслам. В течение довольно долгого времени российская дипломатия пыталась осуществить проект огромного транзитного пути от границ Индии к морским портам Балтики. Через Каспий, по Волге, системе впадавших в нее рек и через волоки предполагалось доставлять восточные товары — главным образом пряности, шелк, краски — для реализации их на европейских рынках. План этот был настолько близок к воплощению, что в селе Дединове на Оке мастера голландской Ост-Индской компании даже построили военный корабль «Орел», который должен был конвоировать купеческие караваны, защищая их от каспийских и волжских пиратов.

Ведомством Матвеева рассматривались планы широкой коалиции против Турции, для чего и было послано посольство Менезия, Винууса и Украинцева. После его неудачи Матвеев ухватился за новую идею, предложенную герцогом Саксонским Эрнстом, от которого в качестве специального посланца в Москву приехал уже известный нам Лаврентий Ринхубер, совершивший занятный кульбит: он покинул место секретаря при русском посольстве Менезия и остался в Дрездене при герцогском дворе. Спустя некоторое время он уже ехал в Московию с письмами царю Алексею Михайловичу, главе Посольского приказа Артамону Матвееву и старшинам Немецкой слободы.

Проект герцога, изложенный Ринхубером, сводился к предложению московскому царю установить отношения с Абиссинией. В течение нескольких часов кряду Ринхубер объяснял, что в распоряжении саксонцев есть сведения об Абиссинии населенной эфиопами, обращенными в христианство еще в апостольские времена. Правители Абиссинии — негусы — свой род производят от библейского царя Соломона и царицы Савской. Они крайне озабочены действиями

своих соседей, исповедующих ислам, а это есть крепкая основа для военного и торгового союза, направленного против Турции. В Москве Ринхубера выслушали благосклонно, и для дальнейшего обсуждения планов «по абиссинскому направлению» послали вместе с ним в Саксонию гонца Польского приказа, подьячего Семена Михайловича Протопопова.

Сам герцог в это время болел, и переговоры с Протопоповым вел его сын и наследник престола герцог Фридрих. Вот что донес Протопопов, возвратившись в Москву: «Князь Фридрих и его советники говорили, что Абиссиния — государство древнее и государь у них свой, который почитает себя королем и пребывает в своем владычестве и доньне. Стоит его государство близ Египта, гранича с ним и с Персидским государством. Люди там греческой веры... Земное житие плодами и всякими вещами изобилует. Путь в Абиссинию лежит через Царьград и Персидское государство. Язык у них свой, абиссинский. От них человек один, именем Григорий Дедом Амгара, у князя Эрнеста был в посланниках, и от князя Эрнеста в Абиссинию человек послан был, для осмотра государства и обычаев тамошнего народа».

В завершение Протопопов излагал предложение саксонской стороны: послать к абиссинскому правителю русских послов от государя «единой с ними, греческого закона, веры», побуждая абиссинского владыку к союзу и действиям против турок. Впрочем, вскоре планы эти испарились: герцог Эрнст тяжело заболел, а сын его Фридрих идею союза со столь дальним государством отверг.

Вернувшись снова в Москву, Ринхубер поступил в русскую службу «дохтуром Аптекарского приказа». Но медицинская практика его привлекала мало. Он грезил дальними экспедициями в Африку и Азию и еще некоторое время пытался уговорить Матвеева снарядить миссию в далекие края. Если не в Африку, так хотя бы в Персию...

Тем временем в Москве наблюдался, можно сказать, «театральный бум». Театр захватил царя, и, чтобы развить так хорошо начавшееся дело, пастору Грегори было приказано основать в Немецкой слободе «комедийную» школу». Куратором это начинание Артамон Сергеевич Матвеев, лично

отобравший из москвичей Мещанской слободы 26 человек, которых по его приказу 16 июня 1673 года отправили в распоряжение пастора. Учащемуся школы была положена стипендия, «покамест в ученье будет, по 4 деньги на день».

«Первый выпуск» школы состоялся в октябре 1673 года, когда на новой дворцовой сцене был сыгран «дипломный спектакль» «История в лицах о праведном Товии». Постановка недешево обошлась казне, однако было сочтено, что затраты вполне окупились: спектакль имел успех и по приказу царя школа продолжила работу.

Новыми премьерами стали спектакли по духовной пьесе «Иосиф» и светской — «Баязет». В рождественский мясоед 1674 года комедии давались в Кремлевском дворце; 24–26 февраля, на Масленичной неделе, в Преображенском, а 27 февраля в Кремле. Так как не было двойного комплекта театральных принадлежностей, то декорации и весь реквизит перевозили с места на место; из списка перевозимого имущества видно, что придворный театр был обеспечен всем необходимым. В перечне назначенного к перевозке театрального скарба значились орган, рамы, на которые натягивались холстины декораций, ковры, сукна, столы «и всякий иной наряд»; для перевозки всего этого требовалось восемнадцать подвод.

Во время масленичных гуляний на старой сцене в Преображенском играли спектакль «Как Юдифь отсекла голову царю Олаферну». Музыкальное оформление обеспечивали «на органах немцы да люди двора Артамона Сергеевича Матвеева». А в последний день Масленицы в Преображенском дано было музыкальное представление. Слушателями кроме царского семейства были бояре, окольные, думные дворяне, думные дьяки, ближние, стольники и «всяких чинов люди».

После наступления Великого поста 1674 года имущество театра снова увезли в Москву, спектакли были прекращены — в пост не играли на русской сцене никогда. Последние представления в Кремле были в зимний мясоед 1675 года — одно из них 11 февраля, в четверг на Масленице, началось в десятом часу вечера, а кончилось в пятом часу пополуночи, следовательно, продолжалось около семи часов.

Осенью 1675 года были, вероятно, опять представления в Преображенском, а в Кремлевских палатах состоялась гастроль фокусника, прибывшего в свите австрийского посла

Баттони. Тогда в дипломатические вояжи отправлялись большими компаниями, везя множество служителей разного рода, не имевших к дипломатии никакого касательства, в том числе искусников по части развлечений. Привезенный австрийским послом престижиджигатор поразил всех своим искусством. Ловкость его была такова, что русские зрители «считали его чародеем, который морочит людей бесовской силой».

Прослышав об этом искуснике, немецкие и русские актеры московского придворного театра стали просить посольских чинов разрешить ему принять участие в постановке новой комедии, которую они готовили. Австрийскому послу говорили, что участие такого мастера доставит русскому царю и царице огромное удовольствие, а это может весьма благотворно отозваться на исполнении данных ему от его собственного государя поручений. На это посол ответил, что и рад бы был, но срок его посольства вышел, все дела исполнены и ему надлежит в ближайшее время покинуть Москву, а оставить здесь своего человека одного он не решается именно из-за того, что его выступление может слишком понравиться русскому царю. Акцент делался на этом «слишком», поскольку всем были известны случаи, когда иноземцы, чем-либо особо глянувшиея русским правителям, удерживались в России силой.

Когда слух об удивительном престижиджигаторе достиг царских ушей, посольство Баттони уже выехало из Москвы, и ему вслед был отправлен не кто-нибудь, а сам Павел Менезий, который уже был в чине генерала. Так его отметили главным образом за поведение в Риме, где он, католик, имея аудиенцию у папы, все же не принял от него грамоту, в которой титул русского царя был понижен, и вообще проявил твердость в отстаивании интересов пославшего его государя.

Генерал Менезий погнался за посольством Баттони и настиг его в Смоленске, где вступил в переговоры с господином посланником, прося отпустить престижиджигатора вместе с ним в Москву. Генерал давал послу гарантии того, что, выступив в Москве перед самим царем, фокусник будет щедро награжден и отпущен в свое отечество. Господин Менезий справился и с этим поручением — Баттони согласился отпустить фокусника, если тот сам пожелает ехать. Соблазненный посулами, артист недолго колебался и отправился в об-

ратный путь. Прибыв снова в русскую столицу, он дважды выступил в Кремлевских палатах, приведя в изумление царя и царицу своей ловкостью, после чего был осыпан наградами и вполне благополучно выехал из страны.

В начале 1675 года главный режиссер и драматург придворного театра — пастор Иоганн Готфрид Грегори поехал в Европу лечиться и обратно не вернулся — 16 февраля 1675 года он умер в Мерзербурге. Вместо него был назначен его ближайший помощник, один из тех, с кем пастор начинал театральное дело в Москве, Георг Хюбнер; вскоре его, однако, сменил польский шляхтич Стефан Чижинский, служивший переводчиком в Посольском приказе.

Судьба этого человека складывалась довольно замысловато. Родился он в семье шляхтича во Львовском повете Речи Посполитой. Родители его были православной греческой веры, а следовательно, можно предположить, что обучался пан Стефан, скорее всего, в киевских школах, находившихся в православных монастырях, а не в львовских, краковских или варшавских католических коллегиях. В том, что образование у него имелось, сомневаться не приходится.

Первоначально молодой человек, как и надлежало выходцу из его сословия, попытался сделать карьеру военного, записавшись в полк гетмана Потоцкого, и даже стал ротмистром, получив под начало отряд в полторы сотни всадников. Но полк был разбит в пух и прах в одном из многочисленных сражений того времени, а сам Чижинский чудом остался жив. После этого приключения он охладел к военной службе и вскоре объявился в Киеве в Богоявленском монастыре. При монастыре была школа, которая так славилась, что монастырь благодаря ей еще называли «училищным». Можно предположить, что Чижинского там хорошо знали; во всяком случае, его сразу приняли в число учителей столь знаменитого учебного заведения, и он два года преподавал латынь.

Среди его учеников было несколько смоленских шляхтичей, которые, окончив курс, позвали учителя с собой. Легкий на подъем Чижинский выехал в Смоленск, где «бил челом» царскому стольнику Михаилу Андреевичу Голицыну. Он сумел произвести на стольника самое благоприятное впечатление, и с его дозволения, при поддержке своих бывших учеников, открыл собственную школу.

Затем, прожив в Смоленске еще два года, он отправился в Москву в надежде выхлопотать выгодную службу. В своей челобитной Чижинский указал на познания в языках, и из Разрядного приказа, ведавшего назначениями, его отправили в Посольский приказ к Артамону Сергеевичу Матвееву, который, проэкзаменовав шляхтича, распорядился принять его переводчиком и гонцом. В этом качестве Чижинский совершил несколько вояжей в Европу, приобретя между делом репутацию человека, который разбирается в театре. По крайней мере, после смерти Грегори, когда Хюбнер не выказал достаточного рвения и таланта в управлении театром, именно Чижинского назначили новым директором театральных дел. Под его командой оказалось 80 человек, занятых в сценических постановках, с которыми он сразу же стал обращаться как сущий деспот. Взяв актеров в ежовые рукавицы, он заставлял их учить роли по ночам и, разумеется, беспрекословно исполнять все его указания. Но к счастью, деспотизм был не единственным ярким качеством Чижинского; он проявил себя как талантливый распорядитель и режиссер и даже как настоящий драматург, написав пьесы «О Бахусе с Виниусом» и «Давид и Голиаф»; последнюю ставили на русской сцене еще при Петре Великом.

При всем при том новый директор проявлял редкое бескорыстие — за свою работу он денег не получал и не требовал, хотя труд его актеров оплачивался — они получали «корму на алтын в день». Лишь после успеха пьес Чижинского его хорошо наградили. Однако в фаворе он пребывал недолго — в январе 1676 года умер царь Алексей Михайлович, и представления в комедийных храминах прекратились.

Актеры школы Грегори разбрелись, все причастные к театру занялись другими делами. Чижинский, судя по документам, продолжил службу в Посольском приказе; в 1695 году вместе с тремя другими приказными переводчиками он участвовал в переговорах под Азовом.

Третьему царю из династии Романовых, Федору Алексеевичу, пришел черед править в 1676 году, когда ему едва минул четырнадцатый год. В наследство кроме царских регалий и самодержавной власти он получил истощенную долгой войной казну, напряженные отношения с Польшей и Турци-

ей, соперничество боярских партий. Большие внешнеполитические авантюры, затеавшиеся во время правления отца его близким другом Матвеевым, мало волновали воображение Федора Алексеевича, но и противником его дел он вовсе не был. Покойный его батюшка, Алексей Михайлович, стремился дать детям порядочное образование, и для своего времени царь Федор был просвещенным человеком, но вместе с тем в нем хорошо заметны все те противоречия, которые разрывали русскую жизнь на исходе XVII столетия. Светским наукам царевича Федора наставлял ученый монах Симеон Полоцкий, который, как умел, развивал интеллект питомца, прихотив его к европейской культуре, в особенности к польской, коей и сам был большой поклонник. Духовным же воспитателем наследника престола был патриарх Иоаким, известный борец со всякой «иноземщиной». Под влиянием двух столь противоположных фигур Федор Алексеевич вырос набожным и замкнутым, но совсем не чуждым светским радостям. Противоречивая ситуация нашла отражение и в положении театра: официально его распустили, просто не возобновив спектаклей, но в царских палатах давала представления любительская труппа, состоявшая из молодых людей и девиц лучших русских фамилий.

В труппе молодых аристократов была даже своя знаменитость — Татьяна Ивановна Арсеньева из окружения царевны Софьи с блеском представляла Екатерину-мученицу в трагедии, сочиненной самой царевной. На этих представлениях бывал и царь Петр, тогда еще мальчик; он так был впечатлен игрой Арсеньевой, что с той поры иначе как «Екатериной-мученицей» ее не называл.

Царь Федор Алексеевич любил музыку и пение — он сам руководил хором, составленным из придворных, исполнявших духовные распевы. Также с удовольствием смотрел он спектакли кремлевских любителей по пьесам Симеона Полоцкого «Блудный сын» и «О царе Науходоносоре, о тельце златом и трех отроках в печи». Позже из царских палат эти пьесы перекочевали на сцену в Заиконоспасском монастыре, где находилась школа, готовившая подьячих — чиновников для государственных учреждений. Здесь студенческий театр возник по европейской традиции, перенятой от выпускников малороссийских академий и коллегий, из кото-

рых в большинстве своем и состоял костяк преподавателей. Дважды в год, на Масленицу и Рождество, на школьной сцене силами студентов ставились комедии. Училищное начальство полагало таким образом решить несколько задач разом: занять молодых людей делом, раскрепостить юношеские души и «принести некоторую пользу зрителям» назидательным действием.

В силу малолетства и неопытности государя-юноши, первое время делами Московского царства от его имени управлял придворный триумвират, состоявший из патриарха Иоакима, главы Посольского приказа Артамона Сергеевича Матвеева и двоюродного брата покойной матушки царя Ивана Богдановича Милославского, опытного воеводы и царедворца. Это были лидеры могущественных придворных кланов, между которыми шла постоянная борьба за влияние на Федора Алексеевича, а фактически за власть в царстве. В эту пору свершилось многое из того, что теперь ошибочно приписывают правлению Петра Великого. Так, в 1678 году провели всеобщую перепись населения, что позволило изменить систему налогообложения. Было уничтожено «местничество» — система назначений на должности по древности родов и заслугам предков, а не по личным качествам претендентов. По распоряжению Федора Алексеевича увеличилось количество «полков иноземного строя», а на службу в московском войске приглашалось все больше офицеров-иноземцев.

Сложные интриги плелись вокруг мачехи царя, Натальи Кирилловны Нарышкиной, родившей крепкого мальчугана Петра, которому, при определенных раскладах, выходила судьба наследовать трон.

Царь Федор с малолетства болел, его младший брат Иван также родился слабеньким да «не борзый разумом» и не подавал надежд с годами выправиться. Клан Милославских ополчился против Нарышкиных, стремясь заранее лишить пока еще малолетнего Петра Алексеевича возможностей в грядущей борьбе за престолонаследие. Однако сам Федор оказывал Наталье Кирилловне такое же почтение, как и при жизни отца, был внимателен и ласков с Петром и его младшей сестрицей Натальей. Видя его такое отношение, родственники Федора Алексеевича по матери не рискнули открыто и сразу

выжить из Кремлевских палат вдовствующую царицу «со чады», но постарались обезглавить клан родственников и сторонников, стоявших за ней.

Мнительному царю Федору нашептывали, что Матвеев хотел извести его еще при жизни отца, дабы расчистить прямую дорогу к трону Петру. Будто бы Матвеев недобросовестно пробовал лекарства, предназначенные царевичу. По заведенному регламенту лейб-медики Стефан Симон и Костериус готовили лекарства по рецептам, которые хранились в Аптекарском приказе. Сначала готовое лекарство пробовал доктор, потом боярин Матвеев, потом государевы дядьки Федор Федорович Куракин и Иван Богданович Хитрово, и лишь после этого снадобье принимал царевич Федор, но выпивал его не до конца — остатки в его присутствии должен был употребить все тот же Матвеев. Но он, как уверяли царя бояре Куракин и Хитрово, не допивал после царевича снадобья. Это давало повод к подозрению, что Матвеев либо уже травил Федора Алексеевича, либо готовился подсыпать яду.

Усилия шептунов возымели успех, и молодой царь распорядился удалить Матвеева из Москвы — в июле 1676 года его отправили на воеводство в Верхотурье, но дорогой взяли под арест. Царским указом Матвеев был объявлен государственным преступником и лишен всех почестей и имений. Под конвоем старого боярина отправили на жительство в Пустозерск, где томились особо важные преступники. Впрочем, положение Матвеева было не так уж и безнадежно. При дворе у него остались добрые знакомые, которые всячески старались вернуть его из ссылки. Эту партию возглавлял Иван Максимович Языков, выступавший в роли советника молодого царя.

Довольно рано оказавшийся при дворе, Иван Максимович занимал разные должности и приобрел большую ловкость в ведении дел. Способного молодого дворянина приметили союзники в придворных интригах, бояре Юрий Алексеевич Долгоруков и Богдан Матвеевич Хитрово, которые после удаления Матвеева опасались усиления позиций Ивана Милославского. По протекции столь мощных покровителей Языков был возведен в должность царского постельничего, что ввело его в самое ближайшее окружение царя. Отлично

ориентируясь во всех хитросплетениях придворной жизни, в Кремлевских палатах Иван Максимовичи чувствовал себя как рыба в воде и постепенно усиливал свои позиции. С особенной ловкостью он повернул к своей пользе интригу, завязавшуюся 4 апреля 1680 года, когда по обычаю Московского царства, унаследованному от византийцев, производился обряд «шествия на осляти», символизировавший въезд Иисуса Христа в Иерусалим.

Как и полагалось в таком случае, в воскресенье накануне Страстной седмицы, на Руси называемое Вербным, после праздничной службы во Входеоерусалимском приделе Покровского собора на Красной площади пышная процессия отправилась в Кремль: патриарх ехал верхом на лошади, которую вел под уздцы царь. Поглазеть на эту церемонию обычно сходились множество народу, и среди него Федор Алексеевич заметил некую девицу, одетую в польское платье. Будучи завязтым «полонофилом», Федор Алексеевич так был заинтригован, что попросил Языкова отыскать девушку и осторожно выяснить, кто она.

Вскоре Иван Максимович сообщил царю, что замеченную им девушку зовут Агафья Семеновна Грушецкая, а отец ее Семен Федорович, смоленский шляхтич, в былые годы служил литовскому гетману. В Москве Грушецкие оказались после того, как Семен Федорович женился на Марии Заборовской, двоюродный брат которой Семен Иванович служил московскому царю, имея звание думного дворянина и придворный чин окольничего. По протекции Семена Ивановича шляхтич Грушецкий был принят на службу, стал писаться московским дворянином и получил место воеводы в Чернавске. Пока батюшка Агафьи нес службу, обороняя московские рубежи, его супруга и дочери жили в Москве, в доме Заборовского в Китай-городе, куда и был послан Языков, чтобы сообщить дядюшке Агафьи Семеновны просьбу царя не торопиться выдавать племянницу замуж.

Не откладывая дела в долгий ящик, царь Федор летом того же года объявил Агафью Грушецкую своей невестой. Этот выбор совершенно не устраивал Милославских, которые хотели женить царя на девице из дома своих союзников, и, чтобы как-то повлиять на решение Федора Алексеевича, Иван Богданович Милославский стал уверять его, что Агафья и ее

мать обе поведения самого порочного, о чем по Москве идет слух, и, мол-де, что, женившись на Грушецкой, царь себя опозорит. Однако Федор Алексеевич был не так прост, чтоб поверить одним словам, — он снова отправил Языкова в дом Заборовского, поручив ему добиться верных сведений «о состоянии невесты».

Задача была крайне трудная — царские посланцы никак не могли приступить к существу дела, ведя разговоры с Семеном Ивановичем «вокруг да около», покуда в дело не вмешалась сама девица. Подслушивая, о чем говорят с дядей посланцы царя, она обо всем догадалась и, набравшись духу, вышла к гостям, объявив им, что распускаемые о ней слухи вздорны и она своей жизнью клянется в том, что «о состоянии невесты» государю беспокоиться не стоит. Таким образом, дело было решено, попытка боярина Милославского провалилась, а сам он был пощажен только благодаря заступничеству Агафьи Семеновны, но, много потеряв в глазах царя, утратил свое влияние, из-за чего затаил на Языкова большую злобу.

Почти сразу же после того, как Агафья Семеновна была объявлена невестой, они венчались с нею в Успенском соборе, проведя церемонию без всякой пышности и очень скромно отпраздновав свадьбу. Воспитанная польской няней царица Агафья, грамотная, знавшая польский язык, любившая книги и умевшая постоять за себя, имела на мужа большое влияние. Не без ее участия царь Федор отменил запреты прежних лет на бритье бород и ношение иноземного платья для русских. Подавая пример подданным, он сам облачился в польское платье, перестал брить голову, как это прежде делали русские цари, и отпустил длинные волосы. Придворным было запрещено являться в Кремль в охабнях, однорядках и терликах. Старые бояре стали стричь бороды, а молодые так и бриться. Прямо в Кремлевских палатах курили табак, за что прежде полагалось наказание кнутом, «невзирая на чины». В Заиконоспасском монастыре в 1681 году была основана Типографская школа — учебное заведение, посылно копирующее европейские колледжи. Решался вопрос об открытии «латинских школ» при московских монастырях.

Царственная семейная пара, во многом совпадая во взглядах и имея общие интересы, судя по всему, была счастлива, но счастью их не суждено было быть долгим. Год спустя после свадьбы, летом 1681 года, молодая царица, не оправившись после тяжелых родов, умерла, а через три дня умер рожденный ею царевич. Эти смерти сильно ударили по царю Федору — он очень горевал о царице и сам расхворался पुше прежнего. Тем не менее полгода спустя после похорон, поддавшись на уговоры Языкова, царь решил жениться сызнова. Несмотря на сопротивление Милославских, Языков сосватал Федору Алексеевичу свою дальнюю родственницу, Марфу Матвеевну Апраксину, коей шел только пятнадцатый год. Ища сильных союзников в борьбе против клана Милославских, Языков задумал вернуть ко двору Матвеева и научил молоденькую царицу Марфу, которой Артамон Сергеевич доводился крестным отцом, просить за него царя. Слабевающий с каждым днем Федор Алексеевич, давно уже не сердившийся на Матвеева, без всякого сопротивления уступил просьбам супруги. Опальный боярин был прощен, ему вернули отобранные имения, да сверх того за перенесенные страдания Федор Алексеевич пожаловал его селом Верхний Лондох с деревнями.

Но разрешение вернуться в Москву Артамон Сергеевич получил уже от нового царя — 27 апреля 1682 года Федор Алексеевич умер, не оставив распоряжений в отношении престолонаследия. На вопрос патриарха Иоакима, обращенный к народу, собравшемуся у дворцового крыльца, на царство «выкрикнули» малолетнего Петра. Именем этого нового царя и был подписан указ, посланный Матвееву.

Тело Федора Алексеевича еще не было предано земле, как в Москве началось брожение среди русских военных, вызванное многими причинами, главной из которых была задержка выплаты жалованья. Сумма задолженности была велика — 240 тысяч рублей, а те деньги, которые все же отсылались в полки, разворовывались командирами. Не имея возможности противостоять вооруженной массе, правительство спешно пошло на уступки: нескольких наиболее замаранных воровством полковых командиров били кнутом на площади, других погнали со службы, конфисковав их имущество и пу-

стив его на выдачу жалованья. На какое-то время это помогло утихомирить полки, но угли мятежа продолжали тлеть.

На похоронах царя Федора разыгралась тяжелая сцена: вопреки русскому придворному этикету царевна Софья явилась на отпевание брата и повела себя странно. У гроба покойного царя она плакала, причитала, уверяя, что Федор отравлен злодеями, которые изведут и ее, и брата Иоанна. Ломая руки, царевна просила отпустить детей Марьи Ильиничны Милославской в другие страны, где они могли бы найти защиту от убийц. Одновременно с этим в стрелецких слободах сторонники Софьи и Милославских усиленно распускали самые невероятные слухи, вина Нарышкиных во всех бедах страны и царской семьи. Свою лепту в разжигание страстей внесли сторонники «старой веры», которых было немало среди московских стрельцов. У них имелся свой «зуб» на власть: при царе Федоре гонения на раскольников возобновились с новой силой и были казнены протопоп Аввакум и его ближайшие сподвижники.

Решительные действия заговорщиков начались с того, что утром 15 мая 1682 года стольник Петр Толстой и еще несколько дворян из клана Милославских, прискакав в стрелецкие слободы, принесли ложную весть о том, что старшие братья царицы Натальи, Афанасий и Иван Нарышкины, задушили царевича Иоанна. Этого хватило, чтобы стрельцы всех полков, с пушками и знаменами, пошли в Москву. К ним присоединилась городская чернь, барские холопы, и вся эта кипевшая злобной яростью толпа, насчитывавшая до 20 тысяч человек, ворвалась в Кремль.

Зная, что в Москве беспокойно, Наталья Кирилловна обратилась за помощью к Матвееву, только 11 мая вернувшемуся в Москву. Старый боярин не побоялся явиться в Кремль вместе со своим единственным сыном. Когда собравшиеся у дворца стрельцы стали требовать выдачи людей по спискам, составленным ими заранее, Матвеев предпринял отчаянно отважную попытку остановить бунт. Дабы опровергнуть слух об убийстве царевича Иоанна, Артамон Сергеевич вынес его и царя Петра на руках и показал с дворцового Красного крыльца народу. Он заговорил со стрельцами, найдя нужные слова, чтобы утихомирить страсти, и, когда, казалось, настроения толпы переменялись, с того же крыльца за-

говорил вышедший вместе с Матвеевым боярин князь Михаил Юрьевич Долгоруков. Он не стал увещевать стрельцов, а прикрикнул на них, приказав расходиться и грозя карами.

Начавшие было после речей Матвеева успокаиваться, услышав слова Долгорукова, стрельцы вновь пришли в ярость и, подталкиваемые подстрекателями, посланными в их среду Милославскими, бросились на царедворцев. Долгорукова и Матвеева сбросили вниз, прямо на подставленные стрелецкие пики, их уже мертвых рубили саблями и топтали.

После этого стрельцы и примкнувшие к ним горожане кинулись искать Нарышкиных и всех тех, кого Милославские занесли в списки. Поощряя их, подстрекатели бунта выкатили из подвалов несколько огромных бочек вина, которым угощались все желающие. В руки пьяных мятежников из ближайшей родни Натальи Кирилловны попал лишь ее брат Афанасий Нарышкин, спрятавшийся под престолом в алтаре церкви Воскресения Христова, — его убежище указал стрельцам дворцовый карлик. Боярина выволокли из церкви на улицу и тут же убили. Языкова нашли в церкви Николы на Хлынове и тоже изрубили в куски. Еще несколько бояр погибли, просто «попав под горячую руку».

Особенно усердно стрельцы искали Ивана Нарышкина, о котором Милославские распускали слухи, что якобы он мерил шапку Мономаха и другие царские регалии, приложил руку к отравлению царя Федора и намеревается убить царевича Иоанна, который хоть и спасся, но все еще находится в большой опасности. Но Иван вместе с отцом, старым воеводой Кириллом Полиектовичем Нарышкиным, и остальными братьями спрятался в тереме своей племянницы, младшей сестры царя Петра Алексеевича — царевны Натальи Алексеевны. В том же тереме, куда стрельцы не догадались явиться с обыском, укрылись несколько близких к ним людей, в их числе и сын боярина Матвеева Андрей Артамонович, вернувшийся с отцом из ссылки. Ночью, когда мятежники ушли из Кремля, из убежища в тереме царевны Натальи Алексеевны Нарышкины и младший Матвеев тайком перебрались в покои вдовы царя Федора, царицы Марфы, где их также искать не стали.

Спалив здания Судебного и Холопьяго приказов в Кремле, мятежники ушли в город, где ловили и убивали всех тех, ко-

го прежде занесли в списки назначенных к расправе. Не найдя Ивана Кирилловича в Москве и уверившись в том, что он укрыт где-то в Кремле, 17 мая стрельцы снова собрались на площади перед дворцом и объявили, что не уйдут, пока им не выдадут Ивана Нарышкина. В противном случае они грозили перебить всех бояр, и это была не пустая угроза. Бунт уже давно вышел из-под контроля Милославских, Хованского и других лиц, еще несколько дней назад усиленно способствовавших его возникновению. Теперь обе партии бояр, все придворные без исключения, оказались в одинаковом положении. На Наталью Кирилловну оказывали давление с самых разных сторон, требуя, чтобы она отдала брата.

Понимая, что иначе нельзя, Иван согласился пожертвовать собой ради спасения остальных. Зная, что ждет его мученический венец, он подготовился к нему, исповедался и причастился в церкви Спаса за Золотой решеткой. Наталья Кирилловна трогательно простилась с ним, шедшим умирать за нее и ее детей. Их торопили царевна Софья и князь Одоевский, боявшиеся, что стрельцы выполнят свои угрозы. С иконой в руках, сопровождаемый царицей Натальей и царевной Софьей, Иван Кириллович Нарышкин вышел к стрельцам.

Была еще надежда на то, что стрельцы, смущенные кротким видом жертвы, приносимой «за братья и сестры», не станут убивать его, но эти чаянья были напрасны: с ругательствами стрельцы схватили Ивана Кирилловича и потащили его в Константиновский застенок. Несчастливого брата царицы долго мучили и пытали, требуя признаний в государственной измене, покушении на царевича Иоанна и прочем, что ему приписывали. Нарышкин вынес все пытки, не дав повода к дальнейшим обвинениям родственников. Измученного боярина выволокли на Красную площадь и там казнили. После него погиб только лекарь Федора Алексеевича, доктор Гаден, которого запытали в застенке, требуя признаний в отравлении царя по наущению Нарышкиных. Это была последняя кровь майского мятежа.

На другой день, 18 мая, было объявлено, что отец царицы, старый воевода Кирилл Полиектович Нарышкин, принял монашеский постриг и удалился из столицы. Люди уже начинали успокаиваться, все устали от крови, чреды зло-

действ, а главное, никто уже не знал, чего требовать дальше. В тот же день, когда было объявлено о принятии монашеского пострига отцом царицы Натальи, сойдясь у Постельного крыльца, ближе к теремам цариц и царевен, стрельцы потребовали на царство царевича Иоанна, крича, что «негоже царствовать младшему брату при живом старшем».

Стремясь утихомирить разгоревшиеся страсти, 19 мая царица Софья приказала выплатить стрельцам долги по жалованью, да сверх того каждому от казны дали по десяти рублей наградных; кроме того, стрельцам было роздано все имущество убитых в дни мятежа бояр. Десять дней спустя царевну Софью бояре объявили «правительницей за малолетних братьев»; при этом ссылались на прецедент — во время оно в Византии, от которой Русь восприняла христианство и которую во всем полагала примером, до совершеннолетия брата-императора страной управляла царевна Пульхерия. Это духовно-историческое обоснование новому, невиданному прежде коллективному правлению толпа стрельцов нашла вполне достаточным.

Обитателей Немецкой слободы события, кипевшие в Кремле и городе, волновали мало — иноземцы, в силу своей особенности, находились, выражаясь современным спортивным термином, «вне игры». Убийство царского лекаря было лишь досадным недоразумением, случаем, выходящим из общего ряда. При новом правлении иноземцы продолжали служить, исполняя обязанности и получая жалованье все по тем же контрактам, что были заключены с ними еще при царях Алексее и Федоре.

Бывший ассистент доктора Блюментроста Лаврентий Ринхубер, все-таки получивший медицинский диплом, долго мотался по Европе, жил в Вене, Париже и Лондоне, но нигде не обрел надежного места. Он снова приехал в Москву в 1684 году в качестве посланника саксонского курфюрста Иоганна-Георга III, который воевал с турками и остро нуждался в надежных союзниках. Во главе Посольского приказа в это время стоял фаворит царевны Софьи, князь Василий Васильевич Голицын. Царевна, номинально стоявшая ниже своих братьев, на деле фактически правила страной, но не единолично, а опираясь на советников из своего бли-

жайшего окружения. В этом тесном кружке «близких» князь Василий, вне всякого сомнения, пользовался наибольшим влиянием.

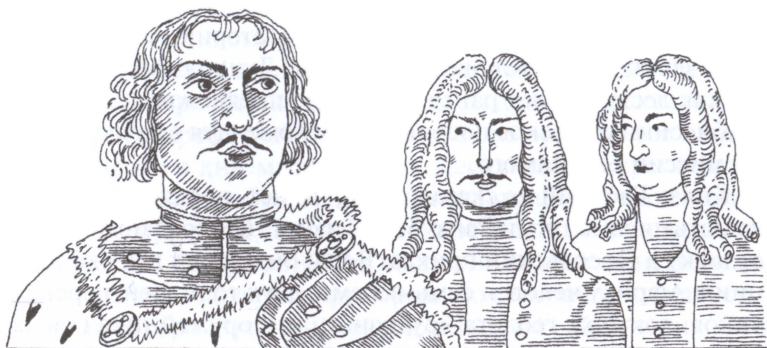
Князь возглавлял приказ лишь формально, но практически дела там вершил давний знакомец Ринхубера Емельян Украинцев. При его посредничестве Ринхубер встретился с князем Василием и преподнес ему «Историю Абиссинии», составленную востоковедом Иобом Лундольфом, и снова, как десятком лет ранее Матвееву, предложил направить в Абиссинию русское посольство, рекомендуя в качестве главы миссии себя самого.

Князь Василий не сказал ни да, ни нет, предложил все изложить письменно, и Ринхубер 23 июня 1684 года подал свою записку в Посольский приказ. В ней он просил для экспедиции в Африку человек семь-восемь, двух толмачей-переводчиков, доктора, геолога-«рудознатца» и оружейника («делателя пешального»). По его плану из Астрахани посольство должно было добраться до Персии, там примкнуть к каравану армянских купцов и с ними уже оправиться в Африку.

Для вящей приманки Ринхубер, недурно изучивший русскую придворно-политическую конъюнктуру, затронул струну ревности в душах московских правителей и объяснял всю привлекательность этой экспедиции от имени и на деньги русского царя тем, что «абиссинцы ведают о великих русских правителях, в стране которых восточная церковь утверждена. Им же не так благополучно было бы, случись... гишпанский али французский короли послов послали бы, ибо они боятся, как бы к ним в пределы церковь римско-католическая не была бы введена».

Но и на этот раз у него ничего не вышло — в ответ его просили лишь поспособствовать в закупках оружия в Саксонии и найме там же на русскую службу искусных мастеров-оружейников. Мечта Ринхубера о дальнем путешествии так и не была воплощена в жизнь.

8. Как короля сыграла свита

Попадание Петра Алексеевича в цари в большой степени было игрой случая, стечения обстоятельств — к царствованию весьма основательно готовили другого царевича, про которого ныне никто не помнит. От первого брака с Марией Милославской у Алексея Михайловича было несколько сыновей, но особенные надежды подавал царевич Алексей Алексеевич, который после смерти старшего брата Дмитрия был объявлен наследником престола.

По свидетельству современников, царевич был «бодр умом» и охотно учился. Ему еще не было и шести годков, когда с ним стали заниматься учителя. Развитием и обучением Алексея Алексеевича занимался сам Симеон Полоцкий, и дела у них пошли весьма успешно: к двенадцати годам царевич в совершенстве овладел латынью, знал польский и немецкий языки. Он читал труды эллинских и римских классиков философии, изучал математику. Позже к обучению и воспитанию царевича подключился боярин Федор Ртищев, основавший собственное училище в Спасо-Преображенском монастыре; преподававшие там монахи, искусные в гуманитарных науках, были к услугам царевича. Не

оставался в стороне и Артамон Сергеевич Матвеев, который знакомил Алексея Алексеевича с образованными путешественниками и иностранцами, устраивал для него представления в своем домашнем театре.

В сравнении с Петром, не получившим такого воспитания и не проявлявшим особенных способностей в изучении наук, царевич Алексей Алексеевич был несравненно лучше подготовлен царствовать. В его годы Петр Великий учился кое-как, а грамматику толком не освоил и в зрелые годы. Более страстный и диковатый, своевольный Петр проигрывал своему сводному брату почти во всем, но выиграл в главном — остался жить. А прекрасно образованный и блестяще воспитанный Алексей Алексеевич в 1670 году умер шестнадцати лет от роду. Но, окажись он на троне, как-то плохо верится в то, что царь Алексей II принял бы жечь Немецкую слободу, закрыл границы и отверг все, на чем лежит печать европейской цивилизации. В общем, можно с уверенностью предположить, что реформы в России происходили бы и в том случае, если бы фортуна не вознесла Петра на вершину власти.

Они бы почти наверняка продолжались, если бы на престоле утвердилась Софья Алексеевна. Царевна воспитывалась тем же Симеоном Полоцким и вовсе не была ретроградкой: она любила театр, музыку, мечтала о том, чтобы русские женщины жили так же вольно, как их европейские современницы. В 1685 году, при регентстве царевны Софьи, Заиконоспасское училище подьячих было преобразовано в Славяно-греко-латинскую академию — первое российское высшее учебное заведение. Прибывшие для создания этой академии греческие монахи, братья Софроний и Иоаникий Лихуды, позже основали училище в Великом Новгороде, а затем стали открываться учебные заведения и в иных местах. В Москве было начато каменное строительство, которым руководил фаворит царевны, князь Василий Васильевич Голицын, и за несколько лет город очень похорошел и благоустроился. Порученное заботам князя русское войско продолжало наращивать мощь, и к исходу 1680-х годов частей «иноземного строя» насчитывалось уже 63 полка, в которых служили более восьмидесяти тысяч солдат и офицеров.

По своим воззрения князь Василий Васильевич Голицын был убежденный «западник», он составлял проекты по реформированию российского государственного управления еще более радикальные, нежели те, на которые решился Петр гораздо позднее. Василий Васильевич даже задумывался о парламенте, ограничении своеволий и прочих, совершенно революционных вещах. Осуществить их ему, скорее всего, не дали бы, но сам этот факт много говорит о его личности.

Правление царевны Софьи продолжалось восемь лет, и эти годы вовсе не были провальными — страна жила вполне благополучно, без особых потрясений. Так продолжалось до совершеннолетия Петра, который в отличие от брата Ивана не пожелал более мириться с верховенством сестры и нашел в себе силы и смелость стать самодержавным государем. Вернее, даже и не сам Петр, а его ближайшее окружение. Сам царственный подросток был наделен большими физическими силами и упорным характером, но как политическая фигура он был слаб и очень зависим.

В то время положение Петра более всего напоминало статус шахматного короля — фигуры важной, вокруг которой и вращается игра, но нуждающейся в постоянном покровительстве и защите. Если продолжить использовать шахматную терминологию, то из всех фигур, окружавших «короля» — Петра в селе Преображенском, звания «ферзя» более всего заслуживает его матушка, вдовствующая царица Наталья Кирилловна, которую в советском кино и литературе почему-то принято изображать этакой старушечкой-хлопотуньей, обеспокоенной хозяйством да тем, как бы «Петруше головку не напекло». На самом же деле в 1689 году, когда решалась судьба царствования ее сына, Наталье Кирилловне не было еще и сорока лет — она была весьма энергичным игроком в политических интригах, и не за одну только свою тяжелую «медвежью поступь» сторонники Софьи прозвали ее Медведихой.

По сию пору незаслуженно отведена в сторону такая ключевая фигура политического расклада той поры, как девятый русский патриарх Иоаким, что и понятно — этот церковный и политический деятель в качестве союзника Петра «путает» привычную картину, сформированную во времена соцреализма. В молодости патриарх, звавшийся Иваном Саве-

ловым, служил в рейтарах и в чинах дошел до капитана, но после смерти жены и детей оставил службу, удалился в Киево-Межигорский монастырь, где, пройдя послушание, принял постриг с именем Иоаким. Все шестнадцать лет своего пребывания на патриаршем престоле он боролся «с новыми веяниями»: порицал обычай брить бороду и стричь волосы, демонстративно отказывался садиться за один стол с иноверцами, поучал светские власти ни в коем случае не давать первенства иноземным офицерам над русскими воинами. Патриарх выступал за сокращение контактов с европейскими странами, за запрет иноземных обычаев, которые уже были переняты в Московском царстве. Именно он неоднократно требовал от царей избавиться от засилья иностранцев на русской службе, уничтожить их храмы, вообще разорить Немецкую слободу в Москве, называя ее рассадником греха. Но в то же время именно патриарх Иоаким сразу же после смерти царя Федора Алексеевича встал на сторону Петра.

Причина этого выбора кроется в борьбе двух партий, ведущейся в конце XVII века в Русской православной церкви. Его святейшество Иоаким и его сторонники ратовали за сохранение приверженности к «эллинским» богослужебным книгам и Священному Писанию и славянским традициям в православной церкви. Им весьма решительно оппонировали представители церковной партии «латынников», во главе которой стояли Симеон Полоцкий и начальник Заиконоспасского училища Сильвестр Медведев, выступавшие за модернизацию вероучения, организацию духовного и светского образования в европейской манере, беря за образец университеты и коллегии католической церкви. Патриарху нужен был надежный покровитель, которого он рассчитывал обрести в лице царя Петра, ибо «латынники» при поддержке царевны и ее светского окружения взяли под контроль несколько монастырей в столице. Кроме Заиконоспасского монастыря оплотом «латынников» стала знаменитая Симоновская обитель, где были заведены порядки, вызывавшие невероятное раздражение у патриарха и остальных «эллинистов». Опасаясь того, что с годами царевна и ее окружение войдут в еще большую силу, патриарх и его сторонники сделали ставку на юного Петра. Люди церкви, имевшие огромное влияние и деньги (что важно), вмешались в столкновение партии ца-

ревны Софьи с Нарышкиными и их сторонниками, всячески лелея и раздувая раздор, в чем и преуспели — еще недавние сводные родственники, весьма благоприятно относившиеся друг к другу, превратились в лютых врагов, во всем подозревавших козни противоборствующей стороны.

Кроме открытой моральной поддержки сторонники патриарха оказывали тайную материальную помощь клану Нарышкиных, Голицыных и Долгоруковых, составлявших партию Петра. Двор юного царя ссужался деньгами, которые приходили непосредственно от патриарха, из Троице-Сергиевой лавры, из Ростова Великого, где кафедру занимал митрополит Иона. В отличие от тех средств, которые выделялись казной на содержание двора в Преображенском, деньги, получаемые от иерархов церкви, не контролировались никем, кроме тех, кому они предназначались, и составляли особый секретный фонд «преображенской партии», средства из которого шли на задабривание, приобретение сторонников, прямой подкуп, оплату согладатаев и прочие «непредвиденные расходы», неизбежно возникающие в ходе политической борьбы. Главной целью был захват реальной власти и всей полноты правления в государстве, и потому денег «преображенскому двору» требовалось немало.

Одно содержание «потешных войск» влетало в копеечку — Боярская дума на эту «забаву» выделяла денежки со скрипом, а расходы все возрастали. В 1682 году для забав Петра, которому тогда было одиннадцать лет, набрали «малых ребятков», ставших его живыми солдатиками, но, начавшись как забава для мальчиков, вся эта затея выросла вместе со взрослевшим Петром в серьезную военную силу, которую готовили лучшие офицеры-иностранцы — с ними царевич удивительно легко находил общий язык. Одно такое знакомство стало воистину судьбоносным и оказало значительное влияние на формирование его личности.

3 февраля 1687 года Петр присутствовал на смотре Бутырского полка, которым командовал Патрик Гордон, к тому моменту уже состоявший в чине генерал-лейтенанта. Он долгие годы провел в Малороссии, где принимал участие в нескольких войнах и командовал киевским гарнизоном. В Москве шотландец бывал только наездами, в перерывах между походами. Именно Стальное Запястье сыграл весьма боль-

шую роль в деле приведения к власти Петра; если патриарх Иоаким обеспечивал поддержку церкви, моральный авторитет и по крайней мере нейтральное отношение черни, удерживаемой священством от вмешательства в «дела верхних людей», то сэр Патрик предоставил военную силу, на которую в борьбе за трон оперся Петр Алексеевич.

События, которые могли повлиять на выбор Гордоном партии в политической игре, произошли в 1683 году, когда его карьера дала сбой — у сэра Патрика вышла размолвка с Василием Васильевичем Голицыным, по просьбе которого Гордон составил аналитическую записку об обороне Чигирина. Это было одно из важнейших сражений войны за Малороссию, в которой принимали непосредственное участие многие видные деятели времен правления царевны Софьи. Одним из главных воевод в том походе был сам князь Василий Васильевич, а так как сражения под Чигирином закончились неудачей, обернувшейся большими политическими и территориальными потерями, то ему хотелось, чтобы Патрик Гордон, командовавший оборонявшим Чигиринский замок гарнизоном, дал свою оценку тем событиям.

На эту должность сэр Патрик попал в результате хитрой интриги, направленной на то, чтобы удержать его в русской службе. В ходе кампании 1677 года он командовал драгунским полком в авангарде войска воеводы князя Ромодановского, который должен был отразить вторгшиеся в Малороссию соединенные войска турок и крымских татар. Войска Османской империи и Крымского ханства устремились к Чигирину, который был важной точкой на политической карте того времени — город и замок были резиденцией Хмельницкого, а после его смерти стали опорным пунктом малороссийской обороны. Возвышавшийся над рекой Тясмином замок был выстроен на единственной в долине Днепра каменной горе и господствовал над округой.

Рати под командой Ромодановского шли на помощь осажденному турками замку и после нескольких боев у днепровских переправ через незамкнутое турками кольцо вступили в Чигирин, значительно увеличив число обороняющихся. До решающей битвы поэтому не дошло — видя столь значительное подкрепление русских, противник предпочел снять оса-

ду и отступить. Но и в Стамбуле, и в Москве понимали, что в сражении за Чигирин непременно последует продолжение, а потому готовились к нему, как могли.

Как раз в это время Гордон объявил о своем желании оставить русскую службу и вернуться на родину, чтобы заняться возрождением родового поместья под Абердином и дать сыновьям достойное образование. Он обратился за помощью к английскому послу Джону Хебдону, который от имени короля Карла II подал правившему царю Федору Алексеевичу «мемориал» об отпуске мистера Гордона со службы. Конечно же, московские власти накануне сложной военной кампании против сильного врага не хотели расставаться с одним из самых храбрых и заслуженных военачальников, а потому был сделан встречный ход, носивший все признаки «старой византийской школы»: не успел посол подать «мемориал», как Гордону предложили должность коменданта Чигирина, поставив честолюбивого вояку перед сложным выбором. Должность чигиринского коменданта была важная, а служба в крепости считалась опасной — шотландский дворянин, уклонившийся от этой «милости», рисковал прослыть трусом, а вот этого Стальное Запястье допустить никак не мог. Расчет московских хитрецов оказался верным — сэр Патрик выбрал опасную службу и отказался от возвращения к родным пенатам.

Теперь кроме драгунского полка ему подчинили еще и полк пехоты. Согласно тогдашнему укладу, номинально старшим в крепости числился воевода Иван Ржевский, но фактически распоряжался подготовкой к обороне именно генерал Гордон. Гарнизону следовало поторапливаться, и сэр Патрик взялся строить из дерева, земли и камня целую систему бастионов, рavelинов, фланков, ретраншементов и других оборонительных сооружений. И все это в спешке, потому что было чего опасаться — по имевшимся в их распоряжении сведениям, на Чигирин шла армия знаменитого турецкого полководца Кара-Мустафы. На завоевания приднепровской твердыни были брошены 15 тысяч янычар, 30 тысяч турецкой конницы и 20 тысяч татарских всадников. С пушкарями да с обозниками, осадными рабочими, погонщиками и прочей обслугой османское войско достигало 80 тысяч человек. Чигирин готовились защищать 9 тысяч стрельцов, казаков

и солдат, к которым в последний момент подошло около пяти тысяч воинов, посланных на усиление гарнизона.

У турок было явное превосходство в артиллерии — против их 280 орудий, из которых 31 было большого калибра, русские смогли выставить полсотни пушек, в числе которых было 5 мортир и 14 тяжелых орудий. С учетом того, что замковые пушки находились в укреплении, соотношение было не катастрофичным, но в крепости отчаянно не хватало обученных пушкарей, и для обслуживания крепостной артиллерии пришлось приспособлять солдат и стрельцов, наскоро обучив их тому, как заряжать пушки и наводить на цель. Немудрено, что артиллерийские дуэли, вспыхнувшие немедленно после того, как только войско Кара-Мустафы стало лагерем у Чигирина, складывались не в пользу осажденных. В среднем на четыре турецких выстрела русские отвечали одним, большей частью неточным.

Учтя ошибки предыдущей осады, Кара-Мустафа теперь окружил Чигирин полностью, так что проскочить сквозь кольцо удавалось только отдельным, небольшим по численности группам воинов, что никак не могло усилить гарнизон крепости. И все-таки до поры до времени подчиненные Гордона с успехом отражали яростные турецкие атаки.

В начале августа генерал остался единственным командующим в замке — третьего числа погиб Ржевский; осколок гранаты угодил ему прямо в лицо. Но роковым образом на судьбе гарнизона сказалась гибель в первом же сражении греческого инженера, специалиста по минной войне; заменить его оказалось некем. К тому времени турки вели в направлении укреплений русских 25 минных галерей, а ответить им тем же у осажденных не хватало знаний. Не обученные такому сложному с технической точки зрения делу, не привычные к работе на большой глубине под землей, русские солдаты отказывались копать встречные ходы, чтобы подвести мину под турецких саперов. За месяц осады подземные галереи противника достигли линии обороны города, к 11 августа в них были заложены заряды.

Чигиринские посады обороняли казаки, которые были совсем не тверды в дисциплине, — турецкий командующий хорошо знал своего противника и совсем не случайно назначил штурм на воскресный вечер: когда в ночи под бастионами

грянули взрывы и тут же последовала атака янычар, казаки большей частью были пьяны и в панике побежали. Но замок устоял, Гордон повел на вылазку солдат и сумел отстоять городские ворота. В ночной схватке полегли 1200 стрельцов, солдат и казаков. Гарнизон потерял 25 офицеров; среди погибших был полковник Корнелиус ван Бокховен, к этому времени отставший от Гордона в чинах и служивший у него в подчинении.

Несмотря на столь сильные потери, понесенные гарнизоном, Гордон считал, что дело еще далеко не проиграно — ведь совсем рядом находилась армия князя Ромодановского, у которого под началом состояло 70 тысяч ратников да 40 тысяч казаков. Достаточно было поддержать гарнизон подкреплением тысяч в пять сабель и попробовать атаковать турецкий лагерь извне... Он даже приказал слугам в тот вечер сервировать стол серебряным сервизом, однако отужинать ему не удалось — вместо подкрепления из лагеря Ромодановского пришел приказ отступить. Тем временем турки усилили натиск, и генералу Гордону пришлось бросить и сервиз, и доспехи, и коней, и вообще все имущество — прихватив только дорожную сумку и личное оружие, генерал вместе с подчиненными пробивался к своим через гущу противника с палашом и пистолетом в руках.

Напоследок шотландец приготовил противнику неприятный сюрприз: уходя последним из замка, генерал Гордон подпалил фитиль бомбы в пороховом погребе и за спинами отступавших русских грянул взрыв колоссальной силы. Подрыв пороховых складов причинил турецкой армии едва ли не самый большой урон в той кампании — называется неправдоподобная цифра: якобы разлетевшиеся обломки убили около 4 тысяч турецких и татарских воинов. Несмотря на героическую оборону и этот последний удар, нанесенный по туркам, с потерей Чигирина кампанию можно было считать проигранной, но война продолжалась, и Гордон принял в ней самое активное участие.

В апреле 1681 года лондонская газета, ссылаясь на полученные из Москвы известия, сообщала, что в феврале в русскую столицу прибыл сэр Патрик Гордон, «чи должвременные и выдающиеся заслуги во многих случаях стяжали ему милость царя, который даровал ему чин генерал-майора

и доверил ему управление воинскими делами в Киеве». Далее сообщалось, что сэр Патрик немедленно по получении этого назначения отбыл из Москвы в Киев, чтобы принять должность.

К тому времени война уже закончилась подписанием в январе 1681 года мирного договора: в столице крымского ханства Бахчисарае представители Турции, Крымского ханства и России заключили договор на 20 лет.

Граница устанавливалась по Днепру; Левобережная Украина с Киевом и округой, а также Запорожье переходили под власть русской державы. Территория между Днепром и Бугом объявлялась нейтральной — там ни одна из сторон не имела права строить укрепления. Кроме того, Москва обязывалась платить Крыму ежегодную дань. С Чигирином и влиянием на правом берегу Днепра русским пришлось надолго попроситься.

Немудрено, что за сочинение записки об обороне Чигирина Гордон засел, исполненный далеко не самых радостных воспоминаний. В своем сочинении он без особенных прикрас обрисовал стратегическую ситуацию и обвинил в неудаче нерешительного князя Григория Ромодановского. Впрочем, Ромодановский ответить ему уже не мог: во время мятежа стрельцы зверски растерзали его, сначала подняв на копья, а потом изрубив саблями.

Записка Гордона очень не понравилась князю Василию Васильевичу, который в его обвинениях усмотрел и намек на свою персону. Разгневавшись, князь распорядился лишить дерзкого шотландца генеральского чина и разжаловать его в прапорщики. И хотя опала с Гордона вскоре была снята и генеральское звание ему возвратили, осадок недовольства остался. Не таков был Стальное Запьястье, чтобы прощать подобные обиды. Возможно, именно это потом так дорого обошлось фавориту и его патронессе царевне Софье, но в 1683 году о таких последствиях, понятное дело, никто и думать не мог.

В начале 1687 года Гордон получил под свою команду Бутырский полк, расквартированный в Москве, и 3 февраля вывел его на смотр пред очи юного царя Петра. Бывалый командир бутырцев совершенно очаровал юношу, живо инте-

рессовавшегося военным делом. Заочно царь Гордона уже, конечно, знал; у них были общие знакомые — еще при жизни Алексея Михайловича Петру в воспитатели среди других учителей был дан старый приятель Патрика Гордона — Павел Менезий. При регентстве Софьи Менезия от воспитания царевича отставили, услав служить в Смоленск, но юноша не забыл генерала; знакомство с его боевым товарищем только укрепило симпатии молодого человека по отношению к офицерам-иноземцам, столь ревностно служившим еще его отцу как на бранном поле, так и по дипломатической части.

Со дня того памятного смотра Бутырского полка Гордон и молодой царь часто встречались — Петр расспрашивал генерала о всякой военной премудрости, рассказывал о своих потешных полках, а опытный воин наставлял его, советовал, рассказывал о виденном, слышанном, пережитом — словом, сумел стать юноше настоящим старшим другом. Именно его советы позволили превратить потешные полки из полудетской забавы в хорошо обученную, прекрасно вооруженную, надежную придворную гвардию, подчинявшуюся только Петру, и никому более.

Вне всякого сомнения, авторство изящной политической интриги, увенчавшейся отстранением царевны Софьи от правления и заточением ее в монастырь, принадлежит ближайшему окружению молодого царя Петра. Матушка Наталья Кирилловна, дядюшка Лев Кириллович, ближний боярин Борис Алексеевич Голицын да его святейшество Иоаким разыграли комбинацию, словно в шахматной игре, начав ее с нескольких, на первый взгляд незначительных ходов. Но эти ходы, незначительные в отдельности, постепенно так изменяли ситуацию, что в один момент достаточно стало одной подвижки главной фигуры, чтобы позиция политических соперников оказалась раздавленной, а сами они, прижатые угрозой неизбежного мата, объявили себя проигравшими.

Но авторы политической комбинации, принесшей реальную власть Петру Алексеевичу, не могли даже предположить, как странно станет развиваться ситуация в стране после того, как их партия восторжествует победою. Этого вообще никто не мог предположить, да и заметны перемены стали далеко не сразу — первые несколько лет после победы Нарышки-

ных над Милославскими никаких грандиозных изменений не происходило.

Но менялся сам государь Петр Алексеевич, а вокруг него происходила постепенная смена фигур друзей и советчиков. Первым молодого царя покинул патриарх Иоаким, умерший 17 марта 1690 года, а уже 30 апреля того же года произошло небывалое прежде событие: московский царь посетил Немецкую слободу! Не менее шокирующей подробностью того самого первого визита стало то, что русский государь прибыл с частным визитом в дом генерала Патрика Гордона. Ничего такого, даже близко подобного, прежде не случалось — статус царя не позволял ему ездить по домам иноземцев, они должны были являться к нему на поклон, и очень немногие допускались до личной беседы. Визит Петра в дом Гордона был знаком великого благоволения к сэру Патрику, личная дружба с которым прошла испытание, когда укрывшийся в Свято-Троицкой Сергиевой лавре, боявшийся покушения на свою жизнь Петр Алексеевич отправил в Немецкую слободу приказ, призывая всех иноземных офицеров с их частями явиться к нему. Этот приказ 4 сентября 1689 года на собрании офицеров-иноземцев огласил именно Патрик Гордон, самый старший из них по званию. Зачитав приказ, Гордон немедленно поднял по тревоге свой Бутырский полк и ускоренным маршем повел к лавре, а вслед за ним пошли другие солдатские полки.

Тогда же состоялось знакомство царя с Францем Лефортом, женатым на родственнице первой жены сэра Патрика. Это был авантюрист в лучшем смысле этого слова — обаятельный искатель приключений, легкий на подъем и предприимчивый человек. Происходил Франц Лефорт из семейства с шотландскими корнями — его далекий предок в XV столетии покинул Британские острова, став, как это было принято среди благородных, но небогатых шотландцев, наемным воином, — пращур Лефорта поступил в войско герцогов Савойских. Позже, обзаведясь семейством, он избрал для постоянного жительства Пьемонт на севере Италии, но затем Лефорты, принадлежавшие к реформатской церкви, в опасности преследования со стороны католиков перебрались в Женеву. Когда родился Франц, семья Лефорт уже несколько поколений не бряцала оружием, предпочтя войне занятие

коммерцией, что пошло ему только на пользу. Франц Лефорт был отдан учиться в знаменитый Женевский колледж, основанный самим Кальвином, — это учебное заведение считалось лучшим в Европе.

Положенные годы он отучился, однако вместо того, чтобы пойти по коммерческой части, поступил на военную службу. Правда, первый опыт оказался неудачен — по требованию отца его выслали обратно в Женеву, но, проведя несколько лет под строгим домашним присмотром, он в конце концов сбежал в Голландию, где кипела война. По ее завершении уже состоявший в офицерском чине Франц Лефорт познакомился в Амстердаме с полковником Якобом ван Фростеном, который уверял всех, что послан русским правительством для найма офицеров на службу в армии московского царя. Полковник рассказывал разные соблазнительные вещи про Московию и тамошние возможности, сулил скорое производство в высокие чины и хорошее жалованье. И Лефорт решил попытать счастья в далекой стране, о которой он имел весьма смутные представления.

Четырнадцать офицеров, поддавшихся на уговоры Фростена, на купеческом корабле добрались до Архангельска, где их ждал неприятный сюрприз: оказалось, что в Амстердаме господин полковник, мягко говоря, ввел их в заблуждение. Выяснилось, что на русской службе сам Фростен не состоял, никто его набирать офицеров не посылал, действовал он на свой страх и риск, а стало быть, их никто не ждал. Получить разрешение на въезд во внутренние районы страны оказалось весьма непростым делом, и, ожидая из Москвы ответа на запрос, посланный в Посольский приказ, приехавшие из Европы военные жили в Архангельске, получая от местного воеводы весьма скудное содержание.

Франц Лефорт был менее других подготовлен к такому повороту событий и отчаянно нуждался в деньгах. Спас его веселый и общительный нрав — он свел компанию с несколькими купцами, приехавшими из Москвы в Архангельск на летнюю ярмарку, и подружился с одним из них, представителем флорентийского торгового дома Франческо Гваскони. Флорентийцы уже двадцать лет ввозили в Московию ткани: шелк, бархат, парчу, сукно, — а также квасцы, стекло, оружие и вино. Из России вывозили меха, соленую рыбу ценных

сортов, а главным образом черную икру — от 12 до 20 тысяч пудов ежегодно. Кроме того, семья Гваскони представляла интересы своих европейских партнеров — гамбургской и датской фирм, делая большие коммерческие обороты и с ними. В Москве Гваскони занимали прочное положение — у синьора Франческо в Немецкой слободе стоял большой дом, а при нем обширное хозяйство и товарные амбары. Флорентиец, имевший обширные знакомства как в московской иноземной колонии, так и среди русских, взялся помочь веселому авантюристу из Женевы; он подкармливал Лефорта в Архангельске, а когда привезенные Фростеном офицеры наконец получили разрешение на проезд в Москву, ссудил его суммой, необходимой, чтобы добраться до русской столицы.

Но и прибыв в Москву, Лефорт оказался в весьма незавидном положении — все те, кто приехал с ним вместе, смогли получить должности в Пушкарском приказе, один он остался не у дел. Впрочем, Лефорт не унывал, рассчитывая выбраться из Москвы с одной из отъезжающих дипломатических миссий, и всячески старался завязать знакомства в свите датского и английского послов. С англичанином он даже смог сговориться о том, что тот вывезет его из Москвы и разрешит следовать в свите до Польши, где Лефорт намеревался покинуть дипломатический обоз и отправиться в Швецию, чтобы там поступить на военную службу. Но из всей этой затеи ничего не вышло, поскольку совершенно неожиданно обострилась политическая ситуация и над страной нависла реальная угроза войны с Турцией. Из-за этого русское правительство запретило выезд всем офицерам-иноземцам, и, когда английский посол отбыл, Франц Лефорт остался на Кукуе. В это время жил он больше милостями все того же Франческо Гваскони, который и познакомил Франца с компанией, куда входили Патрик Гордон и Павел Менезий.

Самого Гваскони с московскими шотландцами связывали дела совершенно особенного свойства: итальянец, как и они, был католиком и мечтал построить на московской земле хоть какой-нибудь католический храм. Но так как это было совершенно невозможно — с одной стороны, за недопущением этого строго следила православная церковь, а с другой, противниками постройки костела были лютеране и кальвинисты, которых было подавляющее большинство в Кукуй-

ской слободе. Католики выкручивались, как могли, и тот же Гваскони принимал у себя дома тайком приезжавших иезуитских священников, которые, тщательно соблюдая меры конспирации, свершали духовные требы для живших в Немецкой слободе католиков. В общем, не совсем понятно, почему ревностный католик Гваскони взялся помогать кальвинисту Лефорту, но именно он не только поддержал его материально, но и составил для него первую, как оказалось потом, самую важную в его жизни протекцию. Он привел Лефорта в дом Гордона, рекомендовав его генералу, имевшему большие связи среди московской знати.

Молодой женевец, обладавший полезнейшим даром нравиться людям, и в этой компании сумел всех очаровать. Вместе с мелкими милостями от новых знакомых он получил дельный совет — все наперебой уговаривали его жениться, уверяя, что семейный человек пользуется у русских большим доверием и таких охотнее берут на службу. Увидев в этих советах большой резон, Лефорт занялся подысканием подходящей невесты и сначала нацелился на руку и сердце дочери полковника Кроуфорда, в полку которого когда-то начинал службу русской короне майор Патрик Гордон. Но после того как в доме Гордона он увидел Елизавету Сугэ, дочь англичанина-подполковника, умершего в 1675 году от ран, полученных на войне, все внимание Лефорта переключилось на нее. Семейство, с которым затеял породниться Лефорт, в Немецкой слободе и самой Москве имело обширные связи и деловые знакомства. Мать девицы происходила из семейства Бокховен и приходилась двоюродной сестрой первой супруге Патрика Гордона, к тому моменту уже покойной. Сиротке Елизавете покровительствовал дядюшка, генерал-майор Филипп Альберт Бокховен, бывший тесть Гордона, который был обязан сэру Патрику своим освобождением из многолетнего польского плена в 1667 году. Такие услуги не забываются, а потому новый друг Гордона, да к тому же женившийся на племяннице знаменитого генерала, вполне мог рассчитывать на поддержку своей московской карьеры.

Обаятельный мужчина, слывший ловким покорителем дамских сердечек, Франц Лефорт после короткой предварительной осады пошел на решительный штурм и, добившись согласия матери Елизаветы, не дожидаясь разрешения род-

ственников из Женевы, женился. Возможно, голландцам, покровительствовавшим семейству Сугэ, приглянулось то, что Франц был единоверец, сражавшийся за Голландские Штаты, — во всяком случае, шаткое положение и полное безденежье жениха не стали препятствием на пути молодых людей. Венчались они в реформатской кирхе Немецкой слободы; в брачном контракте было оговорено, что родившиеся в этом союзе дети креститься будут по реформаторскому обряду и воспитываться в кальвинистской вере.

Вскоре после этого Лефорт был принят на русскую военную службу с чином капитана и получил под команду роту, с которой оправился в Малороссию. Он прожил два года в Киеве, проделав несколько военных кампаний, в которых принимал участие и Гордон, — Франц вообще старался держаться ближе к своим покровителям. Не без их участия он потихоньку рос в чинах, став сначала майором, а потом подполковником, но решительный перелом в его карьере свершился 4 сентября 1689 года, когда изменилось правление в русском царстве. Вместе с Гордоном и остальными офицерами-иноземцами Лефорт явился в Троице-Сергиеву лавру к Петру, был представлен ему, и с тех пор они стали часто встречаться.

Спустя четыре месяца после первого визита в Немецкую слободу Петр снова приехал на Кукуй, в этот раз посетив дом «камрада Франца»; с тех пор он стал бывать у Лефорта регулярно; вот что пишет по этому поводу в своих мемуарах князь Куракин: «В доме Лефорта первое учинилось, что его царское величество начал с дамами иноземскими обходиться и амур почал первый быть к одной дочери купеческой, названной Анной Ивановной Монс». К моменту встречи с Монс Петр уже около двух лет был женат на Евдокии Лопухиной, но к супруге успел охладеть — она была на несколько лет старше его, брак с нею был вынужденной уступкой матери и сестрице Софье. Женившись зимой 1689 года, Петр Алексеевич лишь год прожил с Евдокией Федоровной, а после рождения сына стал всячески избегать ее. Встретив Анну Монс не то в 1691, не то в 1692 году, Петр впервые столкнулся столь близко с женщиной европейского воспитания и был совершенно очарован ее обхождением и реакциями на свои чув-

ства. Это было так ново, так восхитительно не похоже на все то, что он знал в этой области прежде...

Предмет обожания Петра — едва ли не самая популярная фигура той эпохи у отечественных литераторов. Для начала ее в романе «красного графа» Алексея Толстого из дочери золотых дел мастера обратили в дочь трактирщика, «кабацкую девку», едва ли не нарочно царю Петру подsunутую хитрыми иноземцами. По смыслу же появившейся позже многочисленной писанины выходит, что главной причиной реформ, затеянных Петром, было причинное место Анны Монс, ради которой он вроде бы и захотел «переделать Россию в Германию». Кочует теперь бедная Анхен по страницам романов и экранам в России в качестве двусмысленной и неприглядной бабенки, не сумевшей оценить масштаб открывшихся перед нею возможностей.

Но так ли уж завидно было положение Анны Монс при Петре, чтобы за него держаться? Обитатели Немецкой слободы смотрели на Анну так же, как нынче в России смотрят на девушек, сожительствующих с сыновьями африканских царьков. Для нее звание «кукуйской царицы» было скорее не титулом всемогущества, а клеймом. Пока был жив отец и влиятельные друзья при дворе, она терпела эту роль «рабы любви», зависимой от милости венценосного друга-господина. Однако Анна Монс была нормальной женщиной, может, и не идеальной, но дочерью своего времени, получившей определенное воспитание и не лишенной трезвого рассудка. Вряд ли она задумывалась о русской короне. В течение десяти лет, живя с русским царем на положении «первой подруги», она пыталась организовать совместную жизнь на семейный лад. У Анны был прекрасно обустроенный, уютный дом с цветником. У нее были лучшие коровы в Немецкой слободе, дававшие щедрые надои на зависть другим хозяйкам. Отличный огород, устроенный по всем правилам агрономического искусства, приносил пышные урожаи. Никто в Немецкой слободе не умел солить капусту и огурцы, как Анна Монс. По осени эти работы превращались в целый праздник, когда девки-прислужницы, соседки-бюргерши и сама хозяйка в больших деревянных корытах острыми лунообразными сечачами рубили капусту с ее собственного огорода, шинкова-

ли крепкую морковь, только что принесенную с грядок, и набивали ими бочки вперемешку с солью.

Все это было предметом женской гордости уроженки слободы, в которой женщине отводилась роль домоправительницы, хранительницы очага, матери, жившей в кругу «кухен, киндер, кирхен» — кухня, дети, церковь. Но Петру все это было не слишком надо. Он жил своими прихотями, а «в семью» только играл, перемежая визиты к Анне с дикими кутежами. Для нее не было секретом то, что «герр Питер» участвует в оргиях, устраиваемых при дворе, что он имеет связь с ее же лучшей подругой, дочерью пастора Еленой Фадемрехт. И это было совсем не мимолетное увлечение — сохранилась целая переписка между любовниками, где фройлен Фадемрехт называет «герра Питера» разными ласковыми именами и интимными прозвищами, которые не оставляют никаких сомнений в сути их взаимоотношений. Кроме того, при дворе царской сестры — царевны Натальи Алексеевны в Преображенском жили несколько красивых «метресс», коих государь «употреблял для амурных экзеркций». В число царских избранниц входили сестры Александра Меншикова — Анна и Марья, сестры Арсеньевы — Дарья и Варвара да еще Анисья Кирилловна Толстая. Известно, что среди дам, обитавших при дворе сестры, за обладание сердцем царя шла нешуточная борьба. Главной конкуренткой Монс из числа «преображенских метресс» была красавица Дарья Арсеньева. Позже к этой компании присовокупили привезенную из Ливонии Марту Скавронскую, после принятия православного крещения ставшую Екатериной Алексеевной.

Томимая унижающей неопределенностью своего положения, Анна Монс нашла сочувствие в единоверце и немце по крови. Это был саксонский посланник Кенигсек, по трагической случайности погибший, находясь при ставке русского царя. На его теле нашли медальон с портретом Анны, и их связь раскрылась. Это стоило ей опалы. Но тут возник новый поклонник, прусский посланник при дворе Петра Кайзерлинг. Он был бы блестящей партией для любой немецкой девушки из московской торгово-ремесленной слободы, а для Анны Монс этот брак казался сущим спасением! Супругу посла дружественной державы не рискнул бы тронуть даже Петр Великий — это уже был официальный ста-

тус, дарующий неприкосновенность, которая требовалась ей, чтобы оградить себя от преследования бывшего любовника. А преследование вполне могло случиться после того, как Александр Данилович Меншиков затеял интригу, «открыв царю глаза» на отношения Анны Монс и Кайзерлинга. Впрочем, после нескольких лет опалы, когда Анне Монс было даже запрещено выходить из дому, ей разрешили выйти замуж за Кайзерлинга.

По легенде Петр, расставаясь с Анной Монс, будто бы в качестве прощального подарка презентовал ей дом в Немецкой слободе, но документы этого не подтверждают; в подворном описании слободы «дом Анны Монс» никогда не упоминался. Отсутствуют сведения о нем и в подробнейшем духовном завещании, составленном Анной Монс в 1714 году, к тому времени уже вдовой и снова невестой — на этот раз пленного шведского офицера, который объявлялся единственным наследником ее имущества, в том числе пожитков покойного Кайзерлинга. Этот документ был составлен 1 февраля 1714 года, и в том же году Анна Монс скончалась.

В начале 1690-х годов, когда молодой русский царь только начал ездить в Немецкую слободу и крутил амуры с молоденькими немками, никто, конечно же, не знал, как сложатся судьбы Петра Алексеевича, его друзей-иноземцев и остальных жителей слободы. Ему нравилось бывать «у немцев». Он легко принял быт и нравы этого европейского оазиса: так же как мужчины-европейцы, жившие в слободе, царь брился в цирюльне Ганса Крузе, носил европейское платье, держал себя просто, не чванился, предпочитал, чтобы его называли просто «герр Питер». Это была целая революция — при отце Петра по русским законам за малейшую описку в царском титуловании писцу отрубали руку, однако в общении с друзьями за кружкой пива в кукуйской аустерии Петру Алексеевичу нравилось чувствовать себя обычным человеком. Никогда не отличавшийся усердием в учении, спотыкавшийся в русской грамоте, Петр выучил немецкий и голландский языки, чтобы разговаривать с друзьями без толмачей.

Похождения царя в Немецкой слободе вызывали неподдельное изумление подданных, среди москвичей шел ропот и пересуды, но такое положение вещей вполне устраива-

ло занявших в государстве ключевые посты родственников и ближних бояр, рассуждавших примерно так: «Хочет к немцам ездить, с их девками шалить? Так и это не страшно — дело молодое! Лишь бы не мешал управлять делами государства».

Между тем влияние на молодого царя советников и родственников Петра было подорвано распрей, вспыхнувшей между дядюшкой Львом и князем Борисом Голицыным, закончившейся удалением Голицына из ближайшего царского окружения. Лев Кириллович, пожиная плоды политической победы, получил в свое ведение важнейший Посольский приказ и стал владельцем тульских железоделательных заводов, многих богатых поместий, угодий и промыслов. Целиком погрузившись в свои собственные дела и государственные заботы, он уже не мог столь плотно, как прежде, опекать повзрослевшего, стремившегося к самостоятельности племянника. И после того как в январе 1694 года умерла Наталья Кирилловна, вокруг Петра оказались сплошь новые люди, большинство из них — иноземцы.

Царь жадно слушал их рассказы о путешествиях, разных странах, устройстве государств, различных диковинах. Под влиянием этих разговоров ему захотелось увидеть своими глазами все то, о чем он слышал от своих товарищей и собутыльников во время веселых попоек, и он решился на новое небывалое дело. Прежде ни один русский царь не ездил в Европу с визитами — посещать страны, населенные католиками, протестантами и «иными еретиками», считалось для православных государей невозможным, но, презрев и это старое правило, Петр отправился в длительный вояж за рубежи отечества. Европа не разочаровала его ожиданий, эффект от совершенных им в пути открытий был необычайно велик!

Переполненный впечатлениями, решительно настроенный царь был готов к кардинальным изменениям в своих владениях и вскоре после возвращения издал целую серию знаменитых высочайших указов, согласно которым подданные русского царя, кроме крестьян, обязаны были брить бороды, носить костюмы европейских образцов, употреблять табак, пить кофе. Также предписывалось повсеместно устраивать публичные увеселения, открытые для посещений как мужчинам, так и женщинам, дабы забавлять присутствующих музи-

цированием и галантными танцами. Приказывалось строить дома, разбивать парки, заводить хозяйства, составлять торговые компании по образцу европейских. Все стало делаться на иноземный образец, дерзких ослушников этих указов ждало суровое наказание, а потому в кратчайшие сроки страна совершенно преобразилась внешне, хотя дело едва не обернулось бунтом. Вскоре после возвращения царя из путешествия по стране загулял слух о том, что «немцы подменили царя, прислав вместо него похожего на Петра жидовина». И действительно, тот Петр Алексеевич, который вернулся из путешествия, был мало похож на себя прежнего, каким его помнили до отъезда. В нем даже разглядели явные признаки Антихриста, который должен был явиться, знаменуя собой начало процесса кончины мира: по времени возвращение царя и начало им радикальных реформ совпали с одной очень важной для русских людей датой — как раз около того времени на Руси в очередной раз ждали конца света...

Подобные настроения временами настигали жителей многих европейских стран, накрывая их, подобно чумной эпидемии. Русские «грамматики» внесли свою долю в них, толкуя о том, что Антихрист непременно явится в Европе среди католиков, аргументируя это тем, что «по тысящи лет от воплощения Слова Божия бысть развязан сатана, и Рим отпаде со всеми западными церквами от восточной церкви. В 595 лето по тысящи жители Малой России к римскому костелу приступили и на всей воли римского папы заручную грамоту дали ему. Се второе оторвание христиан от восточной церкви. Егда же исполнится 1666 лет, да нечто бы от прежде бывших вин зла никакого не пострадати и нам».

Около 1648 года в Москве появилась «Книга о вере», автор которой доказывал, что последние времена уже настали и что действующий римский папа — это предтеча Антихриста, а сам папа-Антихрист явится в самом скором времени. Подобные настроения царили не только у православных — в некоторых европейских странах среди католиков-простолюдинов ходили такие же слухи.

Согласно Апокалипсису власть Антихриста от его объявления и начала «явного правления» продлится два с половиной года, так что «оставшиеся верными» не сомневались,

что в 1669 году грядет кончина мира. Ждали, согласно толкованиям, что конец света наступит в полночь с субботы на воскресенье перед Масленицей или в ночь на Троицын день. И вот в эти ночи «верные», одетые в чистые рубахи и саваны, а некоторые даже в монашеские рясы, ложились в заранее приготовленные гробы. Но ждали-ждали и не дождались, после чего спешно начала распространяться более тонкая трактовка: мол-де, Антихрист явился «в нечувственном виде», то есть не в виде индивидуального существа, а в виде «духа времени».

Потерпев фиаско в 1666—1669 годах, толкователи вывернулись испытанным способом, начав проповедовать, что дата конца света была исчислена неверно: сатана-де был связан клятвой тысячу лет не от Рождества, а от Воскресения Христова. Таким образом, к 1666 прибавляли 33 и получали 1699 год; к этой дате плюсовали ожидаемое время правления Антихриста — два с половиной года, и выходило, что мир погибнет в 1702 году.

Стоит ли удивляться, что возвращение царя из Европы и объявленные им реформы немедля объявили «началом конца». Многие в ожидании трубного гласа завершали дела, прощались с близкими, опять готовили гробы. Некоторые сознательно приносили себя в жертву, полагая, что служат высшим целям, своим подвигом обличая Антихриста, — они демонстративно отказывались исполнять указания властей, сознательно идя на муки и смерть.

Нагнетая своими рассказами и пророчествами ужас о грядущей кончине мира, нелегальные проповедники стали уверять православных в том, что «добровольный уход от соблазнов мира» приравнивается к мученичеству, а стало быть, «пострадать за веру», приняв добровольные муки, это правильно. Тем, кто решался, обещали посмертные блаженства и причисление к святым мученикам. При этом говорилось, что потерпеть-то им нужно будет совсем немного, а может, и вовсе не придется. «А в огне-то здесь небольшое время потерпеть, — учил знаменитый расколоучитель Аввакум. — Боишься печи той? Дерзай, плюй на нее, не бойсь! До печи страх-то, а егда в нее вошел, так и забыл все...» Самосожжения начали фиксировать еще при жизни Аввакума, в 1676 го-

ду, и продолжались они даже в XVIII веке. Всего же таким путем покончило с собой более 20 тысяч раскольников.

Все прежние попытки русских государей обрусить полезные европейские новшества сталкивались с одной и той же проблемой: они были порождениями другой жизни и никак не могли укорениться на русской почве, а потому, даже будучи весьма полезны, выглядели чужеродно. Русские образ жизни, уклад, способы мышления не соответствовали европейским. Это Петр сообразил с поразительной остротой — он понял, что строящееся им общество, беря образцы европейского качества, не может принимать их избирательно, поскольку достижения европейской цивилизации являлись продуктом сложной общей эволюции, частью которой, может, и не самой главной, но все-таки были и костюмы, и внешний облик, и жизненные привычки. Как это было связано между собой, думать царю, вероятно, было недосуг; поэтому он просто решил копировать «один к одному» и ввел государственный «дресс-код», благо что силы его личной власти на это хватало.

Благодаря нешуточным усилиям поколений русских литераторов, а нынче и легиона сценаристов главным поступком Петра во время путешествия в Европу стало его поступление на корабельную верфь плотником, когда он жил, снимая комнату в доме голландского обывателя, и питался в обычном саардамском трактире. Но плотничал Петр Алексеевич совсем недолго, а потом, наказав сопровождавшим его трем десяткам дворян продолжать учиться корабельному делу, в компании из нескольких самых близких и надежных товарищей отправился путешествовать по разным странам, добравшись до Англии. Его принимали при дворах монархов, устраивали встречи с политиками, богословами, коммерсантами, военными, моряками, учеными. Он приглашал к себе на службу, сулил чины, награды, богатство, и эти его приглашения вызвали волну отъездов на русскую службу.

Очень нравилось сочинителям то, что Петр Алексеевич во все старался вникнуть сам, все хотел попробовать лично. Трудно судить, каким он был кузнецом, артиллеристом, плотником и шкипером, хоть уверяют, что всеми этими профессиями он владел. Точно известно, что был он хорошим токарем — ему нравилось точить детали, и в такие минуты он

добрел, смягчился нравом, а потому хитрые придворные старались подсунуть ему на подпись самые рискованные бумаги или сделать неприятный доклад именно в личной государственной токарной мастерской.

Судя по сохранившейся обширной коллекции трофеев, царь выучился драть зубы. Он вообще очень интересовался медициной, обожал ходить в анатомический театр амстердамской Палаты мер и весов — на вскрытие трупов тогда публика валила валом, это зрелище было модным. Среди врачей и ученых аптекарей у него завелись обширные знакомства, и, возможно, из самого Петра мог бы выйти отличный медик — да вот не сложилось, пришлось царствовать.

Но все занятия, которыми увлекался царь Петр, освоенные им навыки десятка ремесел были далеко не главными умениями для самодержавного государя, правившего огромной страной. А вот в чем у Петра Алексеевича совершенно не заметно таланта, так это по части финансов и предпринимательства. С первых же шагов в Европе он столкнулся с ловкими бизнесменами, которые легко обводили русского государя вокруг пальца. Перечить ему никто не смел, а потому царь, лично заключая контракты, наделал массу ошибок. Европейские банкиры считали его ненадежным заемщиком и часто отказывали в ссудах, а потому приходилось обращаться к посредникам, соглашаясь на огромные проценты. Торговые монополии по неопытности были им розданы на крайне невыгодных условиях. Несмотря на уверения в дружбе, к себе торговать русских европейцы не пускали, предпочитая скупать задешево товары в России и вывозить на рынки самим. Тягаться с европейскими коммерсантами у русского купечество не хватало ни силенок, ни навыков.

В этом смысле показателен пример сотрудничества русской казны и представителей гамбургского семейства Поппе. Глава семьи Ганс Маттиас Поппе с 1682 года жил в Немецкой слободе, закупая икру, лососину и сырье для медикаментов. В частности, он один из первых увидел выгоду от торговли ревенем, который добывали в Сибири в больших количествах, но, не зная о ценных лечебных свойствах растения, продавали задешево. Герр Поппе предложил русской казне 30 тысяч рублей за монополию и, вывозя весь русский ремень морем в Гамбург, оттуда отправлял его в Голландию, где реа-

лизовывал по восьми рейхсталеров за фунт. Когда спохватившийся царь Петр велел русским купцам самим везти ремень в Голландию, на тамошней бирже их товар бойкотировали, давая за него смешную цену; организатором этого бойкота было семейство Поппе. Но, погубив казенное предприятие, оно тем не менее осталось в чести у царя; Поппе, братья Франц и Ганс, вели дела русской короны с европейскими банкирами, финансировали русскую армию во время ее заграничных походов, посылали содержание пленным, через них шло финансирование дипломатических миссий. Из Европы торговый дом Поппе завозил в Россию сукно для армии, седла и сбрую для кавалерии, изделия из меди, готовые лекарства. В коммерческих вопросах Поппе были так ловки и оборотисты, что прежде всего им от Петра давались особенные задания. В частности, именно Поппе стояли у основания российского виноделия, которое, по приказу царя, было заведено в районе станицы Цимлянской на Дону. Сам ли Петр сообразил, или кто-то из иностранных советников подсказал ему, теперь это уже не важно — главное, что возле Цимлянской был высмотрен треугольник земли, самой природой созданный для виноградарства. По высочайшему приказу Ганс Поппе в Рейнской области закупил саженьцы винограда, завербовал крестьян-виноградарей и мастеров-виноделов, произвел все закупки орудий, посуды и материалов. Через гамбургский порт все необходимое для производства вина было отправлено в Россию и доставлено в низовья Дона.

Среди прочих специалистов Петр настойчиво звал на службу шотландского финансиста Джона Лоу, который придумал замечательную штуку — вести расчеты не в наличных деньгах, а в условных бумажных банковских обязательствах. Своими экспериментами в этой области он обрушил финансовую систему Французского королевства, погорев на необеспеченных банкнотах и акциях. К счастью для России, Лоу не сообразился генеральским чином в русской службе и всеми выгодами, которые ему сулили на переговорах эмиссары царя. И без хитроумного шотландца было кому запустить руки в казну, которую при Петре грабили все кому не лень.

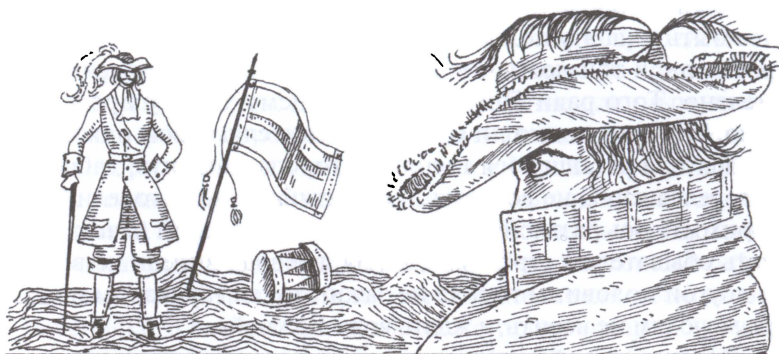
Менеджер из Петра Алексеевича получился не лучше финансиста — его неоднократно подводило неумение разбираться в людях, из-за чего создать управленческую систему,

способную функционировать достаточно эффективно, ему так и не удалось. Назначенные им воеводы могли всерьез запрашивать Сенат: «Сего 20 мая, на память мученика Фалалля, волей Божией половина города выгорела дотла с обывательскими пожитками вместе, а из оставшейся целой половины города ползут тараканы в поле, и видно по сему, что быть и на эту половину гневу Божию, и на долго ль, коротко ль, и той половине гореть, что от старых людей приимчено. Того ради Правительствующему Сенату представляю: не благоугодно ли будет градожилителям свои пожитки выбрать, а оставшуюся половину города запалить, дабы не загорелся город не вовремя, и пожитки все не погорели бы». Приходилось разъяснять радетелю о государевом благе: «Велеть обывателям строиться, а тебе воевода впредь не врать и другой половины города не зажигать, да тараканам и старым людям не верить, а ждать воли Божией».

Впрочем, сам государь недалеко ушел от заботливого воеводы, оставив после себя целый ряд анекдотов. Скажем, по его велению в русских судах не рассматривались свидетельства рыжих — «понеже рыжим веры нет». Или вот еще мнение государя о субординации: «Подчиненный перед лицом начальствующим должен вид иметь лихой и слегка придурковатый».

Лезть во все дела самому Петру приходилось не от хорошей жизни, но намного ли могло хватить одного, пусть самого большого и грозного, начальника? До всех ли могла достать его дубинка? Наконец, всегда ли благотворно было его вмешательство в дела? Наиболее явственно изъяны и слабые стороны системы русского управления проявились осенью 1700 года под Нарвой, где все «тонкие места» прорвались разом.

9. Хорошо выученные жестокие уроки

Не избежав лукаво-ласковых сетей деятелей европейской политики, в том же 1699 году, когда поданным русского царя было приказано курить и бриться, Петр Алексеевич заключил тайный пакт с королями Дании и Польши, готовившимися объявить войну Швеции.

Эта война, вошедшая в анналы мировой истории под названием «Северная», началась в феврале 1700 года. В нее русский царь Петр вступил, уже имея опыт двух военных походов, совершенных в низовья Дона, увенчавшихся в 1696 году взятием сильной турецкой крепости Азов, открывавшей выход в Черное море. Но под Азов ходила рать, в которой многое еще оставалось от прежнего русского войска, а в 1700 году в поход выступила армия, скомплектованная по европейскому образцу, под командованием в основном офицеров-иностранцев. Имелось и еще одно весьма немаловажное отличие от прежних походов — рядом с Петром уже не было двух его главных военных советников: в начале марта 1699 года скончался Франц Лефорт, а в декабре того же года умер Патрик Гордон. Еще прежде их, в 1694 году, умер старый наставник Петра, боевой генерал и дипломат Павел Менезий, и таким образом вокруг

царя не осталось офицеров-иностранцев, которых можно было бы назвать «друзьями, проверенными временем». Однако, окрыленный первыми победами, Петр Алексеевич не сомневался в грядущем успехе, а главное — он не видел в короле Карле достаточно сильного противника. И не один он думал так о шведском монархе, который совсем недавно, в 1697 году, пятнадцатилетним юношей вступил на престол.

Аккредитованные при шведском дворе дипломатические агенты исправно доносили своим правителям о шумных забавах и дерзких выходках шведского короля. Они отмечали склонность юного монарха рядиться в пышные костюмы и устраивать роскошные охоты. Непременно упоминали о его странных фантазиях, позволявших усомниться в душевном здоровье. Молодой человек уже вошел в тот возраст, когда начинают задумываться о женитьбе, а он все еще по-детски грезил рыцарскими подвигами, и не только грезил — Карл наяву старался во всем походить на прашуров. Он возродил обычай охоты на лесного зверя с холодным оружием и сам ходил на медведя в одиночку, вооруженный лишь рогатиной, ножом да боевой дубиной, как некогда охотились легендарные конунги, от которых Карл производил линию своего рода. В чем-то Карл был странно схож с Петром — тот из кожи вон лез, чтобы обратить русских в немцев и голландцев, а Карл спал и видел, как бы вернуть шведам славу викингов, от одного имени которых дрожали Европа, Сицилия и Северная Африка.

Наблюдавшим это странное и во многом безалаберное правление тогда казалось, что мальчишка-король не сегодня-завтра свернет себе шею в одном из опасных предприятий, которые он то и дело затевает, но если даже каким-либо чудом уцелеет, то все равно не сможет толком править. Вернувшись к родным пенатам, побывавшие в Швеции посланники в устных отчетах высказывали то, что не решались доверить бумаге, уверяя своих государей и шефов внешней политики: «Король Карл слишком молод, необразован и мечтателен. Он мыслями витает в неких дальних краях, населенных героями прошлого, рыцарями и драконами. Такой государь не сможет организовать оборону метрополии, не говоря уже о заморских землях шведской короны».

Эти доклады вводили в изрядный соблазн правителей соседних со Шведским королевством стран, которые имели

тайные претензии на сопредельные земли, некогда отвоеванные у них шведами и унаследованные Карлом по праву рождения. Многим политикам казалось глупостью не воспользоваться моментом, когда великой страной правит столь ничтожный государь, в голове у которого одни только пиры, забавы, скачки да еще грезы о былых временах...

Как оказалось, самоуверенные дипломаты и политики просмотрели в необычном короле очень многое. Когда в 1699 году войска Польши, Дании и России в разных местах атаковали шведские владения на европейском континенте, Карл повел себя вполне по-взрослому. На борт боевого корабля, отправлявшегося к датским берегам, король взошел, одетый как солдат, отправляющийся в поход. В тот момент, когда по его команде поднимали якоря, Карл демонстративно сорвал со своей головы пышный парик и бросил за борт — это был знак того, что с прежними забавами покончено навсегда.

Первой жертвой его военного таланта стали датчане: Карл высадил армию возле Копенгагена и сам шел с первой волной атакующих, по грудь в холодной воде под пулями и картечью противника. Опрокинув оборону лобовым ударом морского десанта, король приказал устроить недалеко от столицы неприятеля укрепленный лагерь, а потом приказал своему военно-морскому флоту атаковать датскую столицу. После ожесточенной артиллерийской бомбардировки датский король Фредерик IV запросил мира, обязуясь прекратить боевые действия в Гольштейн-Готторпском герцогстве, вторжение в которое и стало причиной объявления войны. Добившись своего от одного противника, Карл немедленно принялся за других.

Следующим под удар шведской военной мощи попал польский король Август II Саксонский, который занял польский престол, посулив сейму взять у шведов Ригу и отвоевать прибалтийские земли. Обложив Ригу плотной осадой, он приказал обстреливать город, но затем неожиданно увел войска от города. Объяснение его странного поведения есть у шведского мемуариста. Будто бы в лагерь к Августу прибыли представители английских и голландских коммерческих фирм, которые стали сетовать, что до осады с рижских складов не успели вывезти ценные товары; теперь этим товарам

грозила гибель от бомбардировок тяжелой осадной артиллерии, а в случае взятия города — от бесчинств мародеров. Чтобы избежать этого, господа негоцианты, скинувшись, собрали 100 тысяч ефимков, которые с радостью готовы были поднести королевскому величеству при условии, что ему угодно будет отложить взятие Риги до весны, когда товары уйдут со складов к покупателям. Король вошел в тяжелое положение купечества и, чтобы не подрывать европейскую торговлю, деньги соизволил принять.

В это же время русская армия под руководством царя Петра I вторглась в Ингерманландию и осадила шведскую пограничную крепость Нарва. Шансы на успех у русских были весьма велики: большая часть нарвского гарнизона ушла на выручку Риги, а в распоряжении Петра было сорок тысяч солдат и мощная артиллерия, по иронии судьбы составленная из пушек шведского производства.

Часть орудий, с которыми Петр осаждал Нарву, подарил русским шведский король Карл XI перед походом на Азов, а остальные были куплены в Швеции незадолго до войны, уже при Карле XII. В этом шведскому монарху виделось особенное коварство — он разрешил продать пушки, считая короля Петра своим союзником, а тот из этих орудий палил теперь по Нарве, где с трудом держался гарнизон в полторы тысячи штыков, подкрепленный четырьмя сотнями вооруженных нарвских обывателей.

Избавившись от забот по деблокаде Риги, Карл получил возможность целиком переключиться на Нарву и, перекинув морем 5 тысяч пехоты, 3 тысячи конницы и 37 пушек, высадился у Пярну. Туда же по его приказу стали стягиваться другие шведские отряды.

Узнав о высадке шведов, государь Петр Алексеевич, несмотря на значительное численное превосходство своей армии, все же решил привести из Новгорода подкрепления, а главное, доставить оттуда пороховой обоз — тот порох, что был в лагере под Нарвой, основательно подпортила осенняя сырость. Так как сделать все нужно было быстро, в Новгород царь решил ехать сам, справедливо полагая, что при его участии дело пойдет живее. Отъезжая, Петр назначил главнокомандующим герцога де Круа, приехавшего в Новгород из

Польши с поручениями от короля Августа. Это была большая ошибка.

Подданный французской короны Карл де Круа получил свой титул от французского монарха Генриха IV. Генеральских чинов он достиг, служа под знаменами датского короля и императора Священной Римской империи. Петр Алексеевич познакомился с ним во время своего пребывания в Амстердаме и был очарован его военной опытностью и житейской бывалостью. Тогда же он пригласил де Круа на русскую службу, но прагматичный герцог предпочел саксонский контракт. Судьба, однако, распорядилась так, что в августе 1700 года он все-таки оказался в стане русской армии и весьма неожиданно получил предложение стать главнокомандующим.

Де Круа был опытный и храбрый вояка, но он совершенно не понимал по-русски и мало знал войско, которым ему было поручено командовать. И это было еще полбеды! Главной проблемой Карла де Круа был хронический алкоголизм — его высочество даже по российским меркам слишком усердно «закладывал за воротник». Все дела, каковые требовали его распоряжений, надо было успевать обделывать до обеда, ибо позже он чаще всего пребывал «ни к какому делу бысть употреблен неспособен».

Перед отъездом в Новгород царь Петр подписал ряд приказов, утверждавших единоначалие де Круа и обязывавших русских офицеров ему подчиниться. Оставленная царем инструкция гласила: «Все генералы, офицеры, даже и до солдата, имеют в небытии его царского величества быть под герцога де Круа командой во всем, яко самому его царскому величеству, под тем же артикулом». Однако, даже несмотря на прямые распоряжения царя, этот внезапно появившийся в лагере человек не имел среди подчиненных ему офицеров никакого авторитета, что вылилось в открытую распрю между ними, едва только Петр отбыл из осадного лагеря. Занятый сведением личных счетов, командный состав осадной армии мало-помалу перестал контролировать происходящее.

Между тем армия Карла уже была на подходе к Нарве, но в русском лагере об этом не догадывались; русские генералы исходили из того, что на подмогу осажденным идут какие-то отряды, чтобы помешать подготовке решающего штурма. Выступивший на совете генерал Борис Петрович Шереме-

тев даже предлагал выйти из лагеря всей армией навстречу этим отрядам и разом ликвидировать угрозу.

Сколь это ни покажется удивительным, но именно этот демарш — при полном незнании реальной ситуации — мог бы спасти кампанию; шведы располагали меньшими силами, только что совершили тяжелый марш и, конечно, не были готовы к встречному бою с превосходящими силами противника. Но никто не захотел брать на себя ответственность за столь решительный шаг — при отъезде царь велел осаждать крепость, а выходить, то есть проявлять своеволие, желающих не нашлось. Предложение Шереметева отклонили, и армия осталась в лагере, вытянутая в тонкую линию, не имея резерва и глубины фронта.

К вечеру 19 ноября 1700 года повалил сильный снег, и при плохой видимости русские дозоры прозевали подход шведской армии. Зная от своих разведчиков и перебежчиков русскую диспозицию, Карл решил атаковать с ходу, ничуть не смущаясь пятикратным превосходством сил противника.

Словно призрак шведское войско вынырнуло прямо из белой стены снегопада всего в двадцати шагах от русского лагеря; новинка тогдашней тактики — штыковая атака, знакомая русским солдатам только по учениям, — вызвала панику в их рядах. Попытки офицеров как-то организовать оборону потерпели крах; тогда офицеры-иноземцы во главе с герцогом де Круа сдались на милость короля.

Это была полная виктория шведского оружия. От абсолютного разгрома армию Петра спасла лишь стойкость Преображенского, Семеновского и Лефортовского полков, сумевших удержать позицию до наступления темноты, когда битва по естественным причинам прекратилась. В память о проявленном героизме солдатам и офицерам этих полков впредь велено было носить форменные чулки красного цвета — в знак того, что под Нарвой они сражались, «стоя по колена в крови»

Утром 20 ноября была русскими подписана капитуляция, по условиям которой армия уходила из-под Нарвы, оставив победителям всю артиллерию и обозы.

В советской литературе, в частности в известном романе Юрия Германа «Россия молодая», сдавшиеся в плен под На-

рвой офицеры-иностранцы, служившие в армии Петра, были выведены подлыми предателями, продавшимися за деньги. Их якобы осыпали золотом и чинами, сделали главными советниками при подготовке новой войны. Это неправда — у шведов, лютеран по исповеданию, склонных к аскетизму и умеренности, было не принято «осыпать золотом», да и возможностей таких у королевства не имелось. Попавшим в плен под Нарвой офицерам жилось очень худо, а печальнее всех история приключилась с герцогом де Круа: его отвезли в Ревель и никуда не отпускали; на пансионное содержание шведы его не приняли, жалованья герцог не получал и наделал долгов. При этом его сиятельство продолжал крепко пить. Находясь в неволе, он писал королю Августу и царю Петру, прося поддержать свое существование, и кое-какие деньги ему присылали, но все эти средства по постановлению городского суда арестовывали и пускали на удовлетворение претензий кредиторов. Пленному фельдмаршалу приходилось снова одалживаться, и он так запутался в своих делах, что, когда 30 января 1702 года пьянство его окончательно добило, заимодавцы добились запрета на захоронение трупа до удовлетворения всех долговых обязательств. Покойника натурально арестовали, и более ста лет набальзамированное тело фельдмаршала сохранялось в подвале ревельской церкви Св. Николая. Наследники герцога, если таковые имелись, не спешили выкупить его останки, а потом о них благополучно позабыли.

Мумифицированное тело герцога случайно обнаружили в 1819 году и по распоряжению прибалтийского генерал-губернатора маркиза Пауллуччи поместили под стеклянным колпаком в одной из капелл Николаевского храма. На эту мумию специально приходили посмотреть приезжие, которым демонстрировали местные достопримечательности. Среди таких туристов был и лицейский друг Пушкина Дельвиг, который, делясь впечатлениями о Ревеле, писал Александру Сергеевичу, что покойный герцог де Круа лицом похож на папашу Пушкина, Сергея Львовича, но «только важнее видом будет».

Этому занятому аттракциону в 1870 уже году решил положить конец вновь назначенный генерал-губернатор князь Волконский, приказавший похоронить тело по христианскому обряду. И тут вышла изрядная заковыка! Оказалось, что

вдобавок к саксонскому чину фельдмаршала царь Петр за те лишения, которые терпел герцог в плену, незадолго до смерти де Круа произвел его в генерал-фельдмаршалы русской службы. По уставу военного такого ранга полагалось хоронить со всеми высшими почестями — в присутствии особ императорской фамилии, частей гвардии и представителей дипломатического корпуса. Не зная, как быть, господин генерал-губернатор подал рапорт на высочайшее имя и получил резолюцию императора Александра II, собственноручно начертанного: «Похоронить тихо». Исполняя это повеление, многострадальные останки герцога без лишней помпы поместили в склеп капеллы Клодта, где они пролежали до 70-х годов уже двадцатого века, когда на них наткнулись советские реставраторы, занимавшиеся ремонтом храма. И в этот раз находка тела де Круа вызвала оживленную дискуссию и переписку, но в конечном итоге дело все же пришлось к своему логическому финалу, и в 1979 году останки герцога были — наконец-то! — преданы земле.

Подвергнув «своего царственного брата Петра прискорбной конфузии», шведский король обратил свой взор на Польшу и принялся крушить армию короля Августа. А что же «венценосный брат» Петр? Урок, преподанный под Нарвой, явно пошел впрок. Слухи о позорном разгроме разнеслись по всей Европе. Больно ударила по его самолюбию потешная медаль, выбитая по приказу Карла XII: на ней Петр был изображен выронившим шпагу, потерявшим шляпу, льющим слезы. Но именно в этот критический момент в нем проявились качества настоящего царя. Еще в точности не было известно, во что обошлась «нарвская конфузия», когда Петр начал готовиться к новым сражениям.

Чего только стоит история со снятием колоколов! Штука была в том, что большую часть торговли железом и вообще металлами Россия вела через Швецию. Русская артиллерия, оставленная под Нарвой в качестве трофея короля Карла, состояла как раз из орудий шведского производства. Вместе с пушками в руки неприятеля попал и главнокомандующий русской артиллерией, первый русский генерал-фельдцейхмейстер грузинский царевич Александр Арчилович. Он родился в 1674 году в Тифлисе; когда ему было десять лет, отец,

царь Имеретии Арчил II, вывез его и брата Мамуку (Матвея) в Москву, куда и сам приехал, спасаясь от неурядиц на родине. Молодые князья воспитывались при русском дворе вместе с детьми остальной туземной аристократии, состоявшей в российском подданстве: царевичами сибирскими, касимовскими и прочими.

Царевич Александр был одним из «потешных» царя Петра и его верным товарищем. Их дружба прервалась, когда в 1688 году царь Арчил снова отправился в Грузию, чтобы бороться за свои владения, а сыновей взял с собой, но в родных краях было слишком опасно, и четыре года спустя отец отослал юношей обратно в Москву. Вошедший в возраст царевич женился на дочери боярина Ивана Михайловича Милославского, породнившись с русской аристократией. Затем он участвовал в европейском вояже Петра. В Амстердаме царь изъявил желание послать Александра Арчиловича в Гаагу для изучения артиллерийского дела, чем царевич и занимался до 1699 года. По возвращении в Россию он был обласкан, награжден землями и людьми. Ему пожаловали чин генерала русской службы и передали в его ведение Пушкарский приказ.

Оказавшиеся в плену офицеры содержались сначала в Нарве, потом их отправили в Швецию. Предложения Петра о выкупе или обмене встречали отказ, пленные писали ко двору, что содержат их «худо и в большой строгости». За генерал-фельдцейхмейстера шведы требовали отпустить шестьдесят своих пленников. Царь Петр написал Александру Арчиловичу, спрашивая его мнения о таком обмене, — тот решительно отказался, написав, что идти на это никак нельзя. В очень тяжелых условиях грузинский царевич провел целых десять лет, прежде чем в 1710 году стороны наконец-то сговорились поменять его, князей Трубецкого и Долгорукова и генерала Автонома Головина на фельдмаршала Реншельда и графа Пипера. Пленников повезли к пункту обмена, но изможденный лишениями многолетнего плена царевич Александр в дороге умер, и шведы отдали русским уже его бездыханное тело.

Артиллерию после Нарвы пришлось создавать заново. Петр призвал к этому занятию Андрея Андреевича Виниуса, сына голландского купца, с которого началась русская метал-

лургическая эпопея. Старший Виниус крестился по православному обряду, стал Андреем Денисовичем и был записан в московское дворянство. Сын, названный по батюшке Андреем, родился в 1641 году и получил порядочное образование. Свою карьеру Андрей Андреевич начал, служа в Посольском приказе, где занимался переводами, ездил с поручениями в Англию, Францию, Испанию и другие страны. Потом под начало Виниуса отдали устройство почтовой службы, во главе которой он простоял четверть века. Когда ему было уже за пятьдесят лет, Петр поставил его руководить Сибирским приказом, а после «нарвской конфузии» сделал «главным по артиллерии».

Отчего именно его? О том судить трудно — возможно, просто «по старой памяти», а может, и оттого, что во время управления Сибирью Виниус, среди прочего, занимался устройством рудников и плавильных заводов. Как бы то ни было, но Андрей Андреевич довольно удачно повел дело: ему удалось привлечь нескольких мастеров-литейщиков и пушечных мастеров из Голландии, набрать штат квалифицированных рабочих, а чтобы преодолеть проблему дефицита качественного металла, годного для литья пушек, Виниус предложил переплавить церковные колокола.

Это была рискованная затея: во-первых, снятие колоколов со звонниц вызвало возмущение верующих и грозило бунтом, а во-вторых, не было никакой гарантии того, что пушки из этой бронзы будут пригодны для стрельбы. Артиллерийские орудия отливали из сплава, в котором медь и олово были в пропорции девять к одному, а на колокола шел сплав, где меди было 78 процентов, а олова соответственно 22. Но других возможностей в короткий срок возродить артиллерию никто не предложил, а потому царь Петр принял предложение Виниуса; при жесточайшем подавлении всяких попыток сопротивления колокола были сняты и свезены на московский Пушечный двор, где их перелили на пушки, которые — ко всеобщему облегчению — оказались вполне сносного качества.

Большая война требовала многих специалистов, но главным дефицитом были военные врачи. Громадное количество раненых и повальные болезни, косившие войска, — все это ослабляло армию, а подготовка своих медиков оставалась на

том же уровне, что и при государе Алексее Михайловиче Тишайшем.

До середины XVII столетия врачи, работавшие на Руси, разделялись на две неравные части: к первой, «привилегированной», относились те, что приезжали из разных стран по контракту — лечить царя, его семью, придворных, знатных бояр и прочих лиц «непростого звания». Они составляли в Московском царстве своего рода замкнутую касту, чему способствовало и то, что иноземцам не дозволялось жить среди русских и в Москве они поселялись в Немецкой слободе. Если же лекарю-иностранцу доводилось жить в провинции, то он обитал при доме своего патрона, опять-таки находясь на особом положении.

Вторую, куда более многочисленную часть врачей, составляли местные целители, пользовавшие люд попроще. Свое искусство и знания они передавали по наследству, как и во всяком другом ремесле, однако не следует думать, что врачом мог объявить себя любой. Чтобы получить официальное разрешение на врачевание, необходимо было пройти испытание в Аптекарском приказе, в книгах которого записывались имена лекарей; прошедшим испытание выдавалось свидетельство — выписка из приказной книги. Уличенных в незаконном врачевании могли выдрать кнутом «как изобличенную шельму».

То же самое касалось аптекарского дела. О первых аптекарях-европейцах, поселившихся в Москве, сведения сохранились самые смутные. Появились они во времена правления Ивана Грозного, когда на русскую службу стали целенаправленно приглашать иноземных ученых и мастеров разных ремесел. Подробностей о работе приезжих медиков того времени сохранилось мало; в Никоновской летописи под 1554 годом помянут некто «литвин Матюшка аптекарь», которого привлекли к расследованию по каверзному делу о проповеди ересей. В документах сей Матюшка (вообще-то звавшийся Матиасом) и его подельник Андрей Хотеев названы «латынниками», то есть католиками. Но скорее всего, они проповедовали протестантизм, который проник в Литву в 20-х годах XVI столетия — в то время многие литовские магнаты из католичества переходили в кальвинизм и лютеран-

ство. Проповедь литовских протестантов в российских пределах была пресечена со всевозможной жестокостью.

Следующая волна фармацевтов прибыла на Русь из Великобритании, и именно англичанину выпало быть вписанным в скрижали истории в качестве «первого российского аптекаря». Речь идет об аптекаре Джеймсе Френчеме, который прибыл на службу русскому царю вместе с лейб-медиком английской королевы Робертом Якоби. У этого аптекаря была своя самая настоящая аптека, открывшаяся в Кремле в 1581 году. Весьма вероятно, что эта аптека существовала и до него, но более ранних упоминаний о ней не сохранилось. В любом случае только с появлением Френчема, который получил на обустройство достаточно средств, аптека стала такой, какой надлежало быть придворному заведению. Она снабжала лекарствами только царя и его семью; в редких случаях лекарства отпускались по письменному ходатайству видным боярам.

Проработав в Москве два года, Френчем отправился домой, чтобы повидаться с престарелым отцом, о чем Ивана Грозного в своем послании просила сама английская королева. Затем он еще раз приезжал в Москву, уже в 1602 году, и привез с собой большой запас снадобий. В представленном им списке указаны 207 наименований плодов, трав, корней, кора разных деревьев и кустов, разные роды камеди, смолы и эфирные масла. Но сохранились сведения и о том, что мистер Френчем тайно, в обход английской таможни, в Московию вывез ларец, содержимое которого в списке не фигурировало. Поговаривали, что, хорошо зная потребности русского двора, Френчем доставил в Москву коллекцию отборных ядов, произведенных по рецептам американских индейцев, против которых у европейцев противоядий не имелось.

Путешественник Шлейзинг, посетивший Москву в середине XVII века, восхищался роскошью кремлевской аптеки: «Там я видел стеклянные сосуды из лучшего хрустала, прекрасно отполированные и украшенные резьбой, серебряные витрины и много позолоченных инструментов, банки и другие необходимые аптечные принадлежности из лучшего серебра и золота. При этом все расположено в образцовом по-

рядке». Стены и потолки комнат, занятых аптекой, были расписаны, полки и двери обиты лучшим английским сукном, подоконники устланы бархатом, в окнах были вставлены разноцветные стекла. Там были европейские механические часы, большой глобус, чучела птиц и животных. В самих аптекарских помещениях и даже на улице поблизости от них соблюдалась образцовая чистота, что по тем временам тоже было частью необыкновенной роскоши.

В ту пору кремлевскими аптекарями были по-прежнему только иноземцы, за которыми был особый догляд. Комната, в которой хранились и готовились лекарства, называлась «казенка» — она опечатывалась печатью особого дьяка. Рецепт, выписанный доктором, поступал в Аптекарский приказ с приложением «сказки» — описания лекарственных свойств всех ингредиентов. «Сказка» докладывалась царю и начальнику Аптекарского приказа, и после разрешения царя рецепт поступал в аптеку. Лекарство изготавливалось аптекарем в присутствии выписавшего рецепт доктора и особого дьяка. Состав лекарства и фамилия его составителя заносились в особую книгу. Затем приготовленное лекарство отдавалось доктором и аптекарем и кем-либо из назначенных царем придворных. Если через определенное время никому из подопытных не становилось плохо, то лекарство принимал сам царь. Остатки лекарства допивала все та же компания, чтобы исключить возможность подсыпать чего-нибудь уже после того, как главная проба бывала снята. Эта система работала, и случаев отравления лекарствами царственных особ на Руси отмечено не было.

Долгое время количество аптек на русской земле измерялось единицами и пользоваться их услугами мог весьма ограниченный круг придворных. Все остальные, до бояр включительно, приобретали лекарственные средства в зеленых (то есть там продавали «зелья»), москательных и овощных лавках. Продавцы зеленых лавок и были фактически первыми русскими аптекарями, хотя этим словом и не назывались.

Товар в эти лавки попадал разными путями. Основную массу «зелий» вырабатывали из растений и трав, которые выращивали на огородах и собирали в дикой природе. То, что нельзя было вырастить в саду, на огороде, отыскать в поле или в лесу, закупали у иноземных купцов, приходивших с торго-

выми караванами из разных стран. Долгое время эта торговля находилась в руках армянских купцов, имевших большие связи по всему Ближнему Востоку, вплоть до индийских княжеств. Эти купцы также исполняли в дальних странах разные дипломатические поручения московских правителей, а потому получали их покровительство и торговые льготы. Караваны армянских купцов из Персии и иных южных стран приходили в Астрахань, и там «коренья и зелья для врачебных потребностей» продавались небольшими оптовыми партиями, которые потом по Волге доставляли в разные места российского государства. В дороге импортные «зелья» не раз меняли хозяев, а потому, добравшись до Москвы, значительно дорожали; но те же самые товары в Европе стоили еще дороже. Главным предметом этого «зелевого импорта» был опий — он был единственным надежным обезболивающим средством; кроме того, опийные настойки прекрасно лечили желудочно-кишечные расстройства.

В таком промысле, как торговля «зельями», имелись и свои тонкие моменты. Во-первых, сидельцев зелевых лавок, травников (их еще называли «помясами»), часто принимали за колдунов, а потому могли под горячую руку и придать самосуду. Во-вторых, лечение не всегда бывало успешным, а винить в неудаче проще всего плохое лекарство, что тоже было для «зелевников» проблемой; доходило до поджога лавок. В-третьих, и сейчас подчас применяют лекарство, не соблюдая рекомендованной дозы, способа и времени, а прежде полагали, что чем больше принять, тем лучше поможет, а потом виноватили все тех же «зелевников» и лекарей. Наконец, бывали и случайные ошибки, от которых никто не застрахован.

Так, в 1686 году «сиделец» московской зелевой лавки Туленщиков, будучи крепко выпивши, отвесил покупавшему у него лекарю Харитонову вместо золотника вяленых рачьих глаз такую же мерку сулемы. Лекарь вбухал сулему в отвар для захворавшего подьячего, отчего тот и помер. Когда Харитонova потянули к ответу, он указал на «зелевника», и того выслали из Москвы в Курск, который тогда был приграничным городом, и ссылка туда считалась страшным испытанием.

Законы российского государства для подобных случаев несколько раз ужесточались, и к концу XVII века, уже при Петре Алексеевиче, повелено было «зелейников», «кто нарочно или не нарочно уморит, того казнить смертию». Но и крутость этих мер ничего не гарантировала, подтверждением чему стала история с отравлением боярина Салтыкова, случившаяся в 1699 году.

Болевший боярин принял перед сном некое зелье, уснул и не проснулся. Снаряженное следствие установило, что средство это в дом Салтыкова принес лечивший его дворовый человек Алексей Каменский, который, призванный к допросу, и не думал отпираться. Он рассказал, что боярин жаловался на плохой сон и просил принести ему какое-нибудь снотворное, а он пошел на торжище в Зелейный ряд и там в лавке у сидельца Варфоломея приобрел немного опия: «купил на три деньги осьмую долю золотника арьяну (так называли опий русские. — *В. Я.*)». Это показание подтвердил и Варфоломей, уточнив, что рекомендовал «давать оный арьян, отмеряя против трех зерен конопляных». Следуя этой рекомендации, Алексей Каменский купленный в Варфоломеевой лавке арьян «разнял на 12 дач и давал барину для сна». Но, согласно домашней иерархии, подавать лекарство боярину должен был не лекарь, а «комнатный малый» — русский аналог камердинера. Вот этот самый «малый», интеллектом не блистая, взял двенадцать доз снотворного да и ахнул их все разом в кубок с питьем, поднеся эту смертельную дозу барину. В результате Салтыков под глубоким наркозом преждевременно перешел в мир иной, а лечившего его Алешку Каменского в компании «комнатного малого» по приговору Боярской думы укатали в Азов на каторгу без срока.

В это время как раз из заграничного вояжа вернулся царь Петр, насмотревшийся на лучшие образцы аптекарского дела в Нидерландах, Франции, Англии и разных немецких землях. Ознакомившись с делом о смерти Салтыкова и еще несколькими подобными, он решил в корне изменить систему торговли лекарствами и указом от 27 октября 1701 года повелел: «Зеленому ряду, что в Китае-городе, также и по улицам, где есть в Китае и в Белом городе что-нибудь лавки, в которых торгуются и продаются товары, всякие зелья и масти будто за лекарства, и тем лавкам не быть, никакими зельями

и травами, и мастьями, и лекарствами никому в тех местах мимо аптек не торговать и не продавать, и тот зеленый ряд по улицам и перекресткам лавки очистить, и продавцам тем товаром выехать вон из Ратуши».

Месяцем позже царь издал еще один указ, которым в Москве учреждались восемь «вольных аптек». Одна из них принадлежала сыну пастора Грегори, Иоганну Готфриду, которого, родившегося в Немецкой слободе, уже можно считать «коренным» москвичом. После смерти пастора Грегори его вдова вышла замуж за аптекаря Иоганна Гутбиера, заведовавшего кремлевской аптекой. Своего пасынка Гутбиер построил к делу, которым занимался сам, и тот, работая под началом отчима с 1689 по 1692 год, получил звание «алхимиста». Затем юношу отправили учиться в Ригу, где он год стажировался в аптеке «доктора и королевского врача» Фишера, а потом поехал на родину предков, в немецкий город Мюльгаузен, где его принял дядюшка Иоганн Блюментрост, занимавший пост главного городского врача. Три года Иоганн Готфрид под руководством дяди «хитрости врачебной обучался», а в 1696 году вернулся в Москву и стал алхимистом Нижней аптеки, а затем и аптекарем. В ноябре 1701 года, после царского указа о вольных аптеках, Иоганн Готфрид Грегори подал соответствующее прошение и вскоре получил разрешение открыть свою аптеку. В жалованной грамоте говорилось: «Наше Царское Величество иноземца аптекаря пожаловали, велели по Именному Нашему Великому Государя указу и по его челобитью построить ему в Ново-Немецкой слободе вновь аптеку своим иждивением, в котором месте пристойно и где б от того никому утеснения не было, и держать ему в той аптеке потребные всякие лекарства, а для скорбящих и в болезнях сущих, целительные спирты и водки и иные лекарственные напитки, и то все продавать ему в новой аптеке, всяких чинов людям ценою мерною без прибавки». Правда, вино запрещалось продавать чарками, кружками, ведрами и бочками. Все необходимое для производства лекарств надлежало покупать «у города Архангельского или в Азове, с платежом пошлин по Торговому Уставу». Предусмотрительный государь сразу же осадил возможных конкурентов Грегори, запретив «под опасением жестокого гнева» «иным русским людям и иноземцам, опричь

его Ягана, в той Немецкой слободе никаких аптек заводить и строить, и в домах своих лекарств никаких никому торговать и продавать».

Легкость, с которой устроилось это дело, не должна удивлять — Петр Алексеевич знал Иоганна Готфрида смолоду и даже дружил с ним, как и с некоторыми другими жителями Немецкой слободы. К тому же Грегори принадлежал к клану Блюментростов, позиции которого при дворе были чрезвычайно сильны. Сестра Грегори была замужем за генералом Вейде, входившим в близкий круг царских советников и доверенных лиц. Ее супруг сам в молодости был учеником аптекаря, но потом записался в «потешные» царя Петра и сделал большую военную карьеру. Отношения между семьями, несмотря на разницу в чинах, были самые дружеские. Герр аптекарь едва не породнился с самим Александром Даниловичем Меншиковым, который основательно ухаживал за другой сестрой Иоганна Готфрида. Но судьба была против этого союза — девушка умерла невестой. Сам же Иоганн Готфрид был женат на Барбаре Юнг, дочери пастора Александра Юнга, проповедовавшего в одной из кирх Немецкой слободы. Все эти семейства, имевшие разветвленные связи на самых разных этажах российской государственной иерархии, как могли, поддерживали «своих».

В 1654 году был издан царский указ, позволявший любому желающему человеку из числа подданных учиться лекарскому делу у иностранных докторов. Эта высочайшая милость открывала путь в медицинскую профессию не только «наследственным лекарям», но и всякому, кто пожелает, однако ажиотажа среди подданных царский указ не вызвал. В Немецкой слободе, где жили иностранцы, православные практически не бывали. К тому же, несмотря на царское разрешение, в учении у иноземцев был определенный риск: мало ли что могли сказать люди о человеке, который знает с «еретиками», да еще по делу, столь сильно напоминающему колдовство?

Только в 1668 году к доктору Иоганну Марку Гладбаху, состоявшему в ранге «царского лекаря», поступил в ученики русский человек Петр Григорьев. Доктор и его ученик подписали контракт, по которому Григорьев обязался служить

Гладбаху «за хлеб и науку» в течение четырех лет. По истечении оговоренного срока доктор обязался выдать от себя нужные бумаги, удостоверяющие, что Григорьев у него обучался и вполне способен лечить самостоятельно.

Три года кряду Петр Григорьев с усердием и рвением изучал медицину, а на четвертом году, под присмотром Гладбаха, пробовал врачевать самостоятельно. Но в 1671 году у Гладбаха истек срок контракта, и не пожелавший более оставаться при дворе Алексея Михайловича доктор Иоганн был отпущен на родину. Таким образом, Петр Григорьев оказывался как бы недоучкой, но немец, человек добросовестный и педантичный, относившийся к своему ученику с большой теплотой, решил до отъезда помочь ему получить диплом врача.

Дело осложнялось тем, что в Русском царстве не было врачебных организаций — как писал Гладбах в свидетельской грамоте, «нет дела нашего лекарского законного сборища». Но, посоветовавшись с коллегами, он все же нашел выход, и 1 сентября 1672 года (то есть в первый день нового года по тогдашнему русскому исчислению) в Немецкой слободе собрались иноземные лекари и аптекари, которые и засвидетельствовали отличные аттестации, выданные «Его Царского Величества доктором Яганом Маркусом Гладбахом своему ученику Петру Григорьеву».

Под этим документом удостоверяющую подпись «учинил собственноручно» Иоганн Розенбург, владелец Петрозаводского железодельного завода, а также подписались доктор Михайло Гралсон, придворный врач Симон Зоммер, аптекарь Иоганн Гутбиер, старший аптекарь Иоганн Гутменен. Свидетельствовали правдивость подписавших четыре лютеранских пастора: Балтасар Фадемрехт, Иоганн Дитрих Фокерот, Иоганн Готфрид Грегори и Александр Юнге. Тем самым Петр Григорьев получил вместо выписки из приказной книги Аптекарского приказа настоящий врачебный диплом европейского образца — скорее всего, первый в России! Впоследствии Григорьев врачевал, имея обширную частную практику. Диплом, писанный на латыни, хранился у него, а официальный, заверенный перевод с него находился в Аптекарской приказе.

Постепенно количество русских врачей, выучеников немецких специалистов, увеличилось настолько, что во време-

на царя Федора Алексеевича их уже было вдвое больше, нежели немцев: в Аптекарском приказе числилось 58 русских «дипломированных» лекарей против 23 приезжих из Европы. Но положение русских и иностранных коллег было совсем не одинаково, ибо приезжим отдавалось явное предпочтение. Знанию и умению выпускников европейских университетов доверяли больше, нежели доморощенным врачам, а потому и платили гораздо щедрее, так что многие из европейских врачей, по свидетельству их современников, «сами казались боярами и князьями». К тому же русские лекари не имели права учить сами и выдавать дипломы ученикам. Видя в том несправедливость, русские эскулапы даже подали челобитную царю, но добились только увеличения жалованья, которое, впрочем, все равно осталось меньше того, что платилось иноземцам.

Несмотря на то что врачей становилось все больше, потребность в них росла еще быстрее. Врачам-иностранцам «идти в народ» мешал языковой барьер — одно дело лечить аристократов, которые если не знали иноземных языков сами, то могли пользоваться услугами толмачей; совсем другое — пользоваться раненых солдат, которые, кроме как по-русски, ни на каком другом языке не говорили.

Постепенно сама собой вызрела идея создания собственной медицинской школы, где готовили бы русских врачей. Устроить такую школу решили при госпитале, который в 1706 году по указу Петра Великого начали строить в Москве, за рекой Яузой, напротив Немецкой слободы. Начальство над строительством, управление госпиталем и школой было поручено голландскому врачу Николаасу (на русский манер — Николаю) ван Бидлоо — потомственному медику, происходившему из амстердамского семейства Бидлоо, славившегося многими талантами.

Его отец Ламберт Бидлоо, аптекарь и ученый ботаник, выпустил каталог растений своей страны, а дядя Готфрид Бидлоо считался одним из лучших анатомов своего времени, он был ректором Лейденского университета. По семейной традиции Николаас поступил в амстердамскую медицинскую школу, затем защитил докторскую диссертацию в Лейдене и с 1697 года занимался врачебной практикой. За пять лет

работы в Амстердаме он приобрел определенную репутацию, и русский посол Андрей Матвеев весной 1702 года предложил ему контракт на шесть лет с окладом 2500 гульденов на год, что превышало жалование профессора любого голландского университета.

Летом 1703 года доктор вместе с супругой прибыл в Москву и, не имея на первых порах собственного дома, поселился в Немецкой слободе, на квартире у вдовы врача Генина. Последующие два года в качестве лейб-медика он состоял при особе царя, сопровождая Петра Алексеевича в его поездках. За это время они очень сблизились, что было совсем несложно — государь благоволил к голландским врачам почти так же, как к морякам.

В лице Бидлоо Петр Алексеевич нашел занятого собеседника — доктор Николаас, в традициях своей семьи, помимо медицины увлекался искусствами и разными художествами: картины его кисти даже в пресыщенной Голландии не затерялись — два портрета работы Бидлоо и нынче выставляются в галереях. Он составлял архитектурные проекты, знал толк в гидротехнике, разбивке садов и парков — его, как сказали бы англичане, хобби было то, что нынче называют «ландшафтным дизайном». Не лишен был доктор и таланта музыканта — играл на нескольких инструментах сам и дирижировал оркестром. В студенческие годы выступал на театральной сцене, а потом писал пьесы и ставил спектакли. Разносторонне одаренный, он совершенно очаровал царя Петра, и тот внял уверениям Бидлоо, что бóльший прок от его службы выйдет, если он станет руководить госпиталем и школой.

Согласно обещанию, данному царю, весь госпитальный комплекс доктор Бидлоо спроектировал сам. Дело шло быстро, и уже к осени 1707 года вдоль Яузы вытянулись здания госпитальных палат с церковью Воскресения Христова и бурса — общежитие студентов школы. В отдельном здании помещался анатомический театр со зрительскими местами, амфитеатром окружающими со всех сторон прозекторский стол; выстроили также аптеку с лабораторией при ней. На границе госпитального земельного участка с северной стороны вырос дом. Где поселилась семья Бидлоо.

Штат госпиталя состоял из доктора, подлекаря, приказчика госпитального двора, переписчика, попа, дьячка, четырёх

надцати мастеровых и подсобных рабочих. Главным врачом и ближайшим помощником Бидлоо стал выпускник Лейденского университета Матвей Кланке, аптекарем Карл Эйхлер, в должности подлекаря более тридцати лет прослужил Федор Богданов.

Своих первых пациентов госпиталь Бидлоо принял 21 ноября 1707 года, и тогда же был объявлен набор «охочих людей» для обучения медицине. Изначально предполагалось, что при госпитале будут проходить обучение 50 студентов, но такого числа подходящих людей не нашлось. Отбор у мастера Бидлоо был строг: сам он не знал русского языка, а потому в ученики ему годились только те, кто знал голландский или латынь, а таковых в Москве отыскать было непросто. Столкнувшись с такой проблемой, доктор Николаас заполнил вакансии, нанебровав учеников из студентов Славяно-греко-латинской академии, откуда в школу при госпитале охотно пошли дети русских лекарей, желавшие продолжить семейную традицию, а также выходцы из среды сельского священства и солдатские сыновья, перед которыми открывались перспективы совсем необычной карьеры, дававшей твердое общественное положение и хорошие доходы. Такому массовому переходу студентов воспротивился Святейший Синод, которому подчинялась академия, но все решило мнение царя, дозволившего Бидлоо набирать учеников там, где он сочтет нужным.

Составленный доктором курс обучения студентов включал в себя анатомию и хирургию, которые преподавал сам шеф госпиталя, для вящей наглядности проводивший занятия как в операционной, так и анатомическом театре. Это пошло на пользу школе, но погубило репутацию Бидлоо как практика: по городу пополз слухок, что «дохтур Николай режет мертвцов, а куски рассовывает по банкам с зельем», после чего москвичи боялись у него лечиться. Впрочем, положение доктора Николааса было таково, что, даже потеряв суеверных пациентов, он отнюдь не бедствовал, ибо получал большое жалованье от казны.

Ботанике студентов — большей частью применительно к нуждам фармакологии и фармации — обучал Эйхлер. Он же заведовал разбитым при госпитале «аптекарским огоро-

дом», где выращивались травы и растения, шедшие на приготовление лекарств, — их свойства и разведение изучались как особый предмет. Но одними только огородными травами Эйхлер не ограничивался и в летнее время выводил учеников в подмосковные леса, где на практике учил искать полезные растения и заготавливать их. Иные лекарства той поры состояли из двух-трех десятков ингредиентов, и студентам ничего не оставалось, как тщательно записывать эти рецепты. Затем эти записи хранились в заветных сундучках годы и годы, переходя в семьях врачей из поколения в поколение, и некоторые из них дошли до наших дней.

Но не одной медициной жила госпитальная школа. Следуя старинной студенческой традиции, доктор Бидлоо создал при ней публичный театр, труппу которого составили его студенты. Спектакли в московском госпитале любили посещать москвичи, и даже сам царь Петр был их зрителем. Пьесы для госпитальной труппы писал один из лучших учеников Бидлоо — Федор Журавский, ставший потом лекарем.

Своих студентов Бидлоо учил очень тщательно и, хотя на него оказывали давление начальствующие в Аптекарском приказе лица, напрочь отказался выпускать недоучек. Первых четверых лекарей он аттестовал только в 1712 году, а всего из первого набора студентов в разное время получили дипломы и поступили на службу в армию и на флот 33 человека, то есть две трети поступивших; из остальных шестеро умерли, восемь сбежали, одного отдали в солдаты «за невоздержание», двоих перевели в другие школы. Есть сведения о том, как сложились судьбы по крайней мере некоторых из выпускников: братья Сатаровы, Максим и Иван, показав большие способности к изучению языков, занимались при Академии наук переводами медицинских трудов. Выпускник Михайла Жировой служил до 1727 года в Рязани, а потом стал лекарем Выборгского гарнизона. Никифор Колосов в 1737 году стал врачом лейб-гвардии Семеновского полка.

Московская школа выпускала не только мужчин-врачей — в свое время защитивший докторскую диссертацию по акушерско-гинекологической теме Николаас Бидлоо готовил при своем госпитале также акушеров, которых по традиции

продолжали называть «повивальными бабками», хоть ученицы Бидлоо были вовсе не стары.

За знания и умения каждого из своих учеников доктор Бидлоо ручался, и авторитет этого ручательства был столь высок, что и после его смерти, последовавшей 23 марта 1735 года, одно упоминание о том, что претендент на лекарскую должность был учеником Бидлоо, служило лучшей рекомендацией.

С кончиной доктора Бидлоо московский госпиталь и школу передали в ведение другого голландского врача, Антона Тейльса, который в России жил с 1714 года. Так же как и Бидлоо, Тейльс был потомственный врачом — его отец Вильгельм долгое время состоял врачом при голландском посольстве в Константинополе и оказывал услуги российским дипломатам. В качестве переводчика он помогал русскому посланнику барону Шафирову, но окончательно перейти к нему на службу отказался — Вильгельм Тейльс был убежденный республиканец и служить представителю самодержавного монарха не желал по принципиальным соображениям. Впрочем, это не помешало Тейльсу рекомендовать Шафирову своего сына Антона, который окончил медицинский факультет Падуанского университета. При русском посольстве в Константинополе Антон Тейльс прослужил до 1714 года, а затем с рекомендательным письмом от барона Шафирова к государственному канцлеру князю Головкину отправился искать счастья в далекой стране.

Прибыв в Москву, Антон Тейльс был определен на службу доктором при Главной аптеке, и в этой должности состоял до весны 1735 года, когда его сделали главным врачом московского госпиталя на Яузе. Но с обязанностями шефа большого госпиталя Антон Тейльс не справился — за краткий срок он совершенно развалил созданную Бидлоо школу и начисто разругался со студентами, злоупотребляя в учении батогами. Окончательно же его карьеру в качестве главного врача разрушил скандал, который доктор спровоцировал сам.

Случилось это 1 июня 1735 года. В предвечерний час доктор Тейльс отправился на прогулку. Погода стояла чудесная, и на берега Яузы вышло много гуляющих, среди которых сновали торговцы орехами, сладостями и прохладительными

ми напитками. Гуляя по яузскому бережку, доктор вдруг заметил студента госпитальной школы Михайлу Золотарева, который, устроившись возле самой воды, обнимался с какой-то дамой. Окинув взором ближнюю окрестность, доктор обнаружил еще нескольких студюозусов, которые укрывались в прибрежных кущах с «женками», один вид которых указывал на род занятий.

Воспитанный в лоне реформатской церкви, не поощрявшей не только вольностей полов, но и самых невинных развлечений, господин Тейльс был записным моралистом, а потому вскипел гневом. Он поспешил в госпиталь и, кликнув на подмогу госпитальных солдат и нескольких сторожей, устроил облаву, арестовав семерых студентов-развратников. Сохранились имена тех, кто угодил в тенета доктора: Михаил Золотарев, Дмитрий Буйнаков, Иван Бессонов, Дмитрий Шабанов, Федор Второв, Константин Муликов и Иван Коротаев. Под конвоем, вместе с «женками», их повели в полицейскую канцелярию. Дорогой, когда процессия проходила мимо Лефортова дворца, Золотарев сбежал и, кинувшись на дворцовый двор, стал звать на помощь дежуривших там солдат Преображенского полка такими примерно словами: «Братцы! Ни в чем не повинных женщин ведут в полицию! Помогите отбить!»

Не исключено, что «ни в чем не повинные женщины» эти были известны всей округе и солдаты сами порой прибегали к их ласкам, а может быть, Золотарев в своем кратком звании был как-то особенно убедителен, но только преобразенцы тут же кинулись на вырубку и, разогнав госпитальный конвой, всех освободили.

Когда доктору Тейльсу доложили, что отправленные им в полицию дамочки и студенты туда не попали, он страшно разгневался и спустя два дня отправил семерых проштрафившихся учеников в Коллегию экономики, в ведении которой тогда находился госпиталь. В сопроводительной бумаге доктор писал о том, что отосланные им люди учатся скверно, пьянствуют и развратничают, а потому просил их от госпиталя отлучить.

Однако студенты были не лыком шиты — многие из них провели в госпитальной школе по десятку лет и более, поскольку тогда определенного срока обучения не было, ви-

дали всякое и знали, кому и что сказать. Давая показания на допросах в Коллегии экономии, они уверяли, что доктор Тейльс возводит на них напраслину. Тот же Золотарев уверял, что дама, с которой его увидел Тейльс, из-за чего разгорелся весь сыр-бор, никакая не гулящая «женка», а честная жена жителя Немецкой слободы Шмидта, а разговаривал он с ней о своем белье, которое отдавал в стирку. Обвинение в нерадении по части учения студенты единогласно отвергли, заявив, что проявлять усердие им не в чем, так как никакого учения с марта месяца нет, поелику доктор Тейльс учить их не хочет, ибо сам многого не знает и боится свое незнание обнаружить. Перейдя от оправданий к обвинениям, студенты попросили экзаменовать их «помимо доктора Тейльса», для чего отправить в Петербург. Еще жаловались на мизерность своего содержания, которым невозможно прожить, не занимаясь побочными промыслами.

В имперскую столицу их, конечно, не послали, но экзамен решили устроить, собрав комиссию из компетентных врачей. В зависимости от результата этих испытаний должны были выбрать — кого оставить учиться далее, а неспособных сдать в солдаты. Тогда же в госпитале были проведены проверки, выявившие, что учение действительно не производится, и решено было вернуть на прежнюю должность доктора Матвея Кланке для преподавания теоретических наук; обучение операциям, анатомии и хирургии поручили доктору Траутготту Герберу, выпускнику Лейпцигского университета, исполнявшему обязанности смотрителя Аптекарского сада. Обоим докторам-преподавателям положили жалованье 300 рублей на год.

С семерыми студентами, обвиненными доктором Тейльсом, поступили следующим образом. самого старшего из них, Буйнакова, несмотря на обвинения Тейльса, указывавшего, что данный индивид сильно пьет и груб с пациентами: «Одного болящего рукой толкал в брюхо, от чего тот всю ночь пребывал в беспокойстве», оправдали и произвели в лекаря. Сделано это было не столько по знаниям, им показанным, а в уважение многих лет учения — Буйнаков оставался при госпитале еще с первого набора, проведенного Бидлоо в 1707 году. Тогда же ко всеобщему обозрению были открыты суммы содержания студентов-медиков: тот же Буйнаков

за восемнадцать лет ученичества в сумме получил 264 рубля 24 копейки. Сотоварищей Буйнакова экзаменовали перед особой комиссией во главе с штат-физиком московской аптеки доктором Демьяном Синопием. Все они продемонстрировали слабые знания, но все же их отправили в медицинскую канцелярию «для определения к местам», и только Константин Муликова вернули в госпитальную школу.

А там произошли значительные изменения, поскольку неудачное управление госпиталем и школой доктором Тейльсом вызвало недовольство архиятера, то бишь царского лейб-медика, Ивана Фишера, который стал отправлять Антона Тейльса, подальше от школы, в командировки — благо что было куда: в стране свирепствовала эпидемия «моровой язвы». А в 1738 году Тейльса от управления госпиталем отстранили окончательно и вместо него назначили Лаврентия Лаврентьевича Блюментроста, выходца из влиятельного клана медиков, обосновавшихся в Москве во второй половине XVII века. Доктор Блюментрост занялся устройством школы, повысив уровень преподавания предметов и добрав число учеников «до прежних кондиций», то есть до 50 человек. Никаких особо грандиозных событий под его руководством не произошло, но госпиталь и школа работали вполне исправно.

Медико-хирургическое училище при московском госпитале, неоднократно реформируемое и переподчинявшееся разным ведомствам, просуществовало без малого век, до 1798 года, когда все подобные училища были переименованы в Медико-хирургические академии. Созданный Николаасом ван Бидлоо госпиталь существует и поныне под названием «Главный военный клинический госпиталь имени Н. Н. Бурденко». Имя его основателя известно разве что тем, кто интересуется историей отечественной медицины, но, если дело того, кто уже давно умер, вполне живо, это, наверное, и есть один из вариантов бессмертия.

Вместо эпилога Приключения царского учителя

Король-рыцарь Карл XII, которого царь Петр величал своим учителем, не желал считаться с политическими нюансами и вместо того, чтобы закончить с войной на самом выгодном для себя этапе, продолжил воевать, обрушившись на Польшу. Русских он за противников не считал. И даже когда осенью 1707 года двинул войска на Россию, надеялся на легкую победу, не понимая, как за эти годы изменился его противник. У него еще был шанс, когда в 1708 году в его лагерь, под Вильно, прибыли послы царя Петра с предложением мира на сложившихся условиях, но Карл желал вернуть под власть шведской короны те земли в устье Невы, которые русский царь успел захватить, пока он покорял Польшу. И не просто вернуть, а непременно, прежде захватив Москву, перекроить карту по своему разумению. О том, что он намеревался делать далее, после того как победит, точных сведений не имеется. На этот счет король особенно не распространялся, ибо настоящий рыцарь должен быть скуп на слова.

Ему нравилось воевать. Он полагал себя защитником истиной лютеранской веры. По его разумению, это были вполне достаточные поводы для продолжения военных действий. Главным образом по этим причинам предложения русских послов о мире были отвергнуты, и шведская армия продолжила поход, не подозревая, что идет к гибели.

В этом походе, к немалому своему изумлению, шведы столкнулись с какой-то странной тактикой: противник уклонялся от больших сражений, отступая в глубь страны, а уходя,

уничтожал все припасы, оставляя за собой выжженные селенья. Наступить по огромной, искусственно созданной пустыне король не решился и, вопреки первоначально разработанному плану, на Москву не пошел, а свернул на Украину, где, пополнив запасы продовольствия и фуража, стал ждать подхода корпуса Левенгаупта. Ожидания были напрасны — корпус был перехвачен русскими на марше и разгромлен.

Неприятности продолжились, когда Карл осадил Полтаву: узнав о приближении главных сил русских, он пожелал лично отправиться на разведку и, наткнувшись на русские аванпосты, в перестрелке получил пулю в ногу. Решающей битвой войны он мог командовать, только сидя в кресле, и, когда его армия потерпела сокрушительное поражение, Карл с горстью верных ему людей едва избежал плена.

Отступление, более похожее на бегство, закончилось во владениях турецкого султана, где Карла XII приняли как почетного гостя. Остановился король и те немногие шведы, что спаслись вместе с ним после поражения под Полтавой, в маленьком молдавском городке Бендеры, подле которого в селе Варницы Карл основал временную штаб-квартиру, откуда управлял Швецией и подвластными ей странами, гоняя курьеров до Стокгольма через весь континент.

Впрочем, управление было занятием второстепенным. Король грезил военным реваншем, строил грандиозные планы, мечтая уговорить султана поставить его во главе турецкого войска и с этими силами атаковать москвитов, чтобы поквитаться с царем Петром.

Отчасти его мечты сбылись: в 1711 году султан начал войну, в ходе которой русская армия, которой командовал сам Петр, после ряда боев в Молдавии оказалась окруженной в лагере под Станилешти. Ситуация была столь катастрофична, что Петр даже отправил гонца с письмом Сенату, объявив свою волю: если он окажется в руках турок, государем его больше не считать и никаких присланных распоряжений, даже написанных им собственноручно, не исполнять. Но турки предпочли получить свое без сражения — Петру предложили мир с условием, что он вернет Азов со всем округом, передаст Турции Троицкую крепость и Таганрог, а также срует все укрепления на Дону и Днестре. Петру ничего

не оставалось, как подписать мирный договор. Как ни пытались крымский хан и Карл помешать этому, султанский визирь, командовавший войсками, их слушать не стал, и русские войска были выпущены из Молдавии.

В конце концов шведский король изрядно надоел Блистательной Порте. Дорогому гостю не раз намекали на то, что пора бы ему отправиться на родину и заняться делами собственного королевства, но он упорствовал, надеясь-таки втянуть Турцию в войну. Тогда не понимавшего тонких намеков загостившегося короля решили выставить из пределов Османской империи более решительными методами. В Бендеры направили отряд почетной стражи из тысячи турецких и татарских воинов, который должен был проводить Карла до границы. Но король заявил, что будет отбиваться, и изготовил к бою бывших с ним 300 шведских солдат и офицеров. Султан предусмотрел такой вариант развития событий, а потому у посланных им командиров имелись полномочия на применение силы. Кончилось все тем, что после рукопашной схватки со многими жертвами короля скрутили и отвезли в замок Демирташ. Более Карла не понуждали к отъезду, но зато лишили бесконтрольных контактов с внешним миром и возможности действовать. Расчет оказался точен — провалявшись на диванах месяца три, непоседа-король объявил о желании более не обременять своим присутствием Блистательную Порту и приказал своим придворным собираться в дорогу.

К осени 1714 года все было готово, и караван шведов в сопровождении почетного турецкого эскорта двинулся в дальний путь. На границе с Трансильванией король отпустил турецкий конвой и объявил своим подданным, что дальше поедет в сопровождении одного офицера. Приказав обоим идти к Штральзунду — крепости в шведской Померании — и быть там не позже чем через месяц, сам Карл, с подложными документами на имя капитана Фриска, в бешеной скачке пересек Трансильванию, Венгрию, Австрию, Баварию, миновал Вюртемберг, Гессен, Франкфурт и Ганновер и добрался до Штральзунда в две недели.

У короля Карла был резон поспешать с возвращением. Пока их величеству угодно было наслаждаться военными приключениями и политическими интригами в дальних

краях, в его собственном королевстве дела пошли совсем худо. В Прибалтике русские взяли Ревель и Ригу, в Финляндии русский флаг развевался над Кексгольмом, Выборгом, Гельсингфорсом и Або. Союзники императора Петра громили шведов в Померании, под их натиском пали Бремен, Штеттен, Ганновер и Бранденбург. Вскоре после возвращения Карла сдался Штральзунд, который королю пришлось покинуть под обстрелом вражеской артиллерии, спасаясь от нового пленения на небольшом гребном судне.

Лишь в 1715 году он вернулся на шведскую землю после многих лет отсутствия. Все было точно так, как описывалось в любимых им рыцарских романах, — странствующий рыцарь, вернувшись домой нищим, застал там сплошные неурядицы. Но с его возвращением все стало только хуже, потому что король все еще хотел воевать. Многие как подобие золотого века вспоминали времена, когда его увлечения ограничивались скачками, охотами, балами и рыцарскими романами.

Разговоры о том, что продолжение войны обернется экономической катастрофой, совершенно не пугали короля-рыцаря, полагавшего, что, если он сам довольствуется одним мундиром и переменной белья, питается из солдатского котла, значит, и подданные могут потерпеть, покуда он разгромит всех врагов королевства и лютеранской веры. По приказу Карла полки пополнялись рекрутами, опять отливались пушки, заготавливался фураж и продовольствие, штабы разрабатывали планы новых компаний. Недовольство подданных между тем росло.

Свою штаб-квартиру король разместил в Лунде, объявив, что в столицу королевства вернется только победителем. Осенью 1718 года он повел свою армию против датчан, направив наступление на город Фредриксхалл, стратегически важный пункт обороны всей Южной Норвегии. Подходы к Фредриксхаллу прикрывал горный замок Фредрикстен, мощная крепость с несколькими внешними укреплениями. Под стены Фредрикстена шведы пришли 1 ноября, заперев в осаде гарнизон в 1800 солдат и офицеров. Охваченный боевым задором, король лично руководил всеми осадными работами. В ночь с 17 на 18 декабря он пожелал лично инспектировать ход земляных работ. Его сопровождали личный адъютант, итальянец капитан Маркетти, капитан лейб-гвардии Кнут

Пассе, генерал-майор от кавалерии фон Шверин, саперный капитан Шульц, лейтенант-инженер Карлберг, а также команда иностранных военных инженеров — два немца и четверо французов. В траншеях к свите короля примкнул адъютант и личный секретарь генералиссимуса Фридриха Гессен-Касельского французский офицер Андре Сикр, хоть никаких очевидных причин присутствовать в тот час и в том месте у него не было.

Около девяти часов вечера Карл в очередной раз поднялся на бруствер и при вспышках осветительных ракет, пускавшихся из замка, осмотрел ход работ в подзорную трубу. В траншее у его ног стоял французский полковник инженер Мегре, которому король отдавал распоряжения. Потом король замолчал. После долгой паузы офицеры окликнули его из траншеи, но он не отозвался. Тогда адъютанты поднялись на бруствер и при свете очередной датской ракеты увидели, что король лежит, уткнувшись носом в землю. Когда его перевернули и осмотрели, оказалось что Карл XII мертв — у него была прострелена голова.

Тело погибшего монарха на носилках вынесли с передовых позиций и доставили в палатку главного штаба, передав в распоряжение лейб-медика и личного друга покойного Мельхиора Неймана, который стал готовить все необходимое для бальзамирования.

Уже на другой день собравшийся в шведском лагере военный совет в связи с кончиной короля решил прекратить поход. Осада была снята на следующий день после гибели короля, а принявшие на себя команду генералы разделили воинскую казну, состоявшую из ста тысяч талеров. Герцог Голштин-Готторпский получил 6 тысяч, фельдмаршалы Ренскольд и Мёрнер — по 12 тысяч. Старшим офицерам выдали по 600 талеров, а генерал-майорам по 800 — всем, за исключением генерал-майора Кронштедта, которому перепало аж 4 тысячи талеров.

В суматохе поспешного отступления и суеты, связанной со сменой правления, никакого расследования смерти Карла XII «по горячим следам» не производилось. Не был даже составлен официальный протокол об обстоятельствах его гибели! Всех причастных к этой истории вполне удовлетво-

рила версия, согласно которой в голову короля попала картечь «величиной с голубиное яйцо», выпущенная по траншеям шведов из крепостной пушки. Таким образом, главной виновницей гибели Карла XII объявлялась военная случайность, не щадящая ни королей, ни простолюдинов.

Однако помимо официальной версии почти сразу же после смерти Карла возникла и другая, предполагавшая, что короля под Фредрикстеном убили заговорщики. Подозрение это родилось не на пустом месте: слишком уж много желающих отправить шведского монарха к праотцам находилось в рядах его собственного войска.

Еще пребывая в Турции, король пытался наложить вето на сбор дворянского сейма, на которое, впрочем, не обратили внимания — сейм собрался в 1714 году, и было принято решение склонить короля к поискам мира. В свою очередь, Карл игнорировал это постановление и мира заключать не стал. Как бы то ни было, у него появилась оппозиция — аристократическая партия, главой которой считался гессенский герцог Фридрих, в 1715 году сочетавшийся законным браком с принцессой Ульрикой-Элеонорой, единственной сестрой и наследницей его величества Карла XII. И в том, что в лагере Карла XII были приверженцы этой партии, сомневаться не приходится. Кроме того, не исключено, что шведские заговорщики вступили в связь с несколькими европейскими дворами, которым мешал король, готовый воевать за честь и славу хоть с целым светом, невзирая на интересы «гранд-пасьянса европейской политики».

Первое время главным подозреваемым был личный королевский адъютант Андре Сикр — предполагали, что это он убил короля, чтобы расчистить путь к власти для своего покровителя принца Фридриха. Но у Сикра было твердое алиби — в ту ночь рядом с ним в траншее было еще несколько человек, которые показали, что никто из присутствовавших не стрелял. К тому же Сикр стоял так близко к королю, что выстрели он, в ране и вокруг нее непременно остались бы следы пороха, а их не было.

Еще подозревали инженера Мегре, который якобы мог решиться на убийство во имя интересов французской короны. Собственно, по очереди подозревали всех бывших в ту ночь в траншее, но верных доказательств так и не нашли. Тем не

менее слухи об убийстве короля заговорщиками не затихали, пресечь их власти королевства оказались не в состоянии, а потому через 28 лет после гибели Карла, в 1746 году, по высочайшему распоряжению гроб покойного монарха вскрыли, чтобы установить точно — как именно его убили.

Добросовестный доктор Нейман набальзамировал труп Карла XII так прилежно, что тление его почти не тронуло. Раны на голове были тщательным образом осмотрены. Обнаружили отверстие в семь линий длиной и две шириной в правом виске, возле уха, на левой стороне весь висок был выбит пулей, пронзившей голову насквозь. Эксперты — медики и военные — высказали свое мнение: рану оставила не круглая пушечная картечь, а коническая ружейная пуля, выпущенная со стороны крепости. Расчеты, однако, показывали, что до места гибели Карла пули от неприятельских позиций долететь могли, но силы выстрела не хватило бы, чтобы пробить голову насквозь и выбить висок: пуля, выпущенная с ближайшей датской позиции, должна была остаться в черепе, если не застрять в самой ране. Значит, кто-то выстрелил в короля со значительно более близкого расстояния. Но кто?

Осенью 1750 года знаменитого стокгольмского проповедника Толлетадуса, пастора стокгольмской церкви Св. Якова и Иоанна, срочно позвали к одру умиравшего генерал-майора барона Кронштедта, того самого, которому под Фредрикстеном досталось 4 тысячи талеров. Находящийся при смерти генерал, вцепившись в руку духовника, заклинал его немедленно отправиться к полковнику Штериорсу и потребовать от него именем Господа признания в том же, в чем терзаемый муками совести барон открылся пастору: они оба виновны в смерти короля шведов Карла XII.

Генерал Кронштедт в шведской армии заведовал огневой подготовкой и был известен как изобретатель методов скоростной стрельбы. Сам блестящий стрелок, барон подготовил немало офицеров, которых сегодня назвали бы снайперами, и одним из его учеников был Магнус Штериорс, получивший звание поручика в 1705 году. Спустя два года молодого офицера зачислили в отряд лейб-драбантов — личных телохранителей короля. Он побывал во всех переделках, которыми изобиловала биография его монарха. На него никогда не

падала даже тень подозрения причастности к убийству короля. Тем не менее, исполняя волю умирающего, пастор отправился к Штериорсу и передал ему слова Кронштедта. Штериорс, к тому времени уже дослужившийся до полковника, ответил Толлетадиусу, что у умирающего, видимо, бред и он заговаривается. Выслушав ответ своего бывшего ученика, сообщенный ему пастором, барон вновь послал к нему Толлетадиуса, велел сказать: «Чтобы полковник не думал, будто я заговариваюсь, скажите ему, что он сделал “это” из карабина, висящего третьим на оружейной стене его кабинета».

Второе послание барона привело Штериорса в неопишемую ярость, и он выгнал пастора, требуя, чтобы его оставили в покое. Связанный обетом сохранения тайны исповеди, Толлетадиус никому ничего не сказал, образцово исполнив свой священнический долг. Лишь после смерти священника, последовавшей в 1759 году, в его бумагах обнаружили изложение рассказанного генералом Кронштедтом, из которого следовало, что Кронштедт по поручению заговорщиков подобрал стрелка, предложив эту роль Магнусу Штериорсу. Оба они в числе телохранителей, следовавших за королем повсюду, отправились той ночью в траншеи, но в ночной неразберихе ходов сообщений незаметно оторвались от общей группы и остались одни. Барон зарядил карабин и передал его Штериорсу. Поручик выбрался из траншеи и прокрался на ничейную землю между позициями враждующих сторон. Выждав момент, когда короля осветило ракетой, Магнус, не посрамив своего учителя, вlepил в голову Карла пулю, а потом вернулся в шведские окопы незамеченным. Позже он получил 500 талеров наградных из воинской казны, разграбленной после убийства короля.

Обвинение Кронштедта несколько не отразилось на карьере Штериорса — он дослужился до чина генерала кавалерии и умер в Стокгольме в 1762 году. Записи покойного пастора, изложившего содержание предсмертной исповеди барона Кронштедта, было недостаточно для официального обвинения.

Но это далеко не единственная версия. Многие были склонны видеть в гибели Карла XII «французский след» — в каком-то смысле для шведов этот вариант был гораздо приятнее признания того, что, возможно, самый доблестный ко-

роль Швеции пал от руки телохранителя, получившего за это грязное дело плату деньгами из казны шведской армии, ограбленной шведскими генералами.

Уже совсем на излете XVIII столетия, в 1789 году, шведский король Густав III назвал еще одну причину, из-за которой могли убить короля Карла XII. В разговоре с французским посланником графом Карсом в Дротнинггольмском замке его величество убежденно назвал Кронштедта и Штериорса непосредственными исполнителями убийства, за спинами которых стояли люди из окружения английского короля Георга I. По словам короля Густава, у него имелись бумаги, где был изложен план, разработанный испанским кардиналом Альберони и согласованный с Карлом. После взятия Фредриксхалла шведский король должен был с корпусом в 20 тысяч штыков отправиться от берегов Норвегии к Британским островам и, высадившись в Шотландии, поддержать армию сына короля Якова II, воевавшего против правившего Георга I, сына курфюрста Ганноверского и внучки английского короля Якова I. Что было в этой борьбе Карлу XII? Возможно, его убедили в том, что претензии претендента на английский трон более законны, нежели у Георга, и он, как рыцарь, согласился помочь. Не исключено, что ему захотелось «поставить на место» своего подданного, ведь родина короля Георга — Ганновер — была частью владений, которые Карл считал «временно утраченными». Немаловажно и то, что план кардинала Альберони нашел поддержку у королевского министра Герца — ему Карл полностью доверял. А коль скоро Карл всерьез намеревался отправиться за море, то вполне возможно, что англичане «позаботились» о том, чтобы король не смог эти планы осуществить.

Чтобы отыскать следы убийц, неоднократно предпринимались попытки реконструкции событий, связанных с гибелью короля. Противники «версии заговора» утверждали, что в голову Карлу XII попала пуля, выпущенная из так называемого «крепостного ружья». Это был род ручного огнестрельного оружия большей мощности и калибра, чем обычные ручные ружья. Выстрел из него производился со стационарной подставки, и предназначалось оно, чтобы обстреливать осаждавших на дальних подступах к укреплениям. Шведский

врач Нистрон, убежденный сторонник «теории заговора», в 1907 году решил проверить версию с выстрелом из крепостного ружья. Сам Нистрон полагал, что прицельный выстрел на таком расстоянии невозможен, и собирался доказать это экспериментально. По его заказу изготовили точную копию крепостного ружья начала XVIII века. Доктор зарядил его порохом и пулями, аналогичными тем, что использовались при осаде Фредрикстена. На месте, где был убит Карл XII, установили мишень, по которой со стены Фредрикстена из реконструированного крепостного ружья сам Нистрон выпустил 24 пули. Результат эксперимента был поразителен: тринадцать пуль попали в цель! Так, доказывая невозможность случайной гибели короля, доктор доказал полную ее возможность.

Воинственному шведскому монарху его кончина, помимо шлейфа тайн и легенд, принесла еще и сомнительное первенство: кто бы ни был его убийца — солдат-датчанин или швед-заговорщик, но, сразив Карла XII снайперским выстрелом, он тем самым открыл счет главам государств, отправленных на тот свет подобным образом.

Воистину король Карл XII был великолепным учителем для столь близкого ему по возрасту и масштабности замыслов царю Петру. Он практически предварил его, совершив все возможные ошибки во внешней и внутренней политике. При этом в противостоянии с ним русская армия превратилось в современное войско. Еще один подарочек шведской короны — это многочисленные шведские пленные. Многие из них, видя, сколь скверно положение их страны, изъявили желание служить России. Так в русскую армию и флот влились сотни опытных офицеров и солдат, а на русскую гражданскую службу поступили сотни специалистов. Множество шведов обрусели, поселившись на берегах родной им Балтики, но уже являясь подданными русской короны.

Это была далеко не последняя волна эмиграции иностранцев в Россию. Впереди был еще массовый приход курляндцев, голштинцев, приезжавших вслед за своими аристократами, которых в русскую столицу приводили самые разные обстоятельства. А на исходе XVIII столетия Российской империи накрыла волна франкофилии, и почти сразу вслед за

ней в страну прибыло множество эмигрантов, спасавшихся от революционных потрясений.

Количество иностранцев, прежде всего западноевропейцев, послуживших России и ставших русскими, сохраняя память о своем происхождении, не поддается никакому исчислению. Их роль в становлении русской армии, науки, театра, художеств, ремесел, мод, торговли, развлечений, литературного языка такова, что уместить все в одной книге просто невозможно. Их вклад в русскую жизнь в целом необычайно велик, и об этом хорошо бы помнить и русским, и европейцам — и в дни дружбы, и в дни противостояния России и Запада.

Содержание

1. Итальянская эпоха в Московии	5
2. Английское присутствие	63
3. Аты-баты, шли солдаты	87
4. Вторая слобода	107
5. Иноземные школы	119
6. Театральный дебют в Москве	132
7. Шотландские карьеры	146
8. Как короля сыграла свита.	170
9. Хорошо выученные жестокие уроки	198
Вместо эпилога. Приключения царского учителя	222

Ярхо В.

Я78 Иноземцы на русской службе. Военные, дипломаты, архитекторы, лекари, актеры, авантюристы... / Валерий Ярхо. — М. : Ломоносовъ. — 2015. — 240 с. — (История. География. Этнография).

ISBN 978-5-91678-257-8

В книге Валерия Ярхо, охватывающей без малого три века, со времени правления Василия Темного до начала преобразований Петра I, собран богатейший — и в значительной части редкий — материал об иностранцах, которые прибывали на русскую службу. Итальянцы, немцы, голландцы, греки, англичане и шотландцы, шведы, представители других европейских и неевропейских народов ехали в Московию, привлеченные слухами о щедрости здешних правителей. Встречались среди них зодчие, книжники, врачи, актеры, но еще больше было военных и всякого рода искателей приключений, вплоть до самых настоящих пиратов, которые промышляли с каперским свидетельством, выданным Иваном Грозным. Одни, хорошо нажившись на русской земле, отбывали восвояси, другие, наоборот, оседали здесь навсегда, пускали корни и до конца верно служили своей новой родине, а потомки их уже были русскими по культуре, языку и обычаям.

Валерий Ярхо — историк, автор нескольких книг. В 2013 году в издательстве «Ломоносовъ» вышла его книга «Из варяг в Индию».

УДК 94(47).04

ББК 63.3(2)44-45

Книга изготовлена в соответствии с Федеральным законом
от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ, ст. 1, п. 2, пп. 3.
Возрастных ограничений нет

История. География. Этнография

Валерий Ярхо

Иноземцы на русской службе

Военные, дипломаты,
архитекторы, лекари, актеры,
авантюристы...

Редактор К. Муллис
Верстка А. Петровой
Корректор Н. Пушина

Подписано в печать 16.02.2015.

Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 15. Тираж 1200 экз. Заказ № 724

ООО «Издательство «Ломоносов»

119034 Москва, Малый Левшинский пер., д. 3

Тел. (495) 637-49-20, 637-43-19

info@lomonosov-books.ru

www.lomonosov-books.ru

Отпечатано способом ролевой струйной печати

в ОАО «Первая Образцовая типография»

Филиал «Чеховский Печатный Двор»

142300, Московская область, г. Чехов,

ул. Полиграфистов, д. 1

Сайт www.chpd.ru, E-mail: sales@chpd.ru, т/ф. 8(496)726-54-10

история/география/этнография

В СЕРИИ ВЫШЛИ:

- 1 Лев Минц. КОТЕЛОК дядюшки Ляо
- 2 Виталий Бабенко. ЗЕМЛЯ — ВИД СВЕРХУ
- 3 Ольга Семенова-Тян-Шанская. ЖИЗНЬ «ИВАНА»
- 4 Владислав Петров. ТРИ КАРТЫ УСАТОЙ КНЯГИНИ
- 5 Свен Хедин. В СЕРДЦЕ АЗИИ
- 6 Геннадий Коваленко. РУССКИЕ И ШВЕДЫ ОТ РЮРИКА ДО ЛЕНИНА
- 7 Лев Минц. ПРИДУМАННЫЕ ЛЮДИ С ОСТРОВА МИНДАНАО
- 8 Бенгт Янгфельдт. ОТ ВАРЯГОВ ДО НОБЕЛЯ
- 9 Олег Ивик. ИСТОРИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЙ
- 10 Анна Мурадова. КЕЛЬТЫ АНФАС И В ПРОФИЛЬ
- 11 Даниэль Клугер. ТАЙНА КАПИТАНА НЕМО
- 12 Валерий Гуляев. ДОКОЛУМБОВЫ ПЛАВАНИЯ В АМЕРИКУ
- 13 Светлана Плетнева. ПОЛОВЦЫ
- 14 Ким Малаховский. ПИРАТЫ БРИТАНСКОЙ КОРОНЫ
ФРЭНСИС ДРЕЙК И УИЛЬЯМ ДАМПИР
- 15 Алексис Трубецкой. КРЫМСКАЯ ВОЙНА
- 16 Валерий Гуляев. ЗАГАДКИ ИНДЕЙСКИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ
- 17 Олег Ивик. ЖЕНЩИНЫ-ВОИНЫ: ОТ АМАЗОНОК ДО КУНОИТИ
- 18 Виолет Вануайек. ВЕЛИКИЕ ЗАГАДКИ ДРЕВНЕГО ЕГИПТА
- 19 Яков Свет. ЗА КОРМОЙ СТО ТЫСЯЧ ЛИ
- 20 Лев Минц. БЛИСТАТЕЛЬНЫЙ ХИМЬЯР И ПЛИССИРОВКА ЮБОК
- 21 Аксель Одельберг. НЕВЫДУМАННЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ
СВЕНА ХЕДИНА
- 22 Гомбожаб Цыбиков. БУДДИСТ-ПАЛОМНИК У СВЯТЫНЬ ТИБЕТА
- 23 Никита Кривцов. СЕЙШЕЛЫ — ОСКОЛКИ ТРЕХ КОНТИНЕНТОВ
- 24 Олег Ивик. ИСТОРИЯ СЕКСУАЛЬНЫХ ЗАПРЕТОВ И ПРЕДПИСАНИЙ
- 25 Виктор Бердинских. РЕЧИ НЕМЫХ
- 26 Светлана Федорова. РУССКАЯ АМЕРИКА: ОТ ПЕРВЫХ ПОСЕЛЕНИЙ
ДО ПРОДАЖИ АЛЯСКИ

- 27 Стаффан Скотт. ДИНАСТИЯ БЕРНАДОТОВ: КОРОЛИ, ПРИНЦЫ И ПРОЧИЕ...
- 28 Геннадий Левицкий. САМЫЕ БОГАТЫЕ ЛЮДИ ДРЕВНЕГО МИРА
- 29 Георгий Вернадский. МОНГОЛЫ И РУСЬ
- 30 Наталья Пушкарева. ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ ЖЕНЩИНЫ В ДРЕВНЕЙ РУСИ И МОСКОВИИ: НЕВЕСТА, ЖЕНА, ЛЮБОВНИЦА
- 31 Виталий Белявский. ВАВИЛОН ЛЕГЕНДАРНЫЙ И ВАВИЛОН ИСТОРИЧЕСКИЙ
- 32 Олег Ивик. ИСТОРИЯ И ЗООЛОГИЯ МИФИЧЕСКИХ ЖИВОТНЫХ
- 33 Лев Карсавин. МОНАШЕСТВО В СРЕДНИЕ ВЕКА
- 34 Владислав Петров. ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ СМЕРТИ
- 35 Олег Ивик. ЕДА ДРЕВНЕГО МИРА
- 36 Стефан Цвейг. ПОДВИГ МАГЕЛЛАНА
- 37 Вашингтон Ирвинг. ЖИЗНЬ ПРОРОКА МУХАММЕДА
- 38 Владимир Новиков. РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ УСАДЬБА
- 39 ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1812 ГОДА ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННИКОВ
- 40 Наталья Пушкарева. ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ РУССКОЙ ЖЕНЩИНЫ XVIII ВЕКА
- 41 Сергей Ольденбург. КОНФУЦИЙ. БУДДА ШАКЬЯМУНИ
- 42 Фаина Османова, Дмитрий Стахов. ИСТОРИИ ПРОСТЫХ ВЕЩЕЙ
- 43 Генрих Бёмер. ИСТОРИЯ ОРДЕНА ИЕЗУИТОВ
- 44 Алексей Смирнов. СКИФЫ
- 45 Андрей Снесарев. НЕВЕРОЯТНАЯ ИНДИЯ: РЕЛИГИИ, КАСТЫ, ОБЫЧАИ
- 46 Генри Чарлз Ли. ВОЗНИКНОВЕНИЕ И УСТРОЙСТВО ИНКВИЗИЦИИ
- 47 Олег Ивик, Владимир Ключников. ХАЗАРЫ
- 48 Вячеслав Шпаковский. ИСТОРИЯ РЫЦАРСКОГО ВООРУЖЕНИЯ
- 49 Лев Ельницкий. ВЕЛИКИЕ ПУТЕШЕСТВИЯ АНТИЧНОГО МИРА
- 50 Юрий Чернышов. ДРЕВНИЙ РИМ: МЕЧТА О ЗОЛОТОМ ВЕКЕ

история/география/этнография

В СЕРИИ ВЫШЛИ:

- 51 Виктор Бердинских. РУССКАЯ ДЕРЕВНЯ: БЫТ И НРАВЫ
- 52 Сергей Макеев. ДЕЛО О СИНЕЙ БОРОДЕ
- 53 Борис Романов. ЛЮДИ И НРАВЫ ДРЕВНЕЙ РУСИ
- 54 ПЕЧЕНЕГИ
- 55 Генрих Вильгельм Штоль. ДРЕВНИЙ РИМ В БИОГРАФИЯХ
- 56 Алексей Смирнов. НЕСОСТОЯВШИЙСЯ РУССКИЙ ЦАРЬ
КАРЛ ФИЛИПП, или ШВЕДСКАЯ ИНТРИГА СМУТНОГО ВРЕМЕНИ
- 57 Александр Куланов. ОБНАЖЕННАЯ ЯПОНИЯ
- 58 Валерий Ярхо. ИЗ ВАРЯГ В ИНДИЮ
- 59 ИНСТИТУТЫ БЛАГОРОДНЫХ ДЕВИЦ В МЕМУАРАХ ВОСПИТАННИЦ
- 60 Владислав Петров. ДРЕВНЯЯ ИСТОРИЯ СЕКСА В МИФАХ И ЛЕГЕНДАХ
- 61 Михаил Мочалов. ДРЕВНЯЯ АССИРИЯ
- 62 Константин Кудряшов. АЛЕКСАНДР I И ТАЙНА ФЕДОРА КОЗЬМИЧА
- 63 Виктор Калашников. РУССКАЯ ДЕМОНОЛОГИЯ
- 64 Рафаил Нудельман. ПРОГУЛКИ С БИБЛИЕЙ
- 65 МОСКОВИЯ ПРИ ИВАНЕ ГРОЗНОМ ГЛАЗАМИ ИНОЗЕМЦЕВ
- 66 Георгий Вернадский. РУССКОЕ МАСОНСТВО В ЦАРСТВОВАНИЕ
ЕКАТЕРИНЫ II
- 67 Олег Ивик, Владимир Ключников. СЮННУ, ПРЕДКИ ГУННОВ,
СОЗДАТЕЛИ ПЕРВОЙ СТЕПНОЙ ИМПЕРИИ
- 68 Константин Иванов. ТРУБАДУРЫ, ТРУВЕРЫ, МИННЕЗИНГЕРЫ
- 69 Галина Шебалдина. ЗАЛОЖНИКИ ПЕТРА I И КАРЛА XII
- 70 ТАМЕРЛАН — ЖЕЛЕЗНЫЙ ХРОМЕЦ
- 71 Василий Смирнов. КРЫМСКОЕ ХАНСТВО В XVIII ВЕКЕ
- 72 Яков Канторович. ПРОЦЕССЫ О КОЛДОВСТВЕ В ЕВРОПЕ
И РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

- 73 Татьяна Георгиева. РУССКАЯ ПОВСЕДНЕВНАЯ
КУЛЬТУРА
- 74 Александр Васильев. ВИЗАНТИЯ И КРЕСТОНОСЦЫ.
ПАДЕНИЕ ВИЗАНТИИ
- 75 Фаина Османова, Дмитрий Стахов. ИСТОРИИ ПРОСТОЙ ЕДЫ
- 76 Геннадий Левицкий. ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ
- 77 Василий Веретенников. ИСТОРИЯ ТАЙНОЙ КАНЦЕЛЯРИИ
ПЕТРОВСКОГО ВРЕМЕНИ
- 78 Олег Ивик. ИСТОРИЯ И ГЕОГРАФИЯ ЗАГРОБНОГО МИРА
- 79 Константин Иванов. СРЕДНЕВЕКОВЫЕ ЗАМОК, ГОРОД, ДЕРЕВНЯ
И ИХ ОБИТАТЕЛИ
- 80 Алексей Бокшанин, Олег Непомнин. ЛИКИ
СРЕДИННОГО ЦАРСТВА
- 81 Петр Черкасов. КАРДИНАЛ РИШЕЛЬЕ
- 82 Василий Бартольд. ТЮРКИ
- 83 ДРЕВНИЕ ГЕРМАНЦЫ
- 84 Ирина Опимах. ЖИВОПИСНЫЕ ИСТОРИИ
- 85 Владимир Печенкин. СОВЕТСКАЯ ВОДКА
- 86 Георгий Вернадский. КИЕВСКАЯ РУСЬ
- 87 Михаил Артамонов. КИММЕРИЙЦЫ И СКИФЫ
- 88 Дмитрий Колосов. АРИИ
- 89 Леонид Васильев. КУЛЬТЫ, РЕЛИГИИ, ТРАДИЦИИ В КИТАЕ
- 90 Василий Болотов. ТРИ ПЕРВЫХ ВЕКА ХРИСТИАНСТВА
- 91 Витольд Новодворский. ИВАН ГРОЗНЫЙ И СТЕФАН БАТОРИЙ:
СХВАТКА ЗА ЛИВонию
- 92 Вадим Эрлихман. АНГЛИЙСКИЕ КОРОЛИ

все книги
издательства «Ломоносовъ»
в интернет-магазине
на сайте

www.lomonosov-books.ru

Доставка по Москве — курьером, по России —
почтой • Издательские цены • Скидки и акции
для постоянных покупателей • Оперативная
информация о новинках издательства

info@lomonosov-books.ru

Валерий Ярхо

Иноземцы
на русской
службе

В книге Валерия Ярхо, охватывающей без малого три века, со времени правления Василия Темного до начала преобразований Петра I, собран богатейший — и в значительной части редкий — материал об иностранцах, которые прибывали на русскую службу.

Итальянцы, немцы, голландцы, греки, англичане и шотландцы, шведы, представители других европейских и неевропейских народов ехали в Московию, привлеченные слухами о щедрости здешних правителей. Встречались среди них зодчие, книжники, врачи, актеры, но еще больше было военных и всякого рода искателей приключений, вплоть до самых настоящих пиратов, которые промышляли с каперским свидетельством, выданным Иваном Грозным. Одни, хорошо нажившись на русской земле, отбывали восвояси, другие, наоборот, оседали здесь навсегда, пускали корни и до конца верно служили своей новой родине, а потомки их уже были русскими по культуре, языку и обычаям.

Валерий Ярхо — историк, автор нескольких книг.

В 2013 году в издательстве «Ломоносовъ» вышла его книга «Из варяг в Индию».

ISBN 978-5-91678-257-8

9 785916 782578